This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

~~309 c. 12~~
Confined to Library

~~PG3447.Z5.A17.1849(5)~~
REP. SLAV. 9546

302596177/

Dr. Wilh. Körner,
BERLIN:

СТИХОТВОРЕНІЯ
В. ЖУКОВСКАГО.
V.

309. с. 12.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Сентября 20 дня 1834 года.

Цензоръ А. НИКИТЕНКО.

Придворная Типографія В. ГАСПЕРА, въ Карлсруэ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

Изданіе пятое.

5

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1832—1842.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1832—1842.

		Стр.
1832.	Нормандскій обычай. Драматическая повѣсть (*изъ Уланда*).	1
	Двѣ были и еще одна.	15
	Замокъ на берегу моря (*изъ Уланда*).	36
	Сидъ. Отрывокъ (*съ Гердерова перевода*).	37
	Неожиданное свиданіе. Быль (*изъ Гебеля*).	63
	Отрывокъ изъ Иліады.	67
1833.	Роландъ оруженосецъ. Баллада (*изъ Уланда*).	99
	Плаваніе Карла Великаго. Баллада (*изъ Уланда*).	110
	Братоубійца. Баллада (*изъ Уланда*).	113
	Рыцарь Роллонъ. Баллада (*изъ Уланда*).	117
	Уллинъ и его дочь. Баллада.	121
	Старый рыцарь. Баллада.	124
	Элевзинскій праздникъ (*изъ Шиллера*).	126
	Орелъ и Голубка. Басня (*изъ Гёте*).	136
1834.	Пѣснь на присягу Наслѣдника.	139
	Народныя пѣсни.	141
	Многолѣтіе.	143
1835.	Ундина. Старинная Повѣсть (*подражаніе Л. Фуке*).	145
1836.	Ночной смотръ (*изъ Цедлица*).	277
	Воскресное утро въ деревнѣ (*изъ Гебеля*).	280
1838.	Камоэнсъ. Драматическая поэма (*подр. Гальму*).	283
	Сельское кладбище. Элегія (*второй переводъ изъ Грея*)	323
1839.	Бородинская годовщина.	329
	Молитвой нашей Богъ смягчился.	338
1840.	Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть (*подражаніе Рюккерту*).	341
1842.	1-ое Іюля 1842.	469
	Примѣчанія.	479

НОРМАНСКІЙ ОБЫЧАЙ.

ПОВѢСТЬ.

РЫБАЧЬЯ ХИЖИНА НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

БАЛЬДЕРЪ, мореходецъ.
РИХАРДЪ, рыбакъ.
ТОРИЛЬДА.

Бальдеръ.

Твое здоровье, мой хозяинъ добрый.
Признаться ли? Я благодаренъ буръ,
Занесшей насъ въ спокойный твой заливъ:
Давно такимъ радушнымъ угощеньемъ,
У свѣтлаго огня, въ пріютѣ мирномъ,
Порадованъ я не былъ.

Рихардъ.

Въ добрый часъ;
Доволенъ ты, и мы довольны; въ нашихъ
Рыбачьихъ хижинахъ какая роскошь?
Но вдвое намъ по сердцу гость такой,
Какъ ты, рожденный въ сѣверныхъ странахъ,
Изъ коихъ въ старину приплыли наши
Отцы, о коихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ
Такъ много славнаго сохранено

Въ преданіяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ.
Но долженъ я тебѣ, мой благородный
Гость, объявить. что есть у насъ обычай,
По коему здѣсь каждый иноземецъ,
Кто бъ ни былъ онъ, богатый иль убогій,
За угощенье платитъ.

Бальдеръ.

Радъ исполнить
Я вашъ обычай; мой корабль, стоящій
На якорѣ въ заливѣ, полонъ рѣдкихъ
Товаровъ, собранныхъ по берегамъ
Земель полуденныхъ: есть золотые
Плоды, есть вина сладкія, есть птицы,
Плѣняющія взоръ блистаньемъ перьевъ;
И кузницъ сѣверныхъ издѣлья есть:
Двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

Рихардъ.

Меня не понялъ ты, мой гость почтенный;
Норманскій нашъ обычай не таковъ:
Здѣсь всякій, кто ночлегъ далъ иноземцу,
Имѣетъ право требовать, чтобъ гость
Иль сказку разсказалъ, иль пѣсню спѣлъ,
И въ свой чередъ ему онъ тѣмъ же платитъ.
На старости держусь я старины,

Люблю я пѣсни, сказки ц҃ преданья.
Исполни жъ нашъ обычай, добрый гость.

БАЛЬДЕРЪ

Иная сказка сладостнѣй вина,
Душистѣе плода, пестрѣе птицы;
И часто звукъ старинной бранной пѣсни,
Какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ плѣняетъ
Нашъ слухъ: и такъ не вовсе я ошибся.
Хоть въ памяти немного у меня
Разсказовъ, но почтить такой похвальный
Обычай я готовъ. Вотъ что недавно
На палубѣ, въ морскую тишину
Намъ при лунѣ одинъ изъ корабельныхъ
Товарищей разсказывалъ.

РИХАРДЪ.

Но прежде
Еще по кубку выпьемъ. (*Пьютъ*) Начинай.

БАЛЬДЕРЪ.

Два сѣверныхъ породы славной графа,
Друзья изъ младости, переплывали
Моря на корабляхъ своихъ союзныхъ;
И много битвъ на сушѣ и водахъ,
И много бурь они видали вмѣстѣ;

И много разъ, на югѣ и востокѣ,
У береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь,
Другъ съ другомъ отдыхъ сладостный дѣлили.
Вотъ наконецъ они въ старинныхъ замкахъ,
Наслѣдіи отцовскомъ, поселились,
И имъ одну печаль послало Небо:
Они супругъ любимыхъ схоронили,
Почти въ одно лишась ихъ время; горе
Тѣснѣй сдружило ихъ, но и отрада
Осталась имъ въ печали ихъ глубокой:
У одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый,
Другой имѣлъ младенца дочь. Чтобъ новымъ
Союзомъ утвердить святую дружбу,
Чтобъ вѣчная осталась память ей,
Отцы дѣтей рѣшились сочетать,
И ихъ они тогда же обручили.
И дѣвочкѣ и мальчику на шею,
На легкихъ золотыхъ цѣпочкахъ были,
Повѣшены два перстня дорогихъ:
Въ одномъ изъ перстней былъ сапфиръ, какъ очи
Невѣстины лазурный, а въ другомъ
Былъ камень, розовый, какъ молодыя
Румяныя ланиты жениха.

Рихардъ.

Былъ камень розовый, ты говоришь,
Въ кольцѣ невѣсты?

Бальдеръ.

Да, большой рубинъ.
Но слушай далѣе. Тогда ужъ мальчикъ
Былъ лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко
Владѣлъ мечемъ, и могъ ужъ обуздать
Коня; не для тревогъ морскихъ отецъ
Его готовилъ; онъ былъ долженъ замки
И области наслѣдственныя предковъ
Могучею рукою защищать.
Невѣста же была младенецъ
Лѣтъ четырехъ; еще не покидала
Она своей пріютной колыбели;
Усердная за ней смотрѣла няня.
Но что жъ случилось? Былъ прекрасный день
Весенній; на́ берегъ морской изъ замка
Съ малюткой вышла няня, вслѣдъ за нею
Толпа прислужницъ молодыхъ; цвѣты
И камешки блестящіе сбирали
Онѣ на берегу; малютка ими
Играла; море было тихо; свѣжій
Весенній вѣтерокъ едва касался
Прозрачныхъ водъ, и солнце въ нихъ сверкало,
И отблескъ волнъ пріятно трепеталъ
На свѣжей зелени. Челнокъ рыбачій
Привязанъ былъ у берега; цвѣтами
Душистыми наполнивши его,

Прислужницы малютку уложили
Въ цвѣты, и отвязавъ веревку, тихо
На плещущихъ кругомъ волнахъ качали
Челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ
Веревка непримѣтно изъ руки,
Ее державшей, ускользнула въ воду,
И легкою волною откачнуло
Челнокъ отъ берега; хотятъ его
Схватить, но до него уже не можетъ
Достать рука; и море, сколь ни тихимъ
Казалося оно дотолѣ, тянетъ
Какою-то невидимою силой
Его впередъ; дитя, въ цвѣтахъ играя,
Смѣется, слышенъ крикъ его веселый;
А женщины на берегу подъемлютъ
Отчаянные вопли. Въ это время
Женихъ, пріѣхавшій съ своей малюткой
Невѣстой повидаться, на конѣ
По ближнему береговому лугу
Скакалъ и прыгалъ; онъ на крикъ примчался,
И свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду
Погналъ коня, дабы поймать челнокъ.
Но, холодъ волнъ почувствовавши, конь
Сталъ на дыбы и бросился назадъ,
И сѣдока умчалъ съ собой обратно.
А между тѣмъ челнокъ все далѣ, далѣ;
Вотъ наконецъ изъ тихаго залива
Онъ выплылъ; вдругъ повѣялъ свѣжій вѣтеръ,

И скоро онъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ
Въ открытомъ морѣ.

Рихардъ.

Бѣдное дитя,
Спаси тебя хранитель ангелъ твой!

Бальдеръ.

Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ
Немедленно всѣмъ кораблямъ своимъ
Велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣйшемъ
Онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣдовъ;
А къ вечеру перемѣнился вѣтеръ,
И всю ту ночь свирѣпствовала буря.
Вотъ наконецъ, по долгомъ и напрасномъ
Исканіи, нашли пустой рыбачій
Челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

Рихардъ.

Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость?
Ты дышешь тяжело, ты весь въ лицѣ
Перемѣнился.

Бальдеръ.

Нѣтъ. Послушай далѣ:
Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ
Женихъ коня и прилѣпился къ тяжкимъ

Морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ холодъ, въ бурю,
Бросался въ волны и боролся съ моремъ,
И руку пріучалъ владѣть кормиломъ;
И наконецъ, ставъ юношей могучимъ,
Онъ корабли вооружилъ и въ море
Пустился..... на землѣ его надеждѣ
Уже ничто не льстило; ни одна
Красавица окрестныхъ замковъ сердца
Его не трогала; онъ обрученъ
Былъ морю дикому, волнамъ свирѣпымъ,
Пожравшимъ все его земное счастье.
Тамъ въ глубинѣ была его невѣста,
Тамъ былъ и обручальный перстень. Главный
Корабль свой онъ украсилъ парусами
Пурпурными и рѣзьбой золотою,
Какъ брачному прилично кораблю.

Рихардъ.

Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ,
Какъ твой, на якорѣ стоящій въ нашемъ
Заливѣ?

Бальдеръ.

Можетъ быть. На этомъ брачномъ,
Могучемъ кораблѣ онъ претерпѣлъ
Немало бурь; и волны, громы, вихри
Не разъ ему привѣтственныя пѣсни,
Въ ужасный хоръ совокупясь, гремѣли;

Немало битвъ морскихъ онъ совершилъ;
И знаютъ всѣ на сѣверѣ его
Подъ страшнымъ именемъ: когда въ бою,
Сцѣпивъ корабль свой съ кораблемъ врага,
На палубу его съ мечемъ подъятымъ
Взбѣгаетъ онъ, народъ кричитъ: бѣда!
Пропали мы! *Женихъ морской*, помилуй!
Я кончилъ свой разсказъ.

РИХАРДЪ.

Благодарю;
Мнѣ старику расшевелилъ онъ душу.
Но, кажется, не достаетъ конца
Разсказу твоему. Кто можетъ знать,
Погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ?
Попасться могъ на встрѣчу челноку
Корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ
Челнокъ; иль быть могло принесено
Дитя на островъ, моему подобный,
И люди добрые могли его
Найти; и можетъ быть, подъ ихъ надзоромъ
Малютка выросла, и можетъ быть,
Она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

БАЛЬДЕРЪ.

Искусно ты досказываешь сказки.
Но твой теперь чередъ; готовъ я слушать.

Рихардъ.

Я въ старину знавалъ преданій много
О рыцаряхъ, о герцогахъ Норманскихъ;
Любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ *безстрашный*,
Который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ,
И по лѣсу гулялъ въ глухую полночь,
Сражаяся съ нечистыми духами.
Но память у меня теперь плоха,
И въ головѣ отъ старости все смутно;
И такъ не взыщешь ты, когда, на мѣсто
Меня, мой долгъ теперь тебѣ заплатитъ
Питомица моя, та молодая
Красавица, которая сидитъ
Въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и свѣти
Мои чинитъ при свѣтѣ ночника.
Она поетъ, какъ соловей, и много
Прекрасныхъ пѣсень знаетъ. Не дичись,
Торильда, гостя; спой ему ту пѣсню
Про дѣвицу красавицу и перстень
Что для тебя сложилъ пѣвецъ прохожій;
Я знаю, ты ее поешь охотно.

Торильда *поетъ*.

Тихой утренней порою
Надъ прозрачною водою,
Дѣва съ удочкой сидитъ
И на удочку глядитъ.

Ждетъ..... но удочка не гнется,
Волосокъ не шевельнется,
Неподвиженъ поплавокъ,
Не беретъ въ водѣ крючокъ.

И она, прождавъ напрасно,
Надѣваетъ свой прекрасной
Съ камнемъ алымъ перстенёкъ
На приманчивый крючокъ.

Вдругъ вода заневелилась,
И на удочкѣ явилась
У драгаго перстенька
Бѣлоснѣжная рука;

И съ рукою бѣлоснѣжной,
Видомъ бодрый, взглядомъ нѣжной,
Надъ равниной водяной
Всплылъ красавецъ молодой.

Дѣва очи опустила:
„Не тебя въ волнахъ ловила
„Я, красавецъ молодой;
„Возврати мнѣ перстень мой.“ —

Дѣва съ ясными очами,
Рыбу ловятъ не перстнями;
Въ морѣ перстнемъ пойманъ я;
Буду твой, ты будь моя —

Бальдеръ.

Что слышу? Чудный, таинственный голосъ!
Какое тамъ небесное лице,
Горящее застѣнчивымъ румянцемъ,
Сквозь волны золотыхъ кудрей сіяетъ,
И предо мной опять животворитъ
Минувшіе, младенческіе годы?
Что вижу? Розовый знакомый камень
Въ златомъ кольцѣ на пальцѣ у нея?
Такъ, это ты, погибшая невѣста!
А я..... я твой женихъ, женихъ морей;
Вотъ мой сапфиръ, твоимъ очамъ подобный;
А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

Рихардъ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь.
Она твоя; возьми свою невѣсту,
Сокровище мнѣ посланное небомъ.
Храни ее могучею рукою:
Въ ней вѣрное прижмешь мы къ сердчу сердце.
Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсѣмъ
Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

ДВѢ БЫЛИ И ЕЩЕ ОДНА.

День былъ ясенъ и тепелъ; къ закату сходящее солнце
Ярко сіяло на чистомъ лазоревомъ небѣ. Спокойно
Дѣдушка, солнцемъ согрѣтый, сидѣлъ у воротъ на скамейкѣ;
Глядя на ласточекъ, быстро кружившихъ въ воздушномъ пространствѣ,
Вслѣдъ за ними пускалъ онъ дымокъ изъ маленькой трубки;
Легкими кольцами дымъ подымался и, съ воздухомъ слившись,
Въ немъ пропадалъ. Маргарита, Луизаи Лотта за пряжей
Чинно сидѣли кругомъ; самопрялки жужжали и тонкой
Струйкой нити вилися; Фрицъ работалъ, а Енни,
Вѣчный лѣнивецъ, игралъ на травѣ съ курчавою шафкой.
Всѣ молчали: какъ будто ангелъ тихій провѣялъ.
Дѣдушка, Лотта сказала, что ты примолкъ? Разскажи намъ
Сказку; вечеръ ясный такой; намъ весело будетъ

Слушать. — Сказку? старикъ проворчалъ, высыпая изъ трубки
Пепелъ, все бы вамъ сказки; не лучше ль послушать вамъ были?
Быль разскажу вамъ и быль не одну, а двѣ. — Опроставши
Трубку и снова набивъ ее табакомъ, изъ мошенки
Дѣдушка вынулъ огниво и, трутъ на кремень положивши,
Крѣпко ударилъ сталью въ кремень, посыпались искры,
Трутъ загорѣлся, и трубка опять задымилась. Собравшись
Съ мыслями, дѣдушка такъ разсказывать съ важностью началъ:
Дѣти, смотрите, какъ все передъ нами прекрасно, какъ солнце,
Медленно съ неба спускаясь, все осыпаетъ лучами;
Реинъ золотомъ льется; жатва какъ тихое море;
Холмы зеленые въ свѣтѣ вечернемъ горятъ; по дорогамъ
Шумъ и движенье; поднявъ паруса, нагруженныя барки
Быстро бѣгутъ по водамъ; а наша приходская церковь.....
Окна ея какъ огни межъ темными липами блещутъ,
Вкругъ мелькаютъ кресты на кладбищѣ, и въ воздухѣ тепломъ
Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькаютъ;
Весь онъ полонъ говоромъ, пѣньемъ, жужжаньемъ..... прекрасенъ
Міръ Господень! сердцу такъ радостно, сладко и вольно!
Скажешь: гдѣ бы въ этомъ прекрасномъ мірѣ Господнемъ
Быть несчастью? Анъ нѣтъ! и не только несчастье — злодѣйство

Мѣсто находитъ въ немъ. Видите ль тамъ на высокомъ пригоркѣ
Зáмокъ въ обломкахъ? Теперь по стѣнамъ разцвѣтаетъ зеленый
Плющъ, и солнце его золотитъ, и звонкую пѣсню безпечно,
Сидя въ травѣ, на рожкѣ тамъ играетъ пастухъ. А на Рейнѣ
Видите ль вы небольшой островокъ? Молодая изъ кленовъ
Роща на немъ разцвѣла; подъ тѣнью ея разостлавши
Сѣти, рыбакъ готовитъ свой ужинъ, и дымъ голубою
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, такъ прекрасный
Рай. Ну слушайте жъ: очень недавно, тамъ на пригоркѣ
Близко развалинъ зáмка, стояла гостинница, чистый,
Свѣтлый, просторный домъ, подъ вывѣской *чернаго вепря.*
Въ этой гостинницѣ каждый прохожій въ то время могъ видѣть
Бѣдную Эми. Подлинно бѣдная! дико потупивъ
Голову, въ землю глаза неподвижно уставивъ, по цѣлымъ
Днямъ сидѣла она передъ дверью трактира на камнѣ.
Плакать она не могла, но тяжко, тяжко вздыхала;
Жалобъ никто отъ нея не слыхалъ, но, Боже мой! всякой
Разъ поглядѣвши ей бѣдной въ лице, узнавалъ, что на свѣтѣ
Все для нея миновалось: мертвою блѣдностью щеки
Были покрыты, глаза изъ глубокихъ впадинъ сверкали

Острымъ огнемъ; одежда была въ безпорядкѣ; какъ змѣи
Черные кудри по голымъ плечамъ раскиданы были.
Вѣчно молчала она и была тиха какъ младенецъ;
Но порою, если случалось, что вѣтеръ просвищетъ,
Вдругъ содрогалась, на что-то глаза упирала, и пальцемъ
Быстро туда указавъ, смѣялась смѣхомъ безумнымъ.
Бѣдная Эми! такою ль видали ее? Беззаботно
Жизнью бывало она веселилась, какъ вольная пташка.
Помню и я, и старые гости *чернаго вепря*,
Какъ насъ радушной улыбкой и ласковымъ словомъ встрѣчала
Эми, какъ весело шло угощенье. И всѣ ей друзьями
Были въ нашей округѣ. Кто веселость и живость
Всюду съ собой приносилъ? Кого, какъ любимаго гостя,
Съ криками вся молодежь встрѣчала на праздникахъ? Эми.
Кто всегда такъ опрятно и чинно одѣтъ былъ? Кого нашъ священникъ
Дѣвушкамъ всѣмъ въ образецъ поставлялъ? Кто, шумя какъ ребенокъ
Рѣзвый на игрищахъ, былъ такъ набожно тихъ за молитвой?
Словомъ: кто бѣднымъ былъ другъ, за больными ходилъ, съ огорченнымъ
Плакалъ, съ дѣтьми игралъ какъ дитя? Все Эми, все Эми.
Господи Боже! она ли не стоила счастья? А вышло
Все напротивъ. Она полюбила Бранда. Признаться,
Этотъ Брандъ былъ молодъ, уменъ и красивъ; но худые

Слухи носились объ немъ: онъ съ людьми недобрыми
знался;
Въ церковь онъ не ходилъ; а въ шинкахъ, за картами,
кто былъ
Первый? Брандъ. Колдовствомъ ли какимъ онъ понра-
вился Эми,
Самъ ли Господь ей хотѣлъ послать на землѣ испытанье,
Съ тѣмъ, чтобъ душа ея, здѣсь въ страданьяхъ очи-
стившись, прямо
Въ рай перешла—не знаю, но Эми была ужъ невѣстой
Бранда и всѣ жалѣли объ ней. Ну послушайте жъ: вечеръ
Былъ осенній и бурный; въ гостинницѣ *чернаго вепря*
Два сидѣли гостя; яркое пламя трещало въ каминѣ
„Что за погода! сказалъ одинъ. Не раздолье ль въ такую
„Бурю сидѣть у огня и слушать, какъ вѣтеръ холодный
„Рвется въ оконницы?“ — Правда, другой отвѣчалъ: ни
за что бы
Я теперь отсюда не вышелъ; ужасъ, не буря.
Мѣсяцъ на небѣ есть, а ночь такъ темна, что хоть оба
Выколи глáза; плохо тому, кто въ дорогѣ. — „Желалъ бы
„Знать я, найдется ль такой удалецъ, чтобъ теперь въ
тотъ старинный
„Зáмокъ сходить? Онъ близко, шаговъ съ три сотни не
болѣ;
„Но, признаться, днемъ я не трусъ, а ночью въ такое
„Время пойти туда, гдѣ, быть можетъ, въ потемкахъ
„Гость изъ могилы встрѣтитъ тебя — извините; съ
живыми

„Сладить можно, а съ мертвымъ и смѣлость не въ пользу; храбрися
„Сколько угодно душѣ, а что ты сдѣлаешь, если
„Вдругъ предъ тобою длинный, блѣдный, сухой, съ костяными
„Пальцами станетъ, и два ужасные глáза упрутся
„Дико въ тебя, и ты ни съ мѣста какъ камень? А въ этомъ
„Зáмкѣ, всѣ знаютъ, нечисто; и въ тихую ночь тамъ не тихо;
„Что же въ бурю, когда и мертвецъ повернется въ могилѣ?“ —
Страшно, правда; а я объ закладъ побьюся, что наша
Эми не струситъ и въ зáмокъ одна одинешенька сходитъ. —
„Бейся, пробьешь.“ — Изволь, по рукамъ; ты слышала, Эми?
Хочешь ли новую шляпку выиграть къ свадьбѣ? Сходи же
Въ зáмокъ и вѣтку намъ съ клена, который между обломковъ
Тамъ растетъ, принеси; я знаю, что ты не боишься
Мертвыхъ и бреднямъ не вѣришь. Согласна ли, Эми? — Согласна,
Эми сказала съ усмѣшкой. Бояться тутъ нечего, развѣ
Бури; а противъ ночныхъ привидѣній защитой молитва.
Съ этимъ словомъ Эми пошла. Развалины были
Близко; но вѣтеръ вылъ и ревѣлъ; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, какъ черныя горы, задвинувъ

Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входитъ безъ всякаго страха въ средину развалинъ;
Кленъ не далеко; вдругъ вѣтеръ утихъ на минуту;
и Эми
Слышитъ, что кто-то идетъ живой, а не мертвый; ей
стало
Страшно.... слушаетъ.... вѣтеръ снова поднялся и снова
Стихъ и снова послышалось ей что идутъ; въ испугѣ
Къ грудѣ развалинъ прижалася Эми. Въ это мгновенье
Вѣтромъ раздвинуло тучи и мѣсяцъ очистился. Что же
Эми увидѣла? Два человѣка — двѣ черныя тѣни —
Крадутся между обломковъ и тащатъ мертвое тѣло.
Вѣтеръ ударилъ сильнѣй; съ головы одного сорвалася
Шляпа, и къ Эминымъ прямо ногамъ прикатилась; а
мѣсяцъ
Въ ту минуту пропалъ и все опять потемнѣло.
Стой! (послышался голосъ) шляпу вѣтромъ умчало.
„Послѣ отыщешь; прежде окончимъ работу: зароемъ
„Кладъ свой;“ другой отвѣчалъ, и они удалились. Схва-
тивши
Шляпу, стремглавъ пустилась къ гостинницѣ Эми.
Блѣднѣе
Смерти, въ двери вбѣжала она, и долго промолвить
Слова не въ силахъ была; отдохнувъ, наконецъ раз-
сказала
То, что ей въ замкѣ привидѣлось. „Вотъ обличитель
убійцамъ!“
Шляпу поднявши, громко примолвила Эми; но тутъ же

Въ шляпу всмотрѣлась.... „Ахъ!“ и упала на полъ безъ чувства:
Брандово имя стояло на шляпѣ, Мнѣ нечего болѣ
Вамъ разсказывать. Въ этотъ мигъ помутился разсудокъ
Бѣдной Эми; Господь милосердый недолго страдать ей
Далъ на землѣ: ее отнесли на кладбище. Но долго
Видѣли столбъ съ колесомъ на пригоркѣ близъ замка: прохожимъ
Онъ приводилъ на память и Бранда и бѣдную Эми.
Все исчезло теперь. и гостинницы нѣтъ; лишь могилка
Бѣдной Эми цвѣтетъ, какъ цвѣла, и надъ нею спокойно.
Дѣдушка кончилъ и молча сталъ выколачивать трубку.
Внучки также молчали и съ грустью смотрѣли на церковь:
Солнце играло на ней и темныя липы бросали
Тѣнь на кладбище, гдѣ Эми давно покоилась въ гробѣ. —
Вотъ вамъ другая быль, сказалъ, опять разкуривши
Трубку, старикъ. Каспаръ былъ бѣденъ · Къ буйной, развратной
Жизни привыкъ онъ и сердце въ немъ сдѣлалось камнемъ. Но жаднымъ
Окомъ смотрѣлъ на чужое богатство Каспаръ. На злодѣйство
Трудно ль рѣшиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Такъ и случилось. Каспаръ на ночную добычу
Вышелъ. Вы видите островъ на Рейнѣ? Вдоль берега вьется

Противъ этого острова, мимо утеса, дорожка.
Тамъ, у самой дорожки, подъ темнымъ утесомъ, въ ночное
Позднее время Каспаръ засѣлъ и ждалъ: не пройдетъ ли
Кто нибудь мимо? Ночь прекрасна была; освѣщенный
Полной луной островокъ отражался въ водѣ и густые
Клены, глядясь въ нихъ, стояли тихо, какъ черныя тѣни;
Все покоилось.... волны изрѣдка въ берегъ плескали,
Въ листьяхъ журчало и пѣлъ соловей. Но злодѣйскимъ
Замысломъ полный, Каспаръ не слыхалъ ничего; онъ иное
Жаднымъ подслушивалъ ухомъ. И вотъ напослѣдокъ онъ слышитъ:
Кто-то идетъ по дорогѣ; то былъ одинокій прохожій.
Выскочилъ, словно какъ звѣрь изъ берлоги, Каспаръ; и недолго
Длилась борьба между ими: бѣдный путникъ съ тяжелымъ
Стономъ упалъ на землю, зарѣзанный. Мертвое тѣло
Въ воду стащилъ Каспаръ и вымылъ кровавыя руки;
Брызнули волны, раздавшись подъ трупомъ, и снова слилися
Въ гладкую зыбь; все стало по-прежнему тихо, и сладко
Пѣть продолжалъ соловей. Каспаръ беззаботно съ добычей

Въ путь свой пошелъ; свидѣтелей не было; совѣсть молчала.
Скоро истратилъ разбойникъ добытое кровью, и скоро
Голымъ сталъ онъ по прежнему. Годы прошли; о убійствѣ
Кромѣ Бога никто не провѣдалъ; но слушайте далѣ.
Разъ Каспаръ сидѣлъ за столомъ въ гостинницѣ. Входитъ
Старый знакомецъ его, арендарь Веньяминъ; онъ садится
Подлѣ Каспара; онъ крѣпко, крѣпко задумчивъ; и вправду
Было о чемъ призадуматься: денно и ночно работалъ,
Честно жилъ Веньяминъ, а все понапрасну: тяжелый
Крестъ достался ему: семью имѣлъ онъ большую;
Всѣхъ одѣнь, напой, накорми.... а чѣмъ? И въ добавокъ
Новое горе постигло его: жена отъ тяжелой
Скорби слегла въ постель и деньги пошли за лекарство;
Богъ помогъ ей; но съ той поры все хуже, да хуже; и часто
Нечего ѣсть; жена молчитъ, но таетъ, какъ свѣчка;
Дѣти крикомъ кричатъ; наконецъ остальное помѣщикъ
Въ домѣ силою взялъ, въ уплату за долгъ, и изъ дома
Выгнать грозился. Эта бѣда съ Веньяминомъ случилась
Утромъ, а вечеромъ онъ Каспара въ гостинницѣ встрѣтилъ.
Рядомъ съ нимъ онъ сидѣлъ у стола; опершись на колѣно

Локтемъ, рукою закрывши глаза, молчалъ онъ какъ мертвый.
„Что съ тобой, Веньяминъ, спросилъ Каспаръ? Ты какъ будто
„Въ воду опущенъ. Послушай, сосѣдъ, не распить ли намъ вмѣстѣ
„Кружку вина? Веселье на сердцѣ будетъ; отвѣдай.“
Кружку взялъ Веньяминъ и выпилъ. Тяжко приходитъ
Жить, сказалъ онъ. Жена умираетъ, и хилыя кости
Не на чемъ ей успокоить: злодѣи послѣднюю взяли
Нынѣче постелю. А дѣти — Господи Боже мой! лучше бъ
Имъ и мнѣ въ могилу. Помѣщикъ нашъ нынѣшней ночью
Въ замокъ свой пышный поѣдетъ, и тамъ на мягкихъ подушкахъ,
Вкусно поужинавъ, сладко заснетъ.... а я, воротяся
Въ домъ мой, гдѣ голыя стѣны, что найду тамъ? Бездушный!
Я ли Христомъ да Богомъ его не молилъ? У него ли
Мало добра?.... Пускай же Всевышній Господь на судилищѣ страшномъ
Такъ же съ нимъ немилостивъ будетъ, какъ онъ былъ со мною! —
Слушалъ Каспаръ и въ душѣ веселился, какъ злой искуситель;
Въ кружку сосѣду вина подливалъ онъ, и скоро зажегъ въ немъ

Кровь, и потомъ изъ гостинницы вышелъ съ нимъ вмѣстѣ. Ужъ было
Поздно. „Сосѣдъ, Веньямину онъ тихо шепнулъ, господинъ твой
„Нынѣшней ночью одинъ въ свой за́мокъ поѣдетъ; дорога
„Близко, она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко.“
Рѣчью такой былъ сраженъ Веньяминъ; но тяжкая бѣдность,
Горе семьи, досада, хмѣль, темнота, обольщенье
Словъ коварныхъ.... довольно, чтобъ слабое сердце опутать.
Такъ ли, не такъ ли, но вотъ пошелъ Веньяминъ за Каспаромъ;
Противъ знакомаго острова сѣли они подъ утесомъ,
Близко дороги, и ждутъ; ни одинъ ни слова; не смѣютъ
Вслухъ дышать и слушаютъ молча. Ихъ окружала
Тихая, темная ночь; звѣздъ не сверкало на небѣ,
Листъ едва шевелился, безъ ропота волны лились,
Все покоилось сладко и пѣлъ соловей. Душа Веньямина
Вдругъ согрѣлась: въ ней совѣсть проснулась и онъ содрогнулся. —
Нечего ждать, онъ сказалъ; ужъ поздно; уйдемъ; не придетъ онъ. —
„Будь терпѣливъ, злодѣй возразилъ, пождемъ и дождемся.

„Долѣ за то дожидаться его возвращенья придется
„Въ замкѣ женѣ; да будетъ напрасно ея нетерпѣнье.“
Сердце отъ этихъ словъ повернулось въ груди Веньямина;
Вспомнилъ свою онъ жену и сказалъ: теперь прояснилась
Совѣсть моя; не поздно еще; не хочу оставаться! —
„Что ты? воскликнулъ Каспаръ. Послушался совѣсти; бредитъ.
„Ночь темна, рѣка глубока, здѣсь мѣсто глухое;
„Кто насъ увидитъ?“ Морозъ подралъ Веньямина по кожѣ. —
Кто насъ увидитъ? А развѣ нѣтъ свидѣтеля въ небѣ? —
„Сказки! здѣсь мы одни. Въ ночной темнотѣ не примѣтитъ
„Насъ ни земной, ни небесный свидѣтель.“ Тутъ неоглядкой
Прочь отъ него побѣжалъ Веньяминъ. И въ это мгновенье
Темное небо яркимъ, страшнымъ лучемъ раздвоилось;
Все кругомъ могильная мгла покрывала; на томъ лишь
Мѣстѣ, гдѣ спрятаться думалъ Каспаръ, было какъ въ ясный
Полдень свѣтло. И вотъ предъ глазами его повторилось
Все, что онъ нѣкогда тутъ совершилъ во мракѣ глубокой

Ночи одинъ: онъ услышалъ шумъ отъ упавшаго въ воду
Трупа; онъ черный трупъ на волнахъ освѣщенныхъ увидѣлъ;
Волны разпнулись, трупъ нырнулъ въ нихъ и все потемнѣло....
Дѣти, долго съ тѣхъ поръ подъ этимъ утесомъ, какъ дикій
Звѣрь, гнѣздился Каспаръ сумасшедшій. Не вѣдалъ онъ крови;
Былъ безобразенъ: лице какъ кора, глаза какъ два угля,
Волосы клочьями, ногти на пальцахъ какъ черные когти,
Вмѣсто одежды гнилое тряпье; худой, изможденный,
Чахлый, всѣ ребра наружу, онъ въ страхѣ все жался къ утесу,
Все какъ будто хотѣлъ въ немъ спрятаться, и все озирался
Смутно кругомъ; но порою вдругъ выбѣгалъ, и на небо
Дико уставивъ глаза, шепталъ: *онъ видитъ, онъ видитъ.*
Дѣдушка, быль досказавъ, посмотрѣлъ усмѣхаясь на внучекъ.
Что же вы такъ присмирѣли, спросилъ онъ? Видно разсказъ мой
Былъ не на шутку печаленъ? Постойте жъ, я кое что вспомнилъ,

Что разсмѣшитъ васъ и вмѣстѣ научитъ. Слушайте. Часто
Мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный Нѣмецкій ремесленникъ. Былъ по какому-то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, Голландскомъ городѣ; городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей; заглядѣлся
Бѣдный мой Нѣмецъ, глаза разбѣжались; вдругъ онъ увидѣлъ
Домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка
Трубъ, три жилья, зеркáльныя окна, воротá
Съ добрый сарай — удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: „чей это домъ, въ которомъ такъ много
„Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?“ Но видно прохожій
Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то есть, не зналъ ни полслова;

Какъ бы то ни было, *Каннитферштанъ!* отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ есть Голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значитъ оно: *не могу васъ понять*. Простодушный
Нѣмецъ напротивъ вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. „Видно богатъ не на шутку
„Этотъ *Каннитферштанъ*“, сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань —
Новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего, такъ много онъ разомъ увидѣлъ.
Но наконецъ на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи; много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы
Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацинскимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ Нѣмецъ; и свѣдать

Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: „какъ называ-
лся
„Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
„Разомъ прислало!“ Нахмурясь, матросъ проворчалъ ми-
моходомъ:
Каннитферштанъ. „Опять! смотри пожалуй! Какой же
Этотъ *Каннитферштанъ* молодецъ! Мудрено ли по-
строить
Домъ съ богатствомъ такимъ, и разставить въ гор-
шкахъ золоченныхъ
Столько тюльпановъ, нарцисовъ и розъ по окошкамъ?“
Пошелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ, и задумался; горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только, что началъ
съ собою
Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ
Самъ былъ *Каннитферштанъ,* какъ вдругъ передъ нимъ
— погребенье.
Видитъ: четыре лошади въ черныхъ, длинныхъ попо-
нахъ
Гробъ на дрогахъ везуть и тихо ступаютъ, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу навѣки от-
возятъ;
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча,
Въ траурѣ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный,
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной

Доброй душѣ, при видѣ мертваго тѣла; и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ
Шедшихъ за гробомъ, который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу; тихонько
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: „конечно покойникъ
„Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? Кто онъ?“
Каннитферштанъ! былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго Нѣмца; сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши сказалъ онъ:
„Бѣдный, бѣдный *Каннитферштанъ!* отъ такого богатства
„Что осталось тебѣ? Не то же ль, что рано иль поздно
„Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
„Гробъ“ — И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ Голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,

Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о *Каннитферштанѣ*, его несмѣтномъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ и тѣсной могилѣ.

ЗАМОКЪ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Ты видѣлъ ли за́мокъ на брегѣ морскомъ?
Играютъ, сіяютъ надъ нимъ облака;
Лазурное море прекрасно кругомъ.

„Я замокъ тотъ видѣлъ на брегѣ морскомъ;
„Сіяла надъ нимъ одиноко луна;
„Надъ моремъ клубился холодный туманъ.“

Шумѣли ль, плескали ль морскіе валы?
Съ ихъ шумомъ, съ ихъ плескомъ сливался ли гласъ
Веселаго пѣнья, торжественныхъ струнъ?

„Былъ вѣтеръ спокоенъ; молчала волна;
„Мнѣ слышалась въ замкѣ печальная нѣснь;
„Я плакалъ отъ жалобныхъ звуковъ ея.“

Царя и царицу ты видѣлъ ли тамъ?
Ты видѣлъ ли съ ними ихъ милую дочь,
Младую, какъ утро весенняго дня?

„Царя и царицу я видѣлъ.... вдвоемъ
„Безгласны, печальны сидѣли они;
„Но милой ихъ дочери не было тамъ.“

СИДЪ.

ОТРЫВОКЪ.

Горные Испанцы, вмѣстѣ съ религіею, законами, честью и свободою предковъ своихъ Визиготѳовъ, сохранили и употребленіе языка Романскаго.

То были необразованные люди, характера дикаго, гордые, отважные, неспособные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенною малою областью.

Въ сихъ долинахъ властвовали графы, коимъ короли Визиготѳскіе ввѣряли наблюденіе правосудія въ мирные дни и предводительство народнаго войска во дни военные.

Когда пала монархія, сіи графы были почитаемы военачальниками и покровителями народа.

Народъ сей былъ составленъ бо́льшею частію изъ переселенцевъ, покинувшихъ свою родину, дабы, среди безплодныхъ Ѳтесовъ, спасти религію и законы отцевъ своихъ. Тамъ не было отдаваемо ни какихъ отличныхъ почестей фортунѣ: подъ кровлею бѣдной хижины часто находили человѣка, побѣдившаго въ сраженіи. Вѣроятно, что въ сіи времена вошла въ Испанскіе нравы сія Кастильская спесь, замѣчаемая нынѣ въ самыхъ нищихъ.

Санхо Великій, Король Кастильскій, въ началѣ XI вѣка соединилъ подъ державу свою почти всѣ Христіанскія области полуострова; отъ него зависѣли Астурія, Наварра и Аррагонія; онъ первый принялъ титулъ Короля Кастиліи и можетъ быть почитаемъ родоначальникомъ королевскихъ домовъ Испаніи

При семъ королѣ родился Донъ-Родриго Діацъ (сынъ Діега), прозванный Саидомъ или Сидомъ (господиномъ) отъ побѣжденныхъ имъ Мавровъ. Наименованный главнымъ военачальникомъ арміи отъ Короля Кастильскаго, онъ получилъ еще прозваніе Кампеадора (воителя).

За́мокъ Биваръ, недалеко отъ Бургоса, завоеванный отцемъ его Донъ-Діегомъ, былъ мѣстомъ его рожденія. Съ женской стороны происходитъ онъ отъ древнихъ графовъ Кастильскихъ. Знаменитый породою, онъ пріобрѣлъ богатство мужествомъ и оружіемъ. Подвиги его сохранились въ народныхъ пѣсняхъ или романсахъ, изъ которыхъ здѣсь предлагается извлеченіе.

СИДЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ФЕРДИНАНДА.

I.

Пятерыхъ царей невѣрныхъ
Донъ-Родриго побѣдилъ;
И его назвали Сидомъ
Побѣжденные цари.
Ихъ послы къ нему явились,
И въ смиреніи поддaнства
Такъ привѣтствовали Сида:
Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,
Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали. —
„Ошибаетесь, друзья!
Донъ-Родриго отвѣчалъ имъ.
„Не ко мнѣ посольство ваше:
„Неприлично господиномъ

„Называть меня въ томъ мѣстѣ,
„Гдѣ господствуетъ Великій
„Фердинандъ, мой повелитель:
„Все его здѣсь, не мое.“
И Король, такимъ смиреньемъ
Сида храбраго довольный,
Говоритъ посламъ: скажите
Вы царямъ своимъ, что, если
Господинъ ихъ Донъ-Родриго
Не король, то здѣсь по праву
Съ Королемъ сидитъ онъ рядомъ,
И что все, чѣмъ я владѣю,
Завоевано мнѣ Сидомъ.
Съ той поры не называли
Знаменитаго Родрига
Мавры иначе, какъ Сидомъ.

II.

Полныхъ семь лѣтъ безъ успѣха
Неприступную Коимбру
Осаждалъ Донъ-Фердинандъ.
Никогда бъ не одолѣлъ онъ
Неприступныя Коимбры,
Крѣпкой башнями, стѣнами....
Но является Санъ-Яго
Рыцарь Господа Христа:
На конѣ онъ скачетъ бѣломъ,
Съ головы до ногъ въ доспѣхахъ

Свѣжихъ, чистыхъ и блестящихъ.
„Симъ ключемъ, который блещетъ
„У меня въ рукахъ (сказалъ онъ),
„Завтра утромъ на разсвѣтѣ
„Отопру я Фердинанду
„Неприступную Коимбру.“
И Король вступилъ въ Коимбру;
И мечеть ея назвали
Церковью Маріи Дѣвы.
Тамъ былъ рыцаремъ поставленъ
Донъ-Родриго, графъ Бивардкій.
Самъ Король своей рукою
Мечъ къ бедру его привѣсилъ,
Далъ ему лобзанье мира;
Только не далъ акколады,
Ибо то ужъ для другаго
Было сдѣлано имъ прежде;
И, въ особенную почесть,
Конь въ блестящей збруѣ Сиду
Подведенъ былъ Королевой,
А Инфанта золотыя
На него надѣла шпоры.

III.

Мраченъ, грустенъ Донъ-Діего....
Что сравнить съ его печалью?
День и ночь онъ помышляетъ
О безчестіи своемъ.

Посрамленъ навѣки древній,
Знаменитый домъ Ленесовъ;
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аварки славой съ нимъ.
И болѣзнью и лѣтами
Изнуренный старецъ видитъ
Близкій гробъ передъ собою;
Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
Торжествующій, гуляетъ,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напослѣдокъ, свергнувъ бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своихъ созвалъ онъ,
И, ни слова не сказавши,
Повелѣлъ связатъ имъ крѣпко
Благородныя ихъ руки.
И, трепещущіе, робко
Вопрошаютъ сыновья:
„Что ты дѣлаешь, родитель?
„Умертвить ли насъ замыслилъ?“
Нѣтъ душѣ его надежды!
Но когда онъ обратился
Къ сыну младшему Родригу,
Въ немъ опять она воскресла;
Засверкавъ очами тигра,
Возопилъ младой Родриго:
„Развяжи, отецъ, мнѣ руки!

„Развяжи! когда бъ ты не былъ
„Мой отецъ, я не словами
„Далъ себѣ тогда бъ управу;
„Я бы собственной рукою
„Внутренность твою исторгнулъ;
„Мнѣ мечемъ или кинжаломъ
„Были пальцы бы мои!“ —
Сынъ души моей, Родриго!
Скорбь твоя — мнѣ исцѣленье;
Грозный гнѣвъ твой — мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь ее. —
И Родригу разсказалъ онъ
Про свою тогда обиду,
И его благословилъ.

IV.

Удаляется Родриго,
Полонъ гнѣва, полонъ думы
О врагѣ своемъ могучемъ,
О младыхъ своихъ лѣтахъ.
Знаетъ онъ, что въ Астуріи
Донъ-Гормасъ богатъ друзьями,
Что въ совѣтѣ королевскомъ
И въ сраженьи первый онъ.
Но того онъ не страшится:
Сынъ Гидальга благородный,

Онъ, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И въ душѣ своей онъ молитъ
Отъ небесъ — одной управы,
Отъ земли — простора битвѣ,
А отъ чести — подкрѣпленья
Молодой своей рукѣ.
Со стѣны онъ мечъ снимаетъ,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауромъ печальнымъ
По давнишнемъ господинѣ.
„Знаю, добрый мечъ, сказалъ онъ,
„Что тебѣ еще постыдно
„Быть въ рукѣ незнаменитой;
„Но когда я поклянулся
„Не нанесть тебѣ обиды,
„Ни на шагъ въ минуту боя
„Не попятиться.... пойдемъ!

V.

Тамъ на площади дворцовой
Сидъ увидѣлъ Донъ-Гормаса
Одного, безъ провожатыхъ,
И вступилъ съ нимъ въ разговоръ:
„Донъ-Гормасъ, отвѣтствуй, зналъ ли
„Ты о сынѣ Донъ-Діега,
„Оскорбивъ рукою дерзкой
„Святость старцева лица?

„Зналъ ли ты, что Донъ-Діего
„Есть потомокъ Лайна Калва,
„Что нѣтъ крови благороднѣй,
„Нѣтъ щита его честнѣй?
„Зналъ ли, что пока дышу я,
„Не дерзнетъ никто изъ смертныхъ —
„Развѣ Богъ одинъ Всевышній —
„Сдѣлать то безъ наказанья,
„Что дерзнулъ съ нимъ сдѣлать ты?“ —
Самъ едва ли ты, младенецъ,
(Отвѣчалъ Гормасъ надменно)
Знаешь жизни половину. —
„Знаю твердо! половина
„Жизни: почесть благороднымъ
„Воздавать, какъ то прилично;
„А другая половина:
„Быть грозою горделивыхъ,
„И послѣдней каплей крови
„Омывать обиду чести.“ —
Что жъ? Чего, младенецъ, хочешь? —
„Головы твоей хочу я.“ —
Хочешь розогъ, дерзкій мальчикъ;
Погоди, тебя накажутъ,
Какъ проказливаго пажа. —
Боже праведный, какъ вспыхнулъ
При такомъ отвѣтѣ Сидъ!

VI.

Слезы льются, тихо льются
По ланитамъ Донъ-Діега:
За столомъ своимъ семейнымъ
Онъ сидитъ, все позабывъ;
О стыдѣ своемъ онъ мыслитъ,
О младыхъ лѣтахъ Родрига,
О ужасномъ поединкѣ,
О могуществѣ врага.
Оживительная радость
Убѣгаетъ посрамленныхъ;
Вслѣдъ за нею убѣгаютъ
И довѣренность съ надеждой;
Но, цвѣтущія, младыя
Сестры чести, вмѣстѣ съ нею
Возвращаются онѣ.
И въ унылость погруженный,
Донъ-Діего не примѣтилъ
Подходящаго Родрига.
Онъ, съ мечемъ своимъ подъ мышкой,
Приложивъ ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданіемъ глубоко,
На отца глядѣлъ въ молчаньи;
Вдругъ подходитъ, и схвативши
Руку старца: ѣшь, родитель!
Говоритъ, придвинувъ пищу.

Но сильнѣе плачетъ старецъ. —
Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
Мнѣ даешь такой совѣтъ? —
„Я, родитель! смѣло можешь
„Ты поднять свое святое,
„Благородное лице.“ —
Спасена ли наша слава? —
„Мой родитель, онъ убитъ.“ —
Сядь же, сынъ мой Донъ-Родриго,
Сядь за столъ со мною рядомъ!
Кто съ соперникомъ подобнымъ
Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
Дома нашего главой. —
Со слезами Донъ-Родриго,
Преклонивъ свои колѣна,
Лобызаетъ руки старца;
Со слезами Донъ-Діего,
Умиленный, лобызаетъ
Сына въ очи и уста.

VII.

На престолѣ королевскомъ
Возсѣдалъ король-владыка,
Внемля жалобамъ народа,
И давая всѣмъ управу.
Твердый, кроткій, правосудный,
Награждалъ онъ добрыхъ щедро,
И казнилъ виновныхъ строго:

Наказаніе и милость
Вѣрныхъ подданныхъ творятъ.
Въ черной траурной одеждѣ
Входитъ юная Химена,
Дочь Гормаса; вслѣдъ за нею
Триста пажей благородныхъ.
Дворъ въ безмолвномъ изумленьи.
Преклонивъ свои колѣна
На послѣднюю ступеню
Королевскаго престола,
Такъ Химена говоритъ:
„Государь, прошло полгода
„Съ той поры, какъ мой родитель
„Подъ ударами младаго
„Сопротивника погибъ.
„И уже я приносила
„Передъ тронъ твой королевскій
„Умиленную молитву.
„Были мнѣ даны тобою
„Обѣщанья; но управы
„Не дано мнѣ и понынѣ.
„Между тѣмъ, надменный, дерзкій,
„Издѣвается Родриго
„Надъ законами твоими,
„И, его надменность видя,
„Ей потворствуешь ты самъ.
„Государь праволюбивый
„На землѣ есть образъ Бога;

„Государь неправосудный,
„Поощряющій строптивость,
„Сердцу добрыхъ не любезенъ,
„Не ужасенъ и для злыхъ.
„Государь, внемли безъ гнѣва
„Симъ словамъ моей печали:
„Въ сердцѣ женщины почтенье
„Превращается отъ скорби
„Часто въ горестный упрекъ.“
И Король на то Хименъ
Такъ отвѣтствуетъ безъ гнѣва:
Здѣсь твоя печаль не встрѣтитъ
Ни желѣза, ни гранита
Если я сберегъ Родрига,
То сберегъ его, Химена,
Для души твоей прекрасной;
Будетъ время — будешь плакать
Ты отъ радости по немъ.

VIII.

Въ часъ полуночи спокойной,
Тихій голосъ, нѣжный голосъ
Унывающей Хименѣ
Говорилъ: „отри, Химена,
„Слезы грусти одинокой.“ —
Отвѣчай, откройся, кто ты? —
„Сирота, меня ты знаешь;“ —
Такъ! тебя, Родриго, знаю;

Ты, жестокій, ты, лишившій
Домъ мой твердыя подпоры ....
„Честь то сдѣлала, не я.“

IX.

Въ храмѣ Божіемъ Родриго
Такъ сказалъ своей Хименѣ:
„Благородная Химена,
„Твой отецъ убитъ былъ мною,
„Не по злобѣ, не измѣной,
„Но въ отмщенье за обиду,
„Грудь на грудъ и мечъ на мечъ.
„Я тебѣ за мужа чести
„Мужа чести возвращаю;
„Я тебѣ въ живомъ супругѣ
„Все даю, что прежде въ мертвомъ
„Ты отцѣ своемъ имѣла:
„Друга, спутника, отца.“
Такъ сказавъ, онъ обнажаетъ
Крѣпкій мечъ свой и, поднявши
Остріе къ святому небу,
Произноситъ громогласно:
„Пусть меня сей мечъ накажетъ,
„Если разъ нарушу въ жизни
„Мой обѣтъ: любить Химену,
„И за все моей любовью
„Ей воздать, какъ здѣсь предъ Богомъ
„Обѣщаюсь и клянуся!“

Такъ свершилъ свой бракъ съ Хименой
Донъ-Родриго, графъ Биварскій,
Славный Сидъ Кампеадóръ.

X.

Сидъ во всѣхъ за Фердинанда
Битвахъ былъ побѣдоносенъ.
Наконецъ для Фердинанда
Часъ послѣдній наступаетъ:
На своей постелѣ смертной
Онъ лежитъ лицемъ къ востоку;
Онъ въ рукахъ, уже холодныхъ,
Держитъ свѣчу гробовую;
Въ головахъ стоятъ прелаты,
Одесную сыновья.
И уже свои онъ земли
Раздѣлилъ межъ сыновьями,
Какъ вошла его меньшая
Дочь Урака въ черномъ платьѣ,
Проливающая слезы.
Такъ ему она сказала:
„Есть ли гдѣ законъ, родитель,
„Человѣческій иль Божій,
„Позволяющій наслѣдство,
„Дочерей позабывая,
„Сыновьямъ лишь оставлять?“
Фердинандъ ей отвѣчаетъ:
Я даю тебѣ Замору,

Крѣпостъ, твердую стѣнами,
Съ нею вмѣстѣ и вассаловъ
Для защиты и услуги.
И да будетъ проклятъ мною,
Кто когда нибудь замыслитъ
У тебя отнять Замору. —
Предстоявшіе сказали
Всѣ: аминь. Одинъ Донъ-Санхо
Промолчалъ, нахмуря брови.

СИДЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КОРОЛЯ ДОНЪ САНХА КАСТИЛЬСКАГО.

I.

Только что успѣлъ Донъ-Санхо
Вмѣстѣ съ братьями въ могилу
Опустить съ мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Какъ уже онъ на конѣ,
И гремитъ трубой военной,
И вассаловъ собираетъ,
И войной идетъ на братьевъ.
Первый, съ кѣмъ онъ началъ ссору,
Былъ Галиціи властитель,
Старшій братъ его Донъ-Гарсій;
Но сраженный въ первой битвѣ,
Съ малочисленной остался
Онъ дружиною Кастильцевъ.

Вдругъ явился Донъ-Родриго.
Въ добрый часъ, мой благородный
Сидъ! сказалъ ему Донъ-Санхо,
Во-время ко мнѣ поспѣлъ ты. —
„Но ты самъ, Король Донъ-Санхо,
„Здѣсь не во-время (сурово
Отвѣчалъ ему Родриго);
„Лучше было бы, съ молитвой
„Руки сжавъ, стоять смиренно
„У родителева гроба.
„Я исполню долгъ вассала;
„Стыдъ же примешь ты одинъ.“
И Донъ-Гарсій побѣжденный
Скоро въ плѣнъ достался Сиду. —
Что ты дѣлаешь, достойный
Сидъ, сказалъ съ упрекомъ плѣнникъ? —
„Если бъ я теперь вассаломъ
„Былъ твоимъ, я то же бъ сдѣлалъ,
„Государь, и для тебя.“
Заключенъ, по волѣ брата,
Въ башню крѣпкую Донъ-Гарсій.
За него Король Леонскій
Возстаетъ и посылаетъ
Вызовъ къ Сиду, *къ мужу чести,*
Подымающему руку
На безчестно-злое дѣло.
Ополчись, мой благородный
Сидъ, Донъ-Санхо восклицаетъ.

Ополчись, мой Сидъ могучій,
Перлъ имперіи священной,
Цвѣтъ Испаніи, зерцало
Чести рыцарской; Леонцы
Идутъ противъ насъ войною;
Вѣютъ львы на ихъ знаменахъ;
Но у насъ въ землѣ Кастильской
Много замковъ укрѣпленныхъ:
Будетъ, гдѣ ихъ запереть. —
„Государь, святое право
„За Альфонса; лишь фортуной
„Онъ неправъ;“ такъ отвѣчаетъ
Королю Донъ-Санчу Сидъ.
Донъ-Альфонсъ разбитъ и прогнанъ;
Онъ бѣжитъ къ Толедскимъ Маврамъ.
Какъ свирѣпый ястребъ — алча
Новой пищи послѣ первой,
Имъ отвѣданной добычи —
Когти острые вонзаетъ
Въ беззащитную голубку:
Такъ Донъ-Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Безпомощную насильно
Запираетъ въ монастырь.

II.

Мирно властвуетъ Урака
Въ крѣпкомъ городѣ Заморъ.

Крѣпкимъ городомъ Заморой
Завладѣтъ Донъ-Санхо мыслитъ.
Онъ къ стѣнамъ его подходитъ.
Нѣтъ въ Испаніи другаго:
Въ твердомъ выбитый утесѣ,
Имъ покрытый, какъ бронею
Смѣлый рыцарь, окруженный
Свѣтло-влажными руками
Быстрошумнаго Дуера,
Онъ стоитъ — и замки, башни
(Въ цѣлый день не перечесть ихъ)
Какъ вѣнецъ его вѣнчаютъ.
И сказалъ Донъ-Санхо Сиду:
Добрый Сидъ, совѣтникъ мудрый,
Дома нашего подпора,
Отъ меня къ сестрѣ Уракѣ
Ты посломъ иди въ Замору.
Предложи мѣну Уракъ;
Пусть свою назначитъ цѣну;
Но скажи ей въ осторожность:
Если нынѣ отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра самъ возьму я силой
То, о чемъ теперь прошу. —
Что за стѣны! Донъ-Родриго
Мыслитъ, глядя на Замору.
Чѣмъ на нихъ смотрю я долѣ,
Тѣмъ грознѣй и неприступнѣй

Мнѣ являются онѣ.
Что за стѣны! повторяетъ
Про себя Король Донъ-Санхо.
Это первыя, которыхъ
Не заставилъ содрогнуться
Приближающійся Сидъ.
Что за стѣны! размышляетъ
Конь могучій Бабіека,
Замедляя ходъ и гриву
Опуская до земли.

III.

Тихо въ городѣ Заморѣ:
Онъ печальный носитъ трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
Церкви города Заморы
Въ ткани черныя одѣты,
И на нихъ печальный трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
И Урака, затворившись
Въ замкѣ города Заморы,
О сестрахъ и братьяхъ плачетъ,
И печальный носитъ трауръ
По Великомъ Фердинандѣ.
Ио на вздыхала тяжко
Въ ту минуту, какъ явился
Передъ городомъ Заморой
Донъ-Родриго, вождь Кастильскій.

Вдругъ всѣ улицы Заморы
Зашумѣли, взволновались;
Крикъ до за́мка достигаетъ,
И Урака, на ограду
Вышедъ, смотритъ.... тамъ могучій
Сидъ стоитъ передъ стѣной.
Онъ свои подъемлетъ очи,
Онъ Ураку зритъ на башнѣ,
Ту, которая надѣла
На него златыя шпоры.
И ему шепнула совѣсть:
„Стой, Родриго, ты вступаешь
„На безславную дорогу;
„Благородный Сидъ, назадъ!
И она ему на память
Привела тѣ дни, когда онъ
Государю Фердинанду
Обѣщался быть надежной
Дочерей его защитой,
Дни, когда они дѣлили
Ясной младости веселье
При дворѣ великолѣпномъ
Государя Фердинанда,
Дни прекрасныя Коимбры.
„Стой, Родриго, ты вступаешь
„На безславную дорогу;
„Благородный Сидъ, назадъ!
Бодрый Сидъ остановился.

Онъ впервые Бабіеку
Обратилъ и въ размышленьи,
Прошептавъ: *назадъ!* поѣхалъ
Въ королевскій станъ обратно,
Чтобъ принесть отчетъ Донъ-Санху.
Но разгнѣванный Донъ-Санхо
Такъ отвѣтствуетъ Родригу:
Безразсудны Государи,
Осыпающіе честью
Неумѣренной вассаловъ —
Лишь мятежниковъ надменныхъ
Для себя они готовятъ.
Ты съ Заморой непокорной
Заодно теперь, Родриго;
Нынѣ умъ твой дерзновенный
Не въ ладу съ моимъ совѣтомъ;
Съ глазъ моихъ пойди, Родриго;
Изъ Кастильскихъ выйдь предѣловъ;
Всѣ мои покинь владѣнья. —
„Но которыя владѣнья,
„Государь, велишь покинуть?
„Завоеванныя ль мною,
„Сохраненныя ли мною
„Для тебя?“ — Тѣ и другія. —
Сидъ минуту былъ задумчивъ;
Но потомъ онъ улыбнулся,
Вкругъ себя спокойный бросилъ
Взоръ, и сѣлъ на Бабіеку.

Удалился Сидъ.... молчанье
Въ станѣ царствуетъ, какъ въ гробѣ.

IV.

Длится трудная осада.
Много было поединковъ;
Много рыцарей Кастильскихъ,
Къ утѣшенью дамъ Заморы,
Было сброшено съ сѣдла.
Не возьмутъ они Заморы.
Тутъ являются къ Донъ-Санху
Графы, знатные вельможи.
„Государь, отдай намъ Сида
(Говорятъ они); безъ Сида
„Не бывать ни въ чемъ удачи.“
И Король послалъ за Сидомъ;
Но съ домашними своими
Напередъ о томъ, что дѣлать,
Посовѣтовался Сидъ.
Возвратиться былъ совѣтъ ихъ,
Если самъ Король Донъ-Санхо
Признаетъ себя виновнымъ.
Сидъ покорствуетъ призванью;
Самъ Король къ нему на встрѣчу
Выѣзжаетъ; съ Бабіеки
Сходитъ Сидъ, его увидя,
И его цѣлуетъ руку.
Съ той поры на поединки

Вызывать гораздо рѣже
Стали рыцари Заморы
Смѣлыхъ рыцарей Кастильскихъ:
Каждый былъ готовъ сразиться
Хоть съ пятью одинъ, хоть съ чортомъ,
Лишь бы только не съ Родригомъ.
Вдругъ изъ города Заморы
Вышелъ витязь неизвѣстный.
Къ пышной ставкѣ королевской
Подошедши, такъ сказалъ онъ:
„За совѣтъ мой: *покориться*,
„Чуть меня не умертвили.
„Государь, я знаю вѣрный
„Способъ сдать тебѣ Замору.“
Но съ высокія ограды
Въ то же время старый рыцарь
Прокричалъ: „Король Донъ-Санхо,
„Знай, и вы, Кастильцы, знайте,
„Что изъ города Заморы
„Вышелъ къ вамъ предатель хитрый:
„Если сбудется злодѣйство,
„Насъ ни въ чемъ не обвиняйте.“
Но съ предателемъ Донъ-Санхо
Ужъ пошелъ къ стѣнамъ Заморы.
Тамъ предъ входомъ потаеннымъ
Неприступныя ограды,
Видя, что Король Донъ-Санхо
Съ нимъ одинъ и безоруженъ,

Острый свой кинжалъ предатель
Весь вонзилъ въ него и скрылся.
И Король смертельно раненъ.
Вкругъ него толпятся слуги;
И никто изъ нихъ не молвилъ
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, вѣрный рыцарь
Такъ сказалъ ему: „помысли
„О лушѣ своей и Богѣ;
„Остальное все забудь.“
И уже Король Донъ-Санхо
Предалъ въ руки Бога душу.
Много рыцарей Кастильскихъ
Вкругъ него стоятъ и плачутъ;
Болѣ всѣхъ скорбитъ и плачетъ
Благородный Донъ-Родриго.
„О Король мой, о Донъ-Санхо!
(Восклицаетъ онъ), да будетъ
„Проклятъ день тотъ ненавистный,
„День, въ который ты замыслилъ
„Приступить къ стѣнамъ Заморы.
„Не боялся тотъ ни Бога,
„Ни людей, кто беззаконно
„Далъ тебѣ совѣтъ нарушить
„Честный рыцарства законъ.“

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНІЕ.

БЫЛЬ.

Лѣтъ за семьдесятъ, въ Швеціи, въ городѣ горномъ Фаллунѣ,
Утромъ однимъ молодой рудокопъ, на свиданьи съ своею
Скромной, милой невѣстою, такъ ей сказалъ: черезъ мѣсяцъ
(Мѣсяцъ не дологъ) мы будемъ мужъ и жена; и надъ нами
Благословеніе Божіе будетъ. — „И въ нашей убогой
Хижинѣ радость и миръ поселятся“, сказала невѣста.
Но когда возгласилъ во второй разъ священникъ въ приходской
Церкви: *кто законное браку препятствіе знаетъ,*
Пусть объявитъ объ немъ, тогда съ запрещеньемъ явилась

Смерть. Наканунѣ брачнаго дня, идя въ рудокопню
Въ черномъ платьѣ своемъ (рудокопъ никогда не снимаетъ
Чернаго платья), женихъ постучался въ окошко невѣсты,
Съ радостнымъ чувствомъ сказалъ онъ ей: *доброе утро!* но *добрый*
Вечеръ! онъ ужъ ей не сказалъ, и назадъ не пришелъ онъ
Къ ней ни въ тотъ день, ни на другой, ни на третій, ни послѣ....
Рано по утру одѣлась она въ вѣнчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришелъ онъ,
Платье вѣнчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго объ немъ, и его никогда не забыла.
Вотъ въ Португаліи весь Лиссабонъ уничтоженъ былъ страшнымъ
Землетрясеньемъ; война семилѣтняя кончилась; умеръ
Францъ Императоръ; былъ Іезуитскій орденъ разрушенъ;
Польша исчезла; скончалась Марія Терезія; умеръ
Фридрихъ Великій; Америка стала свободна; въ могилу
Легъ Императоръ Іосифъ Второй; революціи пламя
Вспыхнуло; добрый Король Людовикъ, возведенный на плаху,
Умеръ святымъ; на Русскомъ престолѣ не стало Великой
Екатерины; и много троновъ упало; и новый
Сильный воздвигся, и всѣ перевысилъ, и рухнулъ;
И на далекой скалѣ океана изгнанникомъ умеръ
Наполеонъ. А поля, какъ всегда, покрывалися жатвой,

Пашни сочной травою, холмы золотымъ виноградомъ;
Пахарь сѣялъ и жалъ, и мельникъ мололъ, и глубоко
Въ нѣдра земли проницалъ съ фонаремъ рудокопъ, открывая
Жилы металловъ. И вотъ случилось, что близко Фаллуна,
Новый ходъ проложивъ, рудокопы въ давнишнемъ обвалѣ
Вырыли трупъ неизвѣстнаго юноши: былъ онъ не тронутъ
Тлѣньемъ, былъ свѣжъ и румянъ; казалось что умеръ
Съ часъ не болѣ, иль только прилегъ отдохнуть и забылся
Сномъ. Когда же на свѣтъ онъ изъ темной земныя утробы
Вынесенъ былъ — отецъ, и мать, и друзья, и родные
Мертвы ужъ были давно; не нашлось никого, кто бъ о спящемъ
Юношѣ зналъ, кто бъ помнилъ, когда съ нимъ случилось несчастье.
Мертвый товарищъ умершаго племени, чуждый живому,
Онъ сиротою лежалъ на землѣ, посреди равнодушныхъ
Зрителей, всѣмъ незнакомый, дотолѣ, пока не явилась
Тутъ невѣста того рудокопа, который однажды
Утромъ, за день до свадьбы своей, пошелъ на работу
Въ рудникъ, и болѣ назадъ не пришелъ. Подпираясь клюкою,
Трепетнымъ шагомъ туда прибрела сѣдая старушка;
Смотритъ на тѣло, и вмигъ узнаетъ жениха. И съ живою
Радостью болѣ, чѣмъ съ грустью, она предстоявшимъ сказала:

Это мой бывшій женихъ, о которомъ такъ долго, такъ долго
Плакала я, и съ которымъ Господь еще передъ смертью
Далъ мнѣ увидѣться. За день до свадьбы, пошелъ онъ работать
Въ землю, но тамъ и остался. — У всѣхъ разогрѣлося сердце
Нѣжнымъ чувствомъ при видѣ бывшей невѣсты, увядшей,
Дряхлой, надъ бывшимъ ея женихомъ, сохранившимъ всю прелесть
Младости свѣжей. Но онъ не проснусля на голосъ знакомый;
Онъ не октрылъ ни очей для узнанья, ни устъ для привѣта.
Въ день же, когда на кладбище его понесли, съ умиленьемъ
Друга давнишнія младости въ землю она проводила;
Тихо смотрѣла, какъ гробъ засыпали; когда же исчезъ онъ,
Свѣжей могилѣ она поклонилась, пошла, и сказала:
„Что однажды земля отдала, то отдастъ и въ другой разъ!“

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ИЛІАДЫ.

Жертву принесши богамъ, да пошлютъ Иліону спасенье,
Гекторъ поспѣшно потекъ по красиво устроеннымъ стогнамъ;
Замокъ высокій Пергама пройдя, наконецъ онъ достигнулъ
Скейскихъ воротъ, ведущихъ изъ града въ широкое поле.
Тамъ Гетеонову дочь Андромаху, супругу, онъ встрѣтилъ;
Съ нею былъ сынъ. На груди у кормилицы нѣжный младенецъ
Тихо лежалъ: какъ звѣзда лучезарная, былъ онъ прекрасенъ,
Гекторъ Скамандріемъ назвалъ его; отъ другихъ онъ былъ прозванъ
Астіанаксомъ (понеже лишь Гекторъ защитой былъ града).
Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:
Неумолимый, отважность погубитъ тебя. Не жалѣешь

Ты ни о сынѣ своемъ въ пеленахъ, ни о бѣдной супругѣ,
Скоро вдовѣ безотрадной; Ахейцы тебя неизбѣжно,
Силою всею напавъ, умертвятъ. Для меня же бы лучше
Въ землю сокрыться, тебя потерявъ: что будетъ со мною,
Если тебя, отнятаго рокомъ могучимъ, не станетъ?
Горе! ужъ нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной;
Мой отецъ умервщленъ Ахиллесомъ божественнымъ;
Θивы,
Градъ Киликіянъ съ блестящими златомъ вратами раз-
рушивъ,
Самъ онъ убилъ Гетеона, но не взялъ оружія; чуждый
Мысли такой, онъ съ оружіемъ вмѣстѣ сожженію предалъ
Кости родителя, въ почесть ему погребальный насыпалъ
Холмъ и платанами горныя нимфы тотъ холмъ обсадили.
Семеро братьевъ еще у меня оставалось въ отчизнѣ —
Всѣ они, въ день единый, повержены въ бездну Аида:
Всѣхъ безпощадной рукой умертвилъ Ахиллесъ бы-
строногій.
Матерь Царицу отъ пажитей густолѣсистаго Плака
Въ рабство добычей войны онъ увлекъ, но за выкупъ
великій
Скоро ей отдалъ свободу, чтобъ пала отъ стрѣлъ Ар-
темиды.
Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ и нѣжная матерь;
Ты мой единственный братъ, о Гекторъ, цвѣтущій су-
пругъ мой.
Будь же ко мнѣ сострадателенъ, здѣсь останься на башнѣ;
Сыну не дай сиротства, супругѣ не дай быть вдовою;

Тамъ на холмѣ смоковницы войско поставь: нападенье
Легче оттуда на градъ; тамъ открыты для приступа стѣны.
Съ той стороны уже трикраты на насъ покушались
Оба Аякса, Идоменей, Діомедъ и Атриды.
Кротко отвѣтствуетъ гривистымъ шлемомъ украшенный Гекторъ:
О Андромаха, и я о томъ же печалюсь; но стыдъ мнѣ
Будетъ тогда отъ Троянскихъ мужей и отъ женъ Иліона,
Если, какъ робкій, сюда удалюсь, уклоняся отъ боя;
То запрещаетъ и сердце; допынѣ привыкъ я спокойно
Бодрствовать духомъ и биться у всѣхъ впереди, охраняя
Трою, великую славу отца и мою; но предвидитъ
Вѣщее сердце и тайно гласитъ мнѣ тревожное чувство:
Нѣкогда день сей наступитъ — падетъ священная Троя,
Съ нею Пріамъ и народъ царя копьеноснаго бодрый.
Но не Трои грядущее горе, не участь Гекубы,
Ни же Пріамова гибель, ни же столь многихъ, столь храбрыхъ
Братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно падущихъ
Въ прахъ подъ рукою врага, сокрушаютъ нынѣ такъ сильно
Душу мою, какъ мысль о тебѣ, Андромаха, когда ты,
Вслѣдъ за одѣяннымъ мѣдною бронею мужемъ Ахейскимъ,
Плача, отсюда пойдешь, лишенная свѣта свободы,
Или въ Аргосѣ будешь съ рабынями ткать для Царицы,
Иль утомленная, тяжкимъ сосудомъ въ ключѣ Гиперейскомъ

Черпая воду, будешь въ слезахъ поминать о Пергамѣ.
Можетъ быть, видя, какъ плачешь въ своемъ одиночествѣ, скажутъ:
„Вотъ вдова знаменитаго Гектора, бывшаго первымъ
Въ войскѣ Троянскомъ, въ тѣ дни, какъ сражались у стѣнъ Иліона.“
То услыша, ты съ новою вспомнишь тоской, что на свѣтѣ
Нѣтъ ужъ того, кто отъ рабства надежною былъ бы защитой.
Нѣтъ! я лучше хочу, чтобъ меня бездыханнаго скрыли
Въ землю, чѣмъ слышать о плачѣ твоемъ и крушительномъ плѣнѣ.
Такъ отвѣтствовалъ Гекторъ, и къ сыну руки простеръ онъ;
Робко отъ нихъ отклонился, и къ лону кормилицы съ крикомъ
Бросился милый младенецъ, дичася отца, устрашенный
Яркимъ блистаніемъ латъ и косматою гривою шлема,
Грозно надъ нимъ зашумѣвшею съ мѣдноогромнаго гребня.
Съ грустной улыбкой и мать и отецъ посмотрѣли на сына.
Шлемъ съ головы снимаетъ поспѣшно блистательный Гекторъ;
Бранный уборъ на землю кладетъ и, на руки взявши
Сына, цѣлуетъ его съ умиленьемъ, и нѣжно лелѣетъ.
Громко взываетъ потомъ онъ къ безсмертнымъ богамъ и Зевесу:

Царь Зевесъ! вы, боги Олимпа! молю васъ, да будетъ
Нѣкогда сынъ мой, какъ я, благолюбіемъ первый въ народѣ,
Столько же мышцею крѣпокъ и мощно господствуетъ въ Троѣ.
Пусть со временемъ скажутъ: *отца своего превзошелъ онъ!*
Видя его, изъ сраженья идущаго съ пышною броней,
Снятой съ врага — и такая хвала да порадуетъ матерь.
Такъ сказавъ, положилъ онъ въ объятія нѣжной супруги
Сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистымъ покровомъ
Персей одѣла его; и, глубокой печалію полный,
Гекторъ, ее приласкавши рукою, привѣтно сказалъ ей:
Бѣдная, ты не должна обо мнѣ сокрушаться такъ много;
Противъ судьбы я никѣмъ преждевременно сосланъ не буду
Въ темный Аидъ; но судьбы ни единый еще не избѣгнулъ
Смертный, родившійся разъ на землѣ, ни смѣлый, ни робкій.
Съ миромъ же въ домъ свой пойди: занимайся порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабы и рабыни въ работѣ
Были прилежны своей; о войнѣ же имѣть попеченье –
Дѣло Троянскихъ мужей и мое изъ всѣхъ наиболѣ.
Кончивъ, свой гривистый шлемъ поднимаетъ блистательный Гекторъ.
Медленнымъ шагомъ, и часто назадъ озираясь, и слезы

Горькія молча лія, Андромаха пошла и достигла
Скоро обители Гектора; много служительницъ было
Собрано тамъ за работою; всѣ сокрушалися съ нею;
Заживо Гекторъ былъ въ домѣ оплаканъ своемъ. Неизбѣжно,
Мнили онѣ, онъ погибнетъ; мы вѣчно его не увидимъ.

Истину вѣщая скорбь предсказала имъ; время настало
Сбыться тому, что давно предназначено было: но прежде
Славой великой покрылся могучій защитникъ Пергама.
Палъ Патроклъ отъ руки благороднаго Гектора; втуне
Шлемъ Ахиллесовъ и щитъ покрывали его; неизбѣжный
Часъ судьбы наступилъ — и съ Патроклова хладнаго трупа
Гекторъ совлекъ Ахиллесову броню, и сѣча зажглася
Вкругъ бездыханнаго юноши, прежде столь бодраго въ битвѣ.

Я къ кораблямъ Антилоха послалъ возвѣстить Ахиллесу
Гибель Патрокла; но знаю, что къ намъ не придетъ онъ на помощь,
Сколь ни кипѣлъ бы на Гектора злобою.... онъ безороженъ.
Намъ однимъ защищать умерщвленнаго друга. Упорно
Будемъ стоять за него; спасемъ бездыханное тѣло.
Такъ говорилъ Менелай Теламонову сыну Аяксу.
Правда, Атридъ знаменитый, Аяксъ отвѣчалъ Менелаю,
Ты съ Меріономъ Патрокла храни; наклонитесь и тѣло,
Взявъ на плеча, несите изъ боя. Мы жъ, оба Аякса,
Равные мужествомъ сердца, всегда неразлучные въ битвѣ,

Будемъ стремленье Троянъ и великаго Гектора дружно
Грудью своей отражать, охраняя отшествіе ваше.
Царь Менелай съ Меріономъ подъемлютъ Патроклово тѣло
Сильной рукою съ земли: ужаснулись Трояне, увидя
Тѣло во власти Ахеянъ и бросились съ воплемъ за ними.
Словно какъ псы, упредя звѣроловцевъ младыхъ, на лѣснаго
Вепря, когда онъ пораненъ, кидаются вдругъ, но лишь только
Бѣшеный онъ, ощетинясь, на нихъ оберется, въ испугѣ
Всѣ разсыпаются — такъ и Трояне сначала стремятся
Бодро впередъ, подымая мечи и двуострыя копья;
Но лишь только Аяксы въ лице имъ лицемъ обратятся —
Всѣ блѣднѣютъ и боя начать ни одинъ не дерзаетъ.

Царь Менелай съ Меріономъ безстрашно, медлительнымъ шагомъ,
Идутъ впередъ, унося изъ сраженья Патроклово тѣло;
Ихъ защищаютъ Аяксы; блистательный Гекторъ съ Энеемъ
Рвутся, какъ львы разъяренные, силясь добычу похитить;
Страшной грозой къ кораблямъ приближается шумная битва.
Робко межъ тѣмъ Антилохъ къ Ахиллесовой ставкѣ подходитъ.
Онъ сидѣлъ впереди кораблей недалеко отъ моря,
Мраченъ, тревожимый думой о томъ, что уже совершилось

Горе! онъ мыслилъ, зачѣмъ къ кораблямъ въ безпорядкѣ тѣснятся
Снова Ахейцы, покинувъ сраженье? Страшусь, что со мною
Сбудется то, что давно предсказала мнѣ матерь: что долженъ,
Прежде меня отъ Троянъ Мирмидонецъ погибнуть храбрѣйшій.
Сердце дрожитъ; ужъ не палъ ли Менетіевъ сынъ? Непреклонный
Другъ! а я умолялъ уйти къ кораблямъ, отразивши
Вражій пожаръ и отнюдь не испытывать съ Гекторомъ силы.
Такъ размышлялъ Ахиллесъ — и предъ нимъ съ сокрушительной вѣстью
Сынъ престарѣлаго Нестора, слезы ліющій, явился.
Горе мнѣ! сынъ благородный Пелея, ты долженъ о страшной
Слышать бѣдѣ, какой никогда не должно бы случиться!
Палъ Патроклъ: ужъ теперь за его бездыханное тѣло
Бьются; онъ нагъ — оружіе Гекторъ могучій похитилъ.
Мрачное облако скорби лице Ахиллеса покрыло.
Обѣ онъ горсти наполнивши пепломъ, главу имъ осыпалъ;
Ликъ молодой почернѣлъ, почернѣла одежда и самъ онъ,
Тѣломъ великимъ пространство покрывши великое, въ прахѣ
Былъ распростертъ, и волосы рвалъ и бился объ землю.

Дѣвы, имъ купно съ Патрокломъ плѣненныя, въ страхѣ изъ ставки
Выбѣжавъ, громко вопили надъ нимъ и перси терзали.
Съ ними стенялъ Антилохъ; заливаясь слезами, всей силой
Онъ Ахиллесовы руки держалъ, чтобъ въ безуміи горя
Самъ онъ себѣ не пронзилъ изощреннымъ оружіемъ груди.
Съ страшнымъ воплемъ онъ плакалъ. Его услышала матерь,
Въ домѣ сѣдаго отца, на днѣ глубокаго моря.
Громко она зарыдала, и къ ней собрались Нереиды,
Сестры младыя, морской глубины златовласыя дѣвы.
Полонъ былъ ими подводный, серебряный домъ, поражали
Всѣ онѣ перси, печалясь съ сестрой. Имъ Ѳетида сказала:
Милыя сестры, Нерея безсмертныя дочери, много,
Много печали на сердцѣ моемъ; о горе мнѣ бѣдной!
Мнѣ, Ахиллеса великаго матери! мною рожденный
Сынъ, столь душей благородный, столь мужествомъ славный, въ герояхъ
Первый.... онъ цвѣлъ, какъ младое прекрасное древо; съ любовью
Нѣжной воспитанный, выросъ, и мной наконецъ къ Иліону
Посланный, поплылъ туда въ корабляхъ острогрудыхъ.... и вѣчно
Мнѣ ужъ его не увидѣть въ отеческомъ домѣ Пелея;
Но доколѣ и живъ онъ, сіяніемъ дня озаренный,
Онъ осужденъ на страданье и матерь ему не поможетъ.
Милыя сестры, покинемъ глубокое море; мнѣ должно,
Должно сына увидѣть, мнѣ должно провѣдать, какое

Новое горе ему, не вступавшему въ бой, приключилось.
Такъ сказавъ, изъ пещеры выходитъ Ѳетида, и съ нею
Сестры, Нереевы дочери, слезы лiющiя. Волны
Моря кругомъ ихъ шумятъ, раздѣляясь. Достигнувши Трои,
На берегъ всходятъ одна за другою въ томъ мѣстѣ,
гдѣ зрѣлись
Всѣ корабли Мирмидонянъ кругомъ Ахиллесовой ставки.
Матерь къ нему подошла, зарыдала надъ нимъ и, обнявши
Нѣжной рукой преклоненную голову сына, сказала:
Что же ты плачешь? Что бодрую душу твою сокрушило?
Будь откровененъ со мною! Зевесъ громовержецъ ис-
полнилъ
Все, о чемъ ты молился, подъемля здѣсь руки. Ахейцы
Много стыда претерпѣли, утративъ тебя и, тѣснимы
Силой враговъ къ кораблямъ, безнадежно тебя призывали.
Тяжко, тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногiй:
Матерь, не тщетно молилъ я, исполнилъ Зевесъ гро-
мовержецъ
Всѣ; но какая въ томъ польза, когда потерялъ я Па-
трокла,
Друга нѣжнѣйшаго, милаго мнѣ, какъ сiянье дневное?
Онъ погибъ, и оружiе Гекторъ убiйца похитилъ,
Крѣпкое, дивное, даръ отъ боговъ Олимпiйскихъ Пелею
Въ оный день, какъ тебя сочетали безсмертную съ
смертнымъ.
Было бы лучше, когда бъ ты осталась богинею моря,
Лучше, когда бы простой, не безсмертной супруги су-
. . пругомъ

Былъ Пелей: безконечной тоской по утраченномъ сынѣ
Будешь ты нынѣ крушиться; ужъ вѣчно его не увидишь
Въ домѣ отца. Да и сердце мое запрещаетъ мнѣ долѣ
Здѣсь межъ живыми скитаться; но прежде Гекторъ заплатитъ
Мнѣ за Патроклову жизнь, подъ моею ногой издыхая.
Матерь, ліющая слезы, отвѣтствуетъ: то, что сказалъ ты,
Мнѣ возвѣщаетъ, что жизни твоей прекращеніе близко:
Самъ ты за Гекторомъ вслѣдъ неминуемо долженъ погибнуть —
Такъ повелѣла судьба. — Ахиллесъ возразилъ ей угрюмо
Пусть я погибну теперь! что въ жизни, если Патрокла
Мнѣ защитить не дано? Далекó отъ любимой отчизны
Палъ онъ, а я не пришелъ отразить ненавистную гибель.
Что я? Родительскихъ мирныхъ полей суждено не видать мнѣ;
Жизни Патрокла спасти я не могъ; не могъ быть защитой
Столькимъ друзьямъ благороднымъ, отъ сильнаго Гектора падшимъ.
Здѣсь я сижу, позади кораблей, безполезное бремя
Свѣту, я, Ахиллесъ, изъ всѣхъ мѣднолатныхъ Ахеянъ
Въ битвѣ храбрѣйшій, хотя на свѣтѣ другимъ уступаю.
О! да погибнутъ вражда и гнѣвъ, отемняющій часто
Разумъ мудрѣйшимъ! сначала онъ сладостнѣй меда, но скоро
Пламень снѣдающій въ сердцѣ, вкусившемъ его, зажигаетъ.

Такъ и меня раздражилъ Агамéмнонъ, царей повелитель.
Но пусть будетъ прошедшимъ прошедшее; сколь ни прискорбно
Сердцу оно — раздраженное сердце должно покориться.
Я иду — не избѣгнешь меня ты, Патрокловъ убійца,
Гекторъ. Свой жребій принять я готовъ, когда ни назначатъ
Вѣчный Зевесъ и безсмертные боги Олимпа; и мнѣ ли
Нынѣ роптать на судьбу, когда и Алкидъ благородный,
Сынъ громовержца любимый, былъ нѣкогда ею постигнутъ?
Если подобный удѣлъ и меня ожидаетъ, пусть лягу
Въ землю, дыханье утративъ; но славу великую прежде
Здѣсь соберу, быстротечныя жизни въ замѣну; здѣсь многихъ
Дѣвъ полногрудыхъ Дарданскихъ принужу крушиться, и слезы
Съ юныхъ ланитъ отирать, закрывши руками
Лица и вздохи спирая въ груди, раздираемой горемъ.
Скоро узнаютъ, что я отдохнулъ. А ты не надѣйся,
Матерь, меня удержать: никогда я не буду покоренъ.
Истину ты говоришь, отвѣчала Ѳетида; похвально
Быть для друзей отъ бѣды и отъ смерти защитой. Но Троя
Нынѣ владѣетъ твоими блестящими латами; хищный
Гекторъ, украшенный ими, ликуетъ — хотя и недолго.
Въ нихъ величаться ему: предназначенный часъ недалеко.
Но безоружный, мой сынъ, не бросайся въ тревогу Арея;

Здѣсь помедли, доколѣ меня опять не увидишь.
Завтра сюда на разсвѣтѣ, лишь только подымется солнце,
Съ пышной бронею, искованной богомъ Ифестомъ, приду я.
Такъ говорила богиня и съ сыномъ могучимъ простилась.
Къ юнымъ сестрамъ, среброногимъ богинямъ, потомъ обратяся,
Милыя сестры, сказала, теперь погрузитеся въ море,
Въ домъ возвратитесь Нерея и старцу сѣдому пучины
Все возвѣстите. А я на вершину Олимпа къ Ифесту
Прямо отсель полечу умолять, чтобъ оружіе далъ намъ.
Кончила: въ лоно зыбей погрузились младыя богини.
Быстро къ вершинѣ Олимпа отъ нихъ полетѣла Ѳетида.
Тою порою Ахейцы отъ грознаго Гектора съ громкимъ
Воплемъ бѣжали къ своимъ кораблямъ, на брега Эллиспонта,
Силясь напрасно исторгнуть изъ боя Патроклово тѣло;
Гекторъ, какъ бурное пламя, гна́лся за нимъ; ужъ трикраты
За ногу мертваго сзади хваталъ онъ, готовый добычу
Вырвать изъ рукъ у Ахеянъ, и кликалъ Троянъ, и трикраты
Силою всею Аяксы его отражали отъ трупа.
Яростный, пламенный, все низвергалъ онъ; то, бѣгая быстро,
Бился въ толпѣ; то, стоя недвижимъ, сзывалъ громогласно
Въ битву своихъ и рвался неотступно на хладное тѣло.

Такъ надъ растерзанной ланью, голодный, очами сверкая,
Левъ космолапый сидитъ, не тревожася пастырей крикомъ.
Тщетно Аяксы отважные борются съ нимъ; овладѣлъ бы
Онъ неизбѣжно Патрокломъ съ великою славой, когда бы
Ира съ небесъ не послала Ириду къ Нелееву сыну.
Сынъ Пелеевъ, бѣги, бѣги на помощь къ Патроклу;
Битва уже подошла къ кораблямъ. Посмотри: убиваютъ
Страшно другъ друга, одни, отбиваясь, другіе, стремяся
Тѣло схватить; одолѣютъ Трояне; блистательный Гекторъ
Скоро похититъ Патрокла, и въ Трою умчитъ, и на башнѣ
Выставитъ голову, снятую съ плечъ въ посрамленье Ахеянъ.
Полно медлить: иль псамъ напитаться Пакрокловымъ тѣломъ.
Встань, безоружный, взбѣги на раскатъ; покажися Троянамъ;
Образъ твой ужасъ нагонитъ на нихъ; ободрятся Ахейцы.
Такъ Ахиллесу богиня Ирида сказала и скрылась.
Гласомъ ея возбужденный, вскочилъ Ахиллесъ. И Аѳина
Мощныя плечи ему облачила эгидой ужасной,
Огненной тучей главу обвила, и съ нея заблистали
Грозно лучи, озаряя окрестность. Какъ дымъ, извиваясь,
Всходитъ далеко на островѣ, ратью враговъ обложенномъ —

(Бодро весь день осажденные бьются, но сядетъ лишь солнце,
Всюду костры зажигаютъ, и съ яркими искрами пламя
Всходитъ великимъ столбомъ и, окрестъ отраженное моремъ,
Свѣтитъ, чтобъ видѣли путь корабли, приносящіе помощь)
Такъ съ головы Ахиллеса блистанье въ эѳиръ подымалось.
Онъ взбѣжалъ на раскатъ и ставъ на виду у Ахеянъ,
Крикнулъ.... пронзительный крикъ повторила Паллада Аѳина
Отзывомъ громкимъ: Троянъ обуялъ неописанный ужасъ.
Такъ оглушительный громъ боевыя трубы, возвѣщая
Приступъ, внезапно мутитъ осажденныхъ. Едва Ахиллесовъ
Голосъ послышался, дрогнуло каждаго сердце; всѣ кони,
Гибель почуя, подняли гривы и съ топотомъ громкимъ
Вспять понесли колесницы; правители ихъ въ изступленьи,
Съ блѣднымъ лицемъ, обратяся назадъ, неподвижнымъ смотрѣли
Окомъ на грозный лица Ахиллесова блескъ. Троекратно
Крикнулъ онъ съ валу на нихъ — троекратно, разбитыя страхомъ,
Войска Троянъ и союзныхъ назадъ въ безпорядкѣ бросались.
Тутъ отъ своихъ колесницъ и отъ собственныхъ копій двѣнадцать
Храбрыхъ Дарданянъ погибло. Ахейцы, похитивъ Патрокла,

Въ ставкѣ простерли его на одрѣ, и друзья окружили
Тѣло. Пришелъ Ахиллесъ. Залился онъ слезами, увидя
Друга, передъ нимъ на одрѣ неподвижно лежащаго,
острой
Мѣдью пронзеннаго: самъ онъ недавно его на сраженье,
Броней своею облекши, послалъ: но назадъ не при-
шелъ онъ.
Тою порой, постоянный въ теченіи Геліосъ, волю
Иры свершая, сошелъ неохотно къ водамъ Океана,
Въ нихъ потонувшее солнце исчезло, и войско Ахеянъ,
Послѣ губительной брани, въ глубокій покой погрузилось.

Но Трояне вкусить не могли ни покоя, ни пищи,
Смутно они собрались на совѣтъ. Опершися на копья,
Всѣ стояли и сѣсть не дерзалъ ни единый и всѣмъ имъ
Сердце тревожила мысль о явившемся въ бой Ахиллесѣ.
Полидамантъ благомыслящій, Гекторовъ другъ осто-
рожный
Первый подалъ совѣтъ: покинувъ поле сраженья,
Въ Трою войти. Намъ теперь благовонная ночь благо-
склонна.
Такъ онъ сказалъ. Ахиллеса держитъ она. Но заутра,
Въ полѣ увидя насъ, выйдетъ онъ въ битву. Тогда неиз-
бѣжно
Многіе будутъ добычею псовъ. Удалимся же въ Трою,
покуда
Время, на торжищѣ ночь проведемъ подъ небомъ от-
крытымъ;

Съ первымъ же блескомъ денницы сберемся на стѣны; пускай онъ
Боя отвѣдать приближится къ намъ; лишь напрасно могучихъ
Коней своихъ утомитъ; но въ Трою ему не ворваться.
Сумраченъ, брови нахмуря, отвѣтствовалъ пламенный Гекторъ:
Полидамантъ, осторожный совѣтъ твой теперь безполезенъ;
Намъ ли, какъ робкимъ, бѣжать въ огражденную башнями Трою?
Мы ль не устали еще, за стѣнами тѣснясь, укрываться?
Нѣкогда городъ Пріамовъ, межъ всѣми народами славный,
Былъ знаменитъ на землѣ изобиліемъ мѣди и злата;
Но ужъ давно изъ печальныхъ жилищъ изобиліе скрылось.
Мы раздражили Зевеса: во Фригіи, въ краѣ союзномъ
Пышной Меоніи, проданы лучшія утвари наши.
Нынѣ жъ, когда мнѣ могучій Кроніонъ, Зевесъ вседержитель
Славу послалъ отразить къ кораблямъ мѣднолатныхъ Ахеянъ,
Я ли укроюся въ Троѣ? Какой же совѣтъ подаешь ты?
Кто изъ Троянъ покорится ему? Здѣсь я повелитель.
Слушайте жъ слово мое и мою исполните волю:
Пищу пускай по дружинамъ раздѣлять; насытьтесь, но каждый
Будь остороженъ, и стражъ да не дремлетъ на стражѣ. Заутра

Съ первымъ сіяньемъ денницы, оружіе мѣдное взявши,
Мы побѣжимъ къ кораблямъ на рѣшительный приступъ. И если
Правда, что всталъ Ахиллесъ, то недоброе время онъ выбралъ;
Я не страшуся его безпощаднаго встрѣтить; отважно
Стану предъ нимъ, не заботясь, меня ли, его ли украситъ
Славою бой..... неподкупенъ Арей, и разящихъ разитъ онъ.
Гекторъ сказалъ и Трояне, согласные съ нимъ, отвѣчали
Плескомъ шумящимъ.... слѣпцы! имъ Паллада затмила разсудокъ:
Злое благому они предпочли и остались въ полѣ.
Въ горѣ и плачѣ ту ночь надъ Патрокловымъ тѣломъ Ахейцы,
Глазъ не смыкая, всю провели. Ахиллесъ, положивши
Мощныя руки на грудь неподвижную друга, со стономъ
Плакалъ. Такъ львица грозная, рычетъ, когда звѣроловецъ
Львенка младаго ея изъ глубокаго лога похитилъ:
Злобяся, рыщетъ она по ущеліямъ съ жалобнымъ ревомъ.
Такъ Ахиллесъ вопіялъ, окруженный толпой Мирмидонянъ:
Боги! сколь были надежды мои безразсудны, когда я,
Тщась утолить сокрушенье Менетія, далъ обѣщанье
Вмѣстѣ съ украшеннымъ славой Патрокломъ въ Опунтъ возвратиться,
Трою разрушивъ и много богатой добычи скопивши.

Смертный замыслитъ одно, а Зевесъ совершаетъ иное!
Оба единую землю мы кровью своей напитаемъ
Здѣсь въ отдаленномъ Троянскомъ краю. И меня не увидятъ
Вѣчно въ жилищѣ отцевъ ни Пелей, мой родитель
Дряхлый, ни матерь Ѳетида. Здѣсь лягу, покрытый могилой.
Если же послѣ Патрокла назначено въ землю сойти мнѣ,
О мой Патроклъ! я твое совершу погребенье, повергнувъ
Голову Гектора съ броней его предъ тобой и двѣнадцать
Юношей плѣнныхъ, сыновъ благороднѣйшихъ Трои, заклавши
Въ почесть твою и обиженной тѣни твоей въ утѣшенье!
Съ миромъ же спи у моихъ кораблей въ ожиданіи мести;
Пусть Троянки, плѣненныя нами, и денно и нощно
Плачутъ дотолѣ надъ тѣломъ твоимъ и перси терзаютъ.
Съ сими словами друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный,
Чистой водою огромный котелъ треножный наполнивъ,
Прахъ съ запекшейся кровію смыть съ Патроклова тѣла.
Ставятъ треножникъ на яркій огонь и шумящей струею
Льется въ него ключевая вода и хворостъ бросаютъ
Въ пламя: оно обхватило котелъ и вода закипѣла
Въ мѣдномъ звѣнящемъ сосудѣ. Омытое теплою влагой
Тѣло умаслили тучнымъ елеемъ; потомъ, ароматной

Девятилѣтнею мазью наполнивши раны, простерли
Тихо его на одрѣ и, покрывъ полотномъ драгоцѣннымъ
Купно и тѣло и ложе блестящею тканью одѣли.

Эосъ младая въ одеждѣ багряной, безсмертнымъ и смертнымъ
День приносящая, встала изъ водъ Океана. Ѳетида
Съ дивной, Ифестомъ ей данной бронею пришла къ Ахиллесу;
Онъ распростертый лежалъ надъ бездушнымъ Патроклomъ, и громко
Плакалъ; окрестъ Мирмидоняне въ мрачномъ молчаньи сидѣли.
Тихо межъ ними прошла среброногая матерь богиня
Къ сыну и, за руку взявши его, умиленно сказала:
Сынъ мой, оставимъ покоиться мертваго, сколько бы о немъ мы
Въ сердцѣ своемъ ни крушились: онъ силой безсмертныхъ постигнутъ.
Я принесла невредимую броню отъ бога Ифеста,
Чудо красы: ни на комъ изъ людей не бывало подобной.
Такъ сказавъ, положила Ѳетида къ ногамъ Ахиллеса
Броню; громкій оружіе звукъ издало; Мирмидонянъ
Ужасъ проникнулъ: взглянуть не посмѣлъ ни единый богинѣ
Прямо въ лице и всѣ трепетали. Но гнѣвомъ сильнѣйшимъ,
Броню узря, закипѣлъ Ахиллесъ; глаза засверкали

Искрами, вспыхнувъ подъ тѣнью рѣсницъ, какъ ужасное пламя;
Жадной рукою онъ броню схватилъ и, даромъ чудеснымъ
Бога Ифеста плѣненный, имъ сталъ любоваться; но скоро
Снова сдѣлался мраченъ; потомъ, обратяся къ Ѳетидѣ,
Матерь, сказалъ онъ, оружіе дивно твое и немедля
Выйду я въ битву. Но сердце мое неспокойно; онъ будетъ
Здѣсь бездыханный лежать; насѣкомыя жадныя могутъ
Въ раны влетѣть, въ нихъ червь поселится и можетъ гніенье,
Въ тѣло проникнувши, образъ его опозорить прекрасный.
Будь, мой возлюбленный сынъ, беззаботенъ, сказала Ѳетида;
Съ нимъ неразлучная, стану сама разгонять насѣкомыхъ,
Жадно снѣдающихъ тѣло убитаго мужа; хотя бы
Медленный года надъ нимъ совершился полетъ, я нетлѣннымъ
Тѣло его сохраню и еще онъ прекраснѣе будетъ.
Съ сими словами она проливаетъ на раны Патрокла
Сокъ благовонный амврозіи съ нектаромъ свѣтлопурпурнымъ.

Берегомъ моря поспѣшно потекъ Ахиллесъ благородный;
На голосъ звучный его собрались Ахейцы. Прискорбно
Руку онъ подалъ Атриду, и былъ примирительной жертвой

Поздній межъ ними союзъ утвержденъ. Агамемнонъ могучій
Далъ повелѣнье дары отнести къ Ахиллесу. Немедля
Царь Одиссей съ сыновьями почтеннаго Нестора, съ славнымъ
Сыномъ Филія Мегитомъ, съ Ѳоантомъ и съ ними Креоновъ
Сынъ Ликомедъ, Меріонъ, Меланиппъ къ Агамемнону въ ставку
Идутъ и, выбравъ семь драгоцѣнныхъ треножниковъ, двадцать
Свѣтлыхъ сосудовъ, двѣнадцать коней и семь рукодѣльныхъ
Плѣнницъ съ осьмой Бризеидой, отходятъ въ шатеръ Ахиллесовъ,
Царь Одиссей впереди съ десятью талантами злата.
Всѣ потомъ, окруживъ Ахиллеса, его приглашаютъ
Съ ними обѣдъ раздѣлить; но, тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ онъ:
О друзья! умоляю васъ, если хоть мало я дорогъ
Вашему сердцу, не требуйте нынѣ, чтобъ я насладился
Вашею пищею: горе всю душу мою раздираетъ.
Нѣтъ, не коснусь ни къ чему до самыя поздніа ночи.
Всѣ полководцы простились тогда съ Ахиллесомъ; остались
Оба Атрида, Идоменей, Одиссей благородный,
Несторъ и старецъ Фениксъ. Прояснить омраченную душу

Друга старались они разговоромъ веселымъ; но тщетно.
Сумраченъ былъ онъ, лишь битвы единой алкалъ, непрестанно
Думалъ о мертвомъ, объ немъ лишь одномъ говорилъ непрестанно:
О сколь часто бывало, что самъ ты заботливо, бѣдный,
Въ ставку мою прибѣгалъ съ подкрѣпительной утренней пищей,
Мнѣ возвѣщая, что войско Ахеянъ шатры покидало,
Снова съ Троянами въ битву готовое выйти: а нынѣ
Здѣсь ты лежишь, бездыханный! Не можетъ мое услаждаться
Сердце ни пищей, ни сладкимъ виномъ безъ тебя. Я толь сильнымъ
Не былъ бы горемъ сраженъ, и услышавъ о смерти Пелея,
Льющаго слезы во Фтіи своей обо мнѣ отдаленномъ,
Бьющемся въ чуждомъ краю за обиду Елены презрѣнной,
Ни же печальную вѣсть получивши о сынѣ, въ Скиросѣ
Мнѣ разцвѣтающемъ, богоподобномъ Неоптолемѣ,
Если онъ живъ! — Я донынѣ всегда упованіемъ тайнымъ
Сердце свое утѣшалъ, что погибну одинъ, разлученный
Съ славнымъ конями Аргосомъ, въ Троянской землѣ, что, въ предѣлы
Фтіи родной возвратяся, ты самъ въ корабляхъ бѣлокрылыхъ
Сына въ Скиросъ возьмешь и ему покажешь въ отчизнѣ
Всѣ богатства мои, рабовъ и царевы чертоги.

Чувствовалъ я, что тогда ужъ Пелей иль въ землѣ, бездыханный,
Будетъ лежать, иль, можетъ быть грустно свой вѣкъ доживая,
Будетъ согбенъ отъ печали и лѣтъ, все боясь, что отъ Трои
Вѣстникъ придетъ и скажетъ ему: Ахиллеса не стало.
Такъ говорилъ онъ и плакалъ. Сидѣвшіе съ нимъ воздыхали,
Каждый о томъ помышляя, что въ домѣ далекомъ оставилъ.
Взоръ сострадательный съ неба Зевесъ на печальныхъ склонивши,
Быстро къ богинѣ Палладѣ крылатую рѣчь обращаетъ:
Или, Паллада, покинутъ тобой Ахиллесъ благородный?
Видишь, какъ онъ на брегу у своихъ кораблей черногрудыхъ,
Плача о мертвомъ Патроклѣ, сидитъ одинокій. Другіе
Утренней пищей себя подрѣпляютъ; но онъ не пріемлетъ
Пищи. Лети жъ и во грудь Ахиллесу амврозіи сладкой
Съ нектаромъ влей, чтобъ отъ голода силъ онъ своихъ не утратилъ.
Такъ Зевесъ говорилъ, упреждая желанье Аѳины.
Быстро она — какъ орелъ съ необъятными крыльями, съ звонкимъ
Крикомъ — къ шатрамъ полетѣла съ небесъ. Ужъ Ахейцы толпились,
Въ бой ополчаясь. Во грудь Ахиллеса амврозіи сладкой

Съ нектаромъ тайно Аѳина влила, чтобъ отъ голода силы
Онъ не утратилъ, и снова потомъ возвратилась въ обитель
Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли покидая.
Словно какъ частый, клоками сыплющій снѣгъ, уносимый
Сѣвернымъ, быстро зѳиръ проясняющимъ вѣтромъ, изъ ставокъ
Сыпались шлемы безчисленны, рой за сверкающимъ роемъ,
Круто согбенныя латы, изъ ясеня твердаго копья,
Съ острою бляхой щиты; до небесъ восходило сіянье;
Въ блескѣ оружій смѣялась земля; подъ ногами бѣгущихъ
Берегъ гремѣлъ. Посреди ихъ броней Ахиллесъ облекался.
Зубы его скрежетали и очи, какъ быстрое пламя,
Рдѣли, сверкая; по сердце его нестерпимой печалью
Было наполнено. Злобой кипя, на Троянъ разъяренный,
Взялъ онъ доспѣхи, чудесное бога Ифеста созданье;
Голени въ свѣтлыя, гладкія поножи прежде облекши,
Каждую пряжкой серебряной туго стянулъ онъ; огромнымъ
Панцыремъ мощную грудь обложилъ; на плечо драгоцѣнный
Мечъ съ рукоятью серебряной, съ лезвіемъ мѣднымъ повѣсилъ.

Послѣ надѣлъ необъятный, тяжкій, блескомъ подобный
Полному мѣсяцу щитъ: какъ далекій маякъ мореходцамъ
Свѣтитъ во мглѣ, пламенѣя одинъ на вершинѣ утеса —
Буря же вдаль отъ друзей ихъ несетъ по шумящему морю —
Такъ лучезарно свѣтился божественный щитъ Ахиллесовъ,
Чудо искусства. Потомъ на главу онъ надвинулъ тяжелый
Гривистый шлемъ; онъ сіялъ какъ звѣзда и густымъ златовласымъ
Конскимъ хвостомъ былъ украшенъ на немъ воздымавшійся гребень.
Броней одѣянный, силу свою Ахиллесъ испытуетъ:
Двигался въ ней онъ свободно и члены обнявшая броня
Легче казалася крылъ и какъ будто его подымала.
Тутъ онъ отцево копье изъ ковчега прекраснаго вынулъ,
Тяжкоогромное — въ сонмѣ Ахеянъ его ни единый
Двинуть не могъ, но легко имъ играла рука Ахиллеса:
Ясень могучій съ гордой главы Пеліона срубивши,
Создалъ Хиронъ то копье для Пелея, врагамъ на погибель.
Автомедонъ и Алкимъ на коней возложили поспѣшно
Свѣтлую збрую и удила силой втѣснили имъ въ зубы;
Туго потомъ натянувши бразды, впереди колесницы
Ихъ укрѣпили. Автомедонъ въ колесницу съ блестящимъ
Прянулъ бичемъ. Ахиллесъ, изготовясь въ кровавую битву,
Сталъ позади, какъ Геліосъ дивной бронею сіяя.

Тутъ громосласно къ Пелеевымъ бодрымъ конямъ онъ
воскликнулъ:
Ксанѳъ и Валій, славныя дѣти Подарги, вернѣе,
Добрые кони, вы нынѣ правителю вашему будьте;
Сытаго боемъ его къ кораблямъ возвратите; не мертвымъ
Въ полѣ оставьте, подобно Патроклу. На то легконогій,
Дышащій пламенемъ Ксанѳъ отвѣчалъ, до копытъ на-
клонивши
Гордую голову — пышная грива упала на землю;
Ира лилѣйной рукой разрѣшила языкъ — онъ промолвилъ:
Такъ, мы живаго еще тебя принесемъ, сынъ Пелеевъ;
Но предназначенный день твой ужъ близко. Не нашей
Волей, но силою бога и строгой судьбой то свершилось;
Нѣтъ, не мы замедленьемъ своимъ и безвременной лѣнью
Дали Троянамъ похитить Патроклову крѣпкую броню;
Сынъ густовласыя Литы, богъ неизбѣжный постигнулъ
Въ битвѣ его и Гектора честью побѣды украсилъ.
Пусть на бѣгу мы полетъ опреждаемъ Зефира, изъ легкихъ
Вѣтровъ легчайшаго вѣяньемъ крылъ благовонныхъ —
но вѣдай:
Ты отъ могучаго бога и смертнаго жужа погибнешь.
Онъ сказалъ и языкъ обезмолвила сила Эринній.
Сумраченъ ликомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
Ксанѳъ, для чего безполезно мнѣ смерть прорицаешь?
И самъ я
Знаю, что мнѣ далеко отъ отца и отъ матери должно
Здѣсь по закону судьбы умереть. Но я все не престану
Биться и мучить Троянъ ненасытною битвой.

Звучно онъ крикнулъ и съ топотомъ громкимъ помчалися кони;
Слѣдомъ за нимъ изъ заградъ побѣжали Ахейцы. Трояне
Ждали ихъ въ полѣ, густыми толпами построясь на холмѣ.
Вѣчный Зевесъ съ многоглавой вершины Олимпа Ѳемиду
Всѣхъ боговъ пригласить на совѣтъ посылаетъ. Богиня
Имъ повелѣла собраться въ обителяхъ неба. Предстали
Всѣ и самые боги потоковъ и въ тѣнистыхъ рощахъ,
Въ темныхъ долинахъ, въ источникахъ тайныхъ живущія нимфы;
Древній одинъ Океанъ не явился. Въ чертогахъ, Ифестомъ
Созданныхъ съ дивнымъ искусствомъ по волѣ Зевеса, на тронахъ
Боги сидѣли кругомъ громовержца. Призванью Ѳемиды
Самъ Посидонъ покорился. Онъ вышелъ изъ водъ и съ другими
Сѣлъ на совѣтъ. Наконецъ вопросилъ онъ владыку Зевеса:
Богъ громоносный, зачѣмъ ты призвалъ насъ въ чертоги Олимпа?
Или рѣшить замышляешь ты участь Троянъ и Ахеянъ,
Вышедшихъ въ поле и снова исполненныхъ яростью битвы?
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, отвѣчая, сказалъ Посидону:
Богъ, колебатель земли, ты мои помышленія знаешь,
Знаешь о чемъ сей совѣтъ. И о гибнущихъ умъ мой печется.
Здѣсь я буду сидѣть на скалѣ высочайшей Олимпа,

Зрѣлищемъ боя себя услаждая. Но вамъ позволяю
Къ войскамъ Троянъ и Ахеянъ итти, и можете помощь
Той сторонѣ подавать, на которую склонитъ васъ сердце.
Если одинъ Ахиллесъ нападетъ на Троянъ — ни мгновенья
Въ полѣ они не подержатся противъ Пелидовой силы;
Трепетъ ихъ всѣхъ поразилъ при единомъ его появленьи.
Пынѣ жъ, когда онъ такъ сильно разгнѣванъ погибелью друга,
Я страшусь, чтобъ, судьбѣ вопреки, не разрушилъ и Трои.
Такъ говорилъ Зевесъ и вспылали безсмертные боемъ.
Съ неба они, раздѣлясь, ко враждующимъ ратямъ слетѣли.
Мощная Ира пошла къ кораблямъ съ Палладой Аѳиной;
Съ ней Посидонъ, облегающій землю и Эрмій, обильный
Кознями, щедрый податель богатства и медленно-тяжкій,
Пламенноокій Ифестъ, чрезъ силу влекущій хромую
Ногу. Но шлемомъ блестящій Арей обратился къ Троянамъ,
Съ нимъ полнокудрый Ѳебъ и мѣткостью стрѣлъ Артемида
Гордая, Лито и Ксанѳъ и Киприда съ улыбкой привѣтной.
Были надменны Ахейцы, пока не вмѣшались боги
Въ бой — Ахиллесъ появленьемъ своимъ, по долгомъ покоѣ,
Ихъ ободрилъ, а Трояне, при видѣ Пелеева сына,
Блескомъ брони Арею подобнаго, всѣ трепетали —
Но лишь только сошли Олимпійцы ко смертнымъ, Эриннисъ

Страшно свирѣпствовать вдругъ начала. То стоя на валѣ,
Подлѣ глубокаго рва, то на брегѣ шумящаго моря
Гласомъ могучимъ Аѳина кричала. И черной подобенъ
Буре, Арей завывалъ, то съ горней вершины Пергама
Клича Троянъ, то бѣгая взадъ и впередъ у высокой
Каликолоны, внѣ стѣнъ, не вдали Симоисова брега.
Такъ Олимпійскіе боги рать на рать возбуждали.
Скоро вездѣ запылалъ разрушительный бой истребленья.
Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ людей и безсмертныхъ
Съ неба; въ низу колебалъ Посидонъ необъятную землю;
Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды,
Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дрожало.
Въ царствѣ глубокой, подземныя тмы Айдоней возмутился;
Блѣденъ съ престола сбѣжалъ онъ и крикнулъ страшася, чтобъ свыше
Твердой земли не пронзилъ Посидонъ сокрушитель, чтобъ оку
Смертныхъ людей и боговъ неприступный Аидъ не открылся,
Страшный, мглистый, пустой и безсмертнымъ самимъ ненавистный.

РОЛАНДЪ ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

БАЛЛАДА.

Разъ Карлъ Великій пировалъ;
Чертогъ богато былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокалъ;
Огромный столъ трещалъ отъ брашенъ:
Гремѣлъ пѣвцевъ избранныхъ хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ;
И гости вдоволь пили, ѣли;
И лица ихъ отъ винъ горѣли.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
„Свершить намъ должно подвигъ трудный.
Прилично ль веселиться намъ,
Когда еще Артусовъ чудный
Не завоеванъ талисманъ?
Его укравшій великанъ
Живетъ въ Арденскомъ лѣсѣ тёмномъ;
Онъ на щитѣ его огромномъ.“

Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачь Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,
Изъ-за стола тотчасъ встаютъ,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкаютъ ихъ стальныя брони;
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ сказалъ: возьми, родитель,
Меня съ собой; я буду твой
Оруженосецъ и служитель.
Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на конѣ
Я везъ, простымъ твоимъ слугою,
Копье и щитъ твой за тобою.

Въ Арденскій лѣсъ однимъ путёмъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились,
Въ средину въѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ копьемъ, щитомъ
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышетъ;
Бодритъ коня; конь ржетъ и пышетъ.

И рыщутъ по́ лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи;
Устали сами; ихъ кони
Совсѣмъ ужъ выбились изъ мочи:
А великана все имъ нѣтъ.
Вотъ на четвертый день, въ обѣдъ,
Подъ дубомъ сѣнисто-широкимъ
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней
Блеснуло; и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучёмъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блистающимъ отъ талисмана,
Валитъ громада великана.

Роландъ глядитъ на пришлеца,
И мыслитъ: что же ты за диво?
Будитъ мнѣ для тебя отца,
Не къ мѣсту было бы учтиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щитъ,
И острый мечъ и конь задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцевъ тяжелой:
Взялъ длинное его копье,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ;
И потихоньку удалился —
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣньемъ великанъ спесивый
„Откуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ твой конь ретивый;
Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалится;
Твое копье лишь мнѣ годится.“ —

Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ —
За то за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я — мой конь учёнъ;
Пускай я слабъ — мой мечъ силёнъ;
Отвѣдай насъ; ужъ мы другъ другу
Окажемъ въ честь тебѣ услугу.

Дубину великанъ взмахнулъ,
Чтобъ въ дребезги разбить нахала;
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ;
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него копьемъ;
Оно осталось съ остріемъ,
Погнутымъ силой талисмана,
Въ щитъ пронзенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;
Спѣшитъ схватить противникъ свой,
Но крѣпко стиснутъ онъ ножнами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струёю;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей кровію облитый:
Утративъ чудный талисманъ,
Онъ вдругъ остался безъ защиты;
Вслѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ;
Но по ногамъ въ догонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворной:
Онъ покатился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцевскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполину
Отрушилъ голову отъ плечъ,
Свистя кровь хлынула въ долину.
Щитъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блиставшій въ нёмъ,
(Осьмое чудо красотою)
Искусной выломалъ рукою.

И въ платье скрылъ онъ взятый кладъ;
Потомъ струей ручья лѣснова
Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ латъ
Смылъ кровь и прахъ, и сѣвши снова
На добраго коня, шажкомъ
Отправился своимъ путёмъ
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ остался;
Отецъ еще не просыпался.

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
Глубокій скоро погрузился,
И спалъ, покуда самъ Милонъ
Подъ сумерки не пробудился.
„Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вставай;
Подай мой шлемъ, мой мечъ подай;
Ужъ вечеръ; всюду мгла тумана;
Опять не встрѣтимъ великана.“

Вотъ ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ
И великана ищетъ снова;
Роландъ за нимъ съ копьемъ, щитомъ —
Но о случившемся ни слова.
И вотъ они въ долинѣ той,
Гдѣ жаркій совершился бой;
Тамъ видѣнъ былъ потокъ кровавый;
Въ крови валялся трупъ безглавый.

Роландъ глядитъ; своимъ глазамъ
Не вѣритъ онъ: что за причина?
Одно лишь туловище тамъ;
Но гдѣ же голова, дубина?
Гдѣ панцырь, мечъ, рука и щитъ?
Одинъ ободранный лежитъ
Обрубокъ мертвеца нагаго;
Слѣдовъ не видно остальнаго.

Трупъ осмотрѣвъ, Милонъ сказалъ:
Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видалъ
На свѣтѣ я такого чуда:
Чей это трупъ?.... Вопросъ смѣшной!
Да это великанъ; другой
Успѣлъ дать хищнику управу;
Я проспалъ честь мою и славу. —

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
И думалъ: страшно мнѣ по чести;
Гдѣ рыцари мои? Давно
Пора бъ отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
Но что?.... Не герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ, и держитъ онъ
Свое копье передъ собою
Съ отрубленною головою.

Гемонъ, съ нахмуреннымъ лицемъ
Приближась, голову нѣмую
Стряхнулъ съ копья передъ крыльцемъ,
И Карлу такъ сказалъ: плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался.

Пріѣхалъ за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ усталый, блѣдный, тощій.
„Со мною талисмана нѣтъ:
„Но вотъ вамъ дорогія мощи.“
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ, Наимъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
„Кому достался талисманъ,
„Не знаю я; но великанъ
„Меня оставилъ въ часъ кончины
„Наслѣдникомъ своей дубины.“

Шелъ рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановымъ мечёмъ
И панцыремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
„Все это съ мертвеца я снялъ;
„Мнѣ отъ побѣды мало чести;
„О талисманѣ жъ нѣтъ и вѣсти.“

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вотъ Паладинъ,
Завоеватель талисмана!
Гваринъ, подъѣхавъ, говоритъ:
„Въ лѣсу нашелъ я этотъ щитъ:
„Но обманулся я въ надеждѣ:
„Былъ талисманъ украденъ прежде.“

Вотъ наконецъ и графъ Милонъ.
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потупленною головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его копьемъ, съ его щитомъ,
И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удалыя очи.

И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и Паладины
Ихъ ждутъ; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его средины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ....
И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный.

И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье,
Прими отъ насъ благоволенье.

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ....
И что же? Передъ нимъ въ щитѣ,
Какъ солнце, талисманъ сіяетъ.
„Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?“
Роландъ въ отвѣтъ: прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся,
И съ великаномъ самъ подрался.

ПЛАВАНІЕ
КАРЛА ВЕЛИКАГО.

БАЛЛАДА.

Разъ Карлъ Великій моремъ плылъ
И съ нимъ двѣнадцать Перовъ плыло,
Ихъ путь въ Святую Землю былъ;
Но море злилося и выло.

Тогда Роландъ сказалъ друзьямъ:
„Деруся я на сушѣ смѣло;
„Но въ злую бурю по волнамъ
„Хлестать мечемъ плохое дѣло.“

Датчанинъ Гольгеръ молвилъ: „радъ
„Я веселить друзей струнами;
„Но будетъ ли какой въ нихъ ладъ
„Между ревущими волнами?“

А Оливьеръ сказалъ, съ плеча
Взглянувъ на бурныхъ волнъ сугробы:
„Мнѣ жалко новаго меча:
„Здѣсь утонуть ему безъ пробы.“

Нахмурясь Ганелонъ шепнулъ:
„Какая адская тревога!
„Но только бъ я не утонулъ!....
„Они жъ?.... туда имъ и дорога!

„Мы всѣ плывемъ къ Святымъ Мѣстамъ!
Сказалъ, крестясь, Тюрпинъ-Святитель.
„Явись и въ пристань по волнамъ
„Насъ грѣшныхъ проведи, Спаситель!“

„Вы, бѣсы! графъ Рихардъ вскричалъ:
„Мою вы вѣдаете службу;
„Я много въ адъ къ вамъ душъ послалъ —
„Явите вы теперь мнѣ дружбу.“

„Ужъ я ли, вымолвилъ Наимъ,
„Не говорилъ: нажить намъ горе?
„Но слово умное глухимъ
„Есть капля масла въ бурномъ морѣ.“

„Бѣда! сказалъ Ріоль сѣдой,
„Но если море не уймется,
„То мнѣ на старости въ сырой
„Постелѣ нынче спать придется.“

А Графъ Гюи вдругь началъ пѣть,
Не тратя жалобъ безполезно:
„Когда бъ отсюда полетѣть
„Я птичкой могъ къ своей любезной!“

„Друзья, сказать ли вамъ? Ей, ей!
Промолвилъ графъ Гваринъ, вздыхая:
„Мнѣ сладкое вино вкуснѣй,
„Чѣмъ горькая вода морская.“

Ламбертъ прибавилъ: „что за честь
„Съ морскими чудами сражаться?
„Гораздо лучше рыбу ѣсть,
„Чѣмъ рыбѣ на обѣдъ достаться.“

„Что Богъ велитъ, тому и быть!
Сказалъ Годефруа; съ друзьями
„Я радъ добро и зло дѣлить;
„Его святая власть надъ нами.

А Карлъ молчалъ: онъ у руля
Сидѣлъ, и правилъ. Вдругъ явилась
Святая вдалекѣ земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

БРАТОУБІЙЦА.

БАЛЛАДА.

На скалѣ приморской, мшистой,
Тамъ, гдѣ берегъ грозно дикъ,
Богоматери Пречистой
Чудотворный зрится ликъ;
Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ,
И пловца отъ непогоды
Угрожающей хранитъ.

Каждый вечеръ, лишь молебный
На скалѣ раздастся звонъ,
Глазъ отвѣтственный хвалебный
Возстаетъ со всѣхъ сторонъ;
Пахарь пѣньемъ освящаетъ
Дня и всѣхъ трудовъ конецъ,
И на палубѣ читаетъ
Ave Магіа пловецъ.

Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ:
Солнце радостно и ярко,
Бездна водъ свѣтла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Всѣ пути кипятъ толпами,
Все блеститъ вблизи, вдали;
Убрался вымпелами
Челноки и корабли;
И въ одинъ сліявшись крестной
Богомольно-шумный ходъ,
Вьется лѣстницей небесной
По святой скалѣ народъ.

Сзади, въ грубыхъ власяницахъ,
Слезы тяжкія въ очахъ,
Блѣдный постъ на мрачныхъ лицахъ,
На главѣ зола и прахъ,
Идутъ грѣшные въ молчаньи;
Имъ съ другими не вступить
Въ храмъ святой; имъ въ покаяньи
Передъ храмомъ слезы лить.

И отъ всѣхъ другихъ далёко
Мертвецемъ бредетъ одинъ:
Щёки впалы; тускло око;
Полонъ мрачный лобъ морщинъ;
Изъ желѣза поясъ ржавый
Тѣло чахлое гнѣтетъ,
И, къ ногѣ прильнувъ кровавой,
Злая цѣпь ее грызетъ.

Брата нѣкогда убилъ онъ;
Изломавъ проклятый мечъ,
Сталь убійства обратилъ онъ
Въ поясъ; латы скинулъ съ плечъ,
И въ оковахъ, какъ колодникъ,
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ и ждетъ,
Что какой-нибудъ Угодникъ
Чудомъ цѣпь съ него сорветъ.

Бродитъ онъ, бездомный странникъ,
Бродитъ много, много лѣтъ;
Но прощенія посланникъ
Имъ не встрѣченъ; чуда нѣтъ.
Смутенъ день, безсонны ночи,
Скорбь съ людьми и безъ людей,
Видъ небесъ пугаетъ очи,
Жизнь страшна, конецъ страшнѣй.

Вотъ, какъ бы дорогой терній,
Тяжко къ храму всходить онъ;
Въ храмѣ всѣ молчатъ, вечерній
Внемля благовѣста звонъ.
Сталъ онъ въ страхѣ предъ дверями:
Дѣвы ликъ сквозь ѳиміамъ
Блещетъ, обданный лучами
Дня, сходящаго къ водамъ.

И окрестъ благоговѣнья
Распростерлась тишина:
Мнится таинствомъ Успенья
Вся земля еще полна,
И на облакѣ сіяетъ
Возлетѣвшей дѣвы слѣдъ,
И она благословляетъ,
Исчезая, здѣшній свѣтъ.

Всѣ пошли назадъ толпами;
Но преступникъ не спѣшитъ
Имъ во слѣдъ, передъ дверями
Блѣденъ ликомъ онъ стоитъ:
Цѣпи все еще вкругъ тѣла,
Ими сжатаго, лежатъ,
А душа ужъ улетѣла
Въ градъ свободы, въ Божій градъ.

РЫЦАРЬ РОЛЛОНЪ.

БАЛЛАДА.

Былъ удалецъ и отважный наѣздникъ Роллонъ:
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу на усталомъ конѣ
Ѣхалъ, и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужъ полуночный часъ;
Было темно́, такъ темно́, что хоть выколи глазъ
Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
Здѣсь отдохну; — и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Сѣлъ онъ па камень, вздремнулъ съ полчаса, и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путёмъ.
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: скорѣй
Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ я въ ней.

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
Этой перчаткой другой завладѣлъ, онъ сказалъ;
Кто-то не здѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ;

Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ рукой;
Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи такой. —
Трусъ! на него запальчиво Роллонъ закричалъ,
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Смѣло на страшнаго гостя ударилъ Роллонъ:
Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
„Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
„Обѣ ссуди мнѣ перчатки, хотъ годъ поносить,“

Молвилъ нечистый; а рыцарь сказалъ ему: „на!
„Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана;
„Вотъ тебѣ обѣ перчатки; отдай черезъ годъ.“ —
Слышу; прости до свиданья, отвѣтствовалъ тотъ. —

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ слухъ.
Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту:
Что-то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется; ближе и ближе; и вотъ
Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведётъ
Сзади слуга въ поводахъ воронаго коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги Паладинъ:
Кто воронаго коня твоего господинъ? —
„Вѣрный слугадина моего госпо, Роллонъ.
„Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ;

„Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчётъ;
„Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ.“
Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
„Горе мнѣ!“ въ страхѣ сказалъ щитоносцу Роллонъ.

„Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
„Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою:
„Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй;
„Только молись о душѣ осужденной моей.“

Въ ближній пришедъ монастырь, онъ Пріору сказалъ:
„Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
Ангельскій чинъ я еще не достоинъ носить;
Служкой простымъ я желаю въ обители быть.“

Вижу ты въ шпорахъ, конечно бывалъ ѣздокомъ;
Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конёмъ.
Служитъ Роллонъ на конюшнѣ, а время идётъ;
Вотъ наконецъ совершился ровнехонько годъ.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
Вдругъ привели въ монастырь молодаго коня:
Статенъ, красивъ, но еще не объѣзженъ былъ онъ.
Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнулъ, вскочивъ на дыбы, разъяришійся конь;
Грива горой, изъ ноздрей какъ изъ печи огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ и его не нашли.
Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.
Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ прискакалъ;
Чернаго, злаго коня за узду онъ держалъ;

Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ землѣ;
Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки надѣлъ,
Сѣлъ на коня, и какъ вихорь съ нимъ конь улетѣлъ.

УЛЛИНЪ И ЕГО ДОЧЬ.

БАЛЛАДА.

Былъ сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко брегу Рино горный вождь
Примчался съ дочерью Уллина. —

Рыбакъ, прими насъ въ твой челнокъ;
Рыбакъ, спаси насъ отъ погони;
Уллинъ съ дружиной недалёкъ;
Намъ слышны крики; мчатся кони. —

„Ты видишь ли какъ зла вода?
„Ты слышишь ли, какъ волны громки?
„Пускаться плыть теперь бѣда:
„Мой челнъ не крѣпокъ, весла ломки.“ —

Рыбакъ, рыбакъ, подай свой чёлнъ;
Спаси насъ: сколь ни зла пучина,
Пощада можетъ быть отъ волнъ —
Ея не будетъ отъ Уллина!

Гроза сильнѣй, пучина злѣй,
И ближе, ближе шумъ погони;
Имъ слышенъ тяжкій храпъ коней,
Имъ слышенъ стукъ мечей о брони.

„Садитесъ, въ добрый часъ; плывемъ.“
И Рино сѣлъ, съ нимъ дѣва сѣла;
Рыбакъ отчалилъ; челнокомъ
Сѣдая бездна овладѣла.

И смерть отвсюду имъ: открытъ
Предъ ними зѣвъ пучины жадный;
За ними съ берега грозитъ
Уллинъ, какъ буря, безпощадный.

Уллинъ ко брегу прискакалъ;
Онъ видитъ: дочь уносятъ волны;
И гнѣвъ въ груди отца пропалъ,
И онъ воскликнулъ, страха полный:

„Мое дитя, назадъ, назадъ!
„Прощенье! возвратись, Мальвина!“
Но волны лишь отвѣтъ шумятъ
На зовъ отчаянный Уллина.

Реветъ гроза, черна какъ ночь;
Летаетъ челнъ между волнами;
Сквозь пѣну ихъ онъ видитъ дочь
Съ простертыми къ нему руками.

„О возвратися, возвратись!“
Но грозно раздалась пучина,
И волны, челнъ пожравъ, слились
При крикѣ жалобномъ Уллина.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

БАЛЛАДА.

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На шлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ
Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную,
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ, уединенный,
Въ невыразимый сонъ
Душею погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестивы;

И, внемля ей во снѣ,
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далёкой.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

БАЛЛАДА.

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте.
Церера сдружила враждебныхъ людей;
Жестокіе нравы смягчила;
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
По полямъ Номадъ скитался
И поля опустошалъ;
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ....
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ ихъ брегамъ!

Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать Церера въ слѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ;
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ:
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

„Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того ль тебя красою
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточенье
Узникъ брошенный, страдалъ?

„Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,
И могучими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ
Ихъ не вырветъ? Знать къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла?
Знать одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла?

„Чтобъ изъ низости душею
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойной;
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ.“

И мгновенно разступилась
Тма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей:
Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
Отвратясь, рекла: богамъ
Кровь противна; съ симъ даяньемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ;
Чистымъ чистое угодно;
Даръ, достойнѣйшій небесъ:
Нивы колосъ первородной,
Сокъ оливы, плодъ древесъ.

Тутъ богиня исторгаетъ
Тяжкій дротикъ у стрѣлка;
Остріемъ его пронзаетъ
Грудь земли ея рука;
И беретъ она живое
Изъ вѣнца главы зерно,
И въ пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводитъ молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, какъ златыя
Волны, зыблются поля.
Ихъ она благословляетъ,
И, колосья въ снопъ сложивъ,
На смиренный возлагаетъ
Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: „прими даянье,
Царь Зевесъ, и съ высоты
Намъ подай знаменованье,
Что доволенъ жертвой ты.
Вѣчный богъ, сними завѣсу
Съ нихъ, не знающихъ тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцемъ правду возлюбя."

Чистой жертвы не отринулъ
На Олимпѣ царь Зевесъ;
Онъ во знаменіе кинулъ
Громъ излучистый съ небесъ:
Вмигъ алтарь воспламенился;
Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ,
И надъ ней горѣ явился
Зевсовъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердца дикарей;
Упали во прахъ передъ дивной Церерой;
Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей,
И сладкой сердца растворилися вѣрой.
Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой
И ей воздаютъ поклоненье;
И съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
Пріемлютъ ея поученье.

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлый сонмъ;
И Ѳемида ихъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставитъ грани юныхъ, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

И приходитъ благъ податель,
Другъ пировъ, веселый Комъ;
Богъ, ремеслъ изобрѣтатель,
Онъ людей дружитъ съ огнёмъ;
Учитъ ихъ владѣть клещами;
Движетъ мѣхомъ, млатомъ бьетъ,
И искусными руками
Первый плугъ имъ создаетъ.

И во слѣдъ ему Паллада
Копьеносная идетъ,
И боговъ къ строенью града
Крѣпкостѣннаго зоветъ:
Чтобъ пріютно-безопасный
Кровъ толпамъ бродящимъ дать,
И въ одинъ союзъ согласный
Міръ разсѣянный собрать.

И богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ;
Ей покорный, означаетъ
Терминъ камнями рубежъ;
Цѣпью смѣряна равнина;
Холмъ глубокимъ рвомъ обвитъ;
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоитъ.

Мчатся Нимфы, Ореады
(За Діаной по лѣсамъ,
Чрезъ потоки, водопады,
По долинамъ, по холмамъ
Съ звонкимъ скачущія лукомъ);
Блещетъ въ ихъ рукахъ топоръ
И обрушился со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладою призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаётъ
Богъ, осокою вѣнчанный,
И тяжелый строитъ плотъ;
И сіяя низлетаютъ
Оры легкія съ небесъ,
И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ древесъ.

И во грудь горы вонзаетъ
Свой трезубецъ Посидонъ;
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земнаго онъ;
И въ рукѣ своей громаду,
Какъ песчинку онъ несетъ;
И огромную ограду
Во мгновенье создаетъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтлоглавый Аполлонъ:
Пробуждаетъ вдохновенье
Ихъ согласно-мѣрный звонъ;
И веселыя Камены
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поютъ,
И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ возстаютъ.

И творитъ рука Цибелы
Створы вратъ городовыхъ:
Держатъ петли ихъ дебелы,
Утвержденъ замокъ на нихъ;
И чудесное творенье
Довершаетъ, въ честь богамъ,
Совокупное строенье
Всѣхъ боговъ, великій храмъ.

И Юнона, съ окомъ яснымъ
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмъ дѣву красоты;
И Киприда обвиваетъ
Ихъ гирландою цвѣтовъ,
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ боги за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ;
Въ храмъ Зевсовомъ царица
Мать Церера тамъ стоитъ,
Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

„Въ лѣсѣ ищетъ *звѣрь* свободы,
„Правитъ всѣмъ свободно *богъ*,
„Ихъ законъ — законъ природы.
„*Человѣкъ*, пріявъ въ залогъ
„Зоркій умъ — звено межъ ними —
„Для гражданства сотворёнъ:
„Здѣсь лишь нравами одними
„Можетъ быть свободенъ онъ.

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ;
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте:
Всю землю богининъ приходъ измѣнилъ;
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ,
И жизни постигъ благородство.

ОРЕЛЪ И ГОЛУБКА.

БАСНЬ.

Съ утеса молодой Орелъ
Пустился на добычу;
Стрѣлокъ пронзилъ ему крыло,
И съ высоты упалъ
Онъ въ масличную рощу.
Тамъ онъ томился
Три долгихъ дня,
Три долгихъ ночи,
И содрогался
Отъ боли; наконецъ
Былъ изцѣленъ
Живительнымъ бальзамомъ
Всеизцѣляющей природы.
Влекомый хищничествомъ смѣлымъ,

Пріютъ покинувъ свой,
Онъ хочетъ крылья испытать....
Увы! онъ едва
Его подъемлютъ отъ земли,
И онъ въ унынiи глубокомъ
Садится отдохнуть
На камнѣ у ручья;
Онъ смотритъ на вершину дуба,
На солнце, на далекiй
Небесный сводъ,
И въ пламенныхъ его глазахъ
Сверкаютъ слезы.

По близости, между оливъ,
Крылами тихо вѣя,
Летали Голубь и Голубка.
Они къ ручью спустились,
И тамъ по золотому
Песку гуляли вмѣстѣ.
Водя кругомъ
Пурпурными глазами,
Голубка наконецъ
Примѣтила сидящаго въ безмолвномъ
Унынiи Орла.
Она товарища тихонько
Крыломъ толкнула;
Потомъ, съ участiемъ сердечнымъ
Взглянувши на страдальца,

Ему сказала:
„Ты унываешь, другъ;
О чемъ же? Оглянись, не всё ли,
Что намъ для счастья
Простаго нужно,
Ты здѣсь имѣешь?
Не дышатъ ли вокругъ тебя
Благоуханіемъ оливы?
Не защищаютъ ли зеленой
Прозрачной сѣнію своей
Онѣ тебя отъ зноя?
И не прекрасно ль блещетъ
Здѣсь вечеръ золотой
На муравѣ и на игривыхъ
Струяхъ ручья?
Ты здѣсь гуляешь по цвѣтамъ,
Покрытымъ свѣжею росою;
Ты можешь пищу
Сбирать съ кустовъ и жажду
Въ струяхъ студеныхъ утолять.
О другъ! повѣрь,
Умѣренность прямое счастье;
Съ умѣренностью мы
Вездѣ и всѣмъ довольны.“ —
О мудрость! прошепталъ Орелъ,
Въ себя сурово погрузившись,
Ты разсуждаешь, какъ Голубка.

ПѢСНЬ

НА ПРИСЯГУ

НАСЛѢДНИКА.

На древней высотѣ Кремля,
Въ великій праздникъ Воскресенья,
Узрѣла Русская Земля
Прекрасный день Его рожденья.

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ сбросилъ дѣтскую одежду,
И въ Немъ привѣтствуетъ народъ
Россіи свѣтлую надежду.

И умилительный обрядъ,
Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ нынѣ Петроградъ
Въ прекрасный день Его рожденья.

Въ храмъ Божій входитъ Царскій Сынъ,
И руку къ небесамъ подъемлетъ;
Предъ Нимъ Отецъ и Властелинъ;
Присягу Сына Царь пріемлетъ.

Съ благословеніемъ вонми
Словамъ души Его младыя,
И къ небу руку подыми
Съ Нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія.

Молись, да, долго Свой вѣнецъ
Нося, примѣръ владыкамъ славный,
Упрочитъ благостью Отецъ
И правдой тронъ самодержавный:

Чтобъ Сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный;
Боже, Царя храни!

II.

Слава на небѣ солнцу высокому —
На землѣ Государю Великому!
Слава на небѣ утру прекрасному —
На землѣ Государынѣ ласковой!
Слава на небѣ ясному мѣсяцу —

На землѣ Государю Наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи —
Сыновьямъ, Дочерямъ Государевымъ,
И Великому Князю съ Княгинею!
Слава громамъ, играющимъ на небѣ —
Слава храброму Русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному —
Слава Русскому Царству великому!
Веселися ты, солнце небесное —
Многи лѣта Царю Благовѣрному!

III.

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

МНОГОЛѢТІЕ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя Царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится Русское *ура*
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы Шведу
Русскій путь загородилъ,
И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ Русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: *многи лѣта,*
Православный Русскій Царь!

УНДИНА.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный Геній;
Природа вся мнѣ пѣснію была.

Оно прошло, то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лице земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но о Мечтѣ, какъ о весенней птичкѣ,
Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И Прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.

Здѣсь есть *Одна* — жива какъ вдохновенье,
Какъ ясная надежда молода —
На душу мнѣ ея одно явленье
Поэзію наводитъ завсегда....

Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвенъ я стоялъ.
„Кто обреченъ святому новоселью
„Тобой въ жильцы?“ Судьбу я вопрошалъ.

И съ первою блеснувшей мнѣ денницей
Ужъ милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ царской багряницей,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій Ангелъ милъ.

Года́ прошли — и мой разцвѣлъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій Ангелъ милъ;
И мнится мнѣ, что неба уроженецъ
Утѣхой въ немъ на землю присланъ былъ.

Его то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую Поэзію мою;
Имъ иногда я душу воскрешаю;
При немъ подъ часъ, забывшись, и пою.

ГЛАВА I.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРІѢХАЛЪ ВЪ ХИЖИНУ РЫБАКА.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ случилось, что въ ясный, весенній
Вечеръ сидѣлъ передъ дверью избушки своей престарѣлый,
Честный рыбакъ и починивалъ сѣть. Сторона та, въ которой
Жилъ онъ, была прекрасное мѣсто. Лугъ, гдѣ стояла
Хижина, длинной косою входилъ въ широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берегъ душистый
Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрачныя воды съ любовью
Нѣжной тѣснился, что море, влажной, трепещущей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обнимая, плѣнялось
Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ цвѣтовъ и прохладой
Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ краю томъ немного
Было людей: рыбакъ съ женою и только; дремучій

Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой земли. И ужасенъ
Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой неприступной; и слухи
Страшные были объ немъ въ народѣ; тамъ было нечисто:
Злые духи гнѣздилися въ немъ и пугали прохожихъ
Такъ, что не смѣли и близко къ нему подходить. Но смиренный,
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ духовъ; на продажу
Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій за́ лѣсомъ; полонъ
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его глубину, и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, хранимый небесною силой.
Сидя безпечно въ тотъ вечеръ за неводомъ, вдругъ онъ услышалъ
Шумъ въ лѣсу, какъ будто бы топотъ коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ: шумъ приближается; робость
Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ въ ненастныя ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось разомъ
Мыслямъ его; особливо жъ одинъ великанскаго роста,
Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ и ему показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотритъ кивающій призракъ.

Вспомнивъ однако, что все ни какой еще не случилось
Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ, въ которой
такъ долго
Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечистый надъ ними
не властенъ,
Онъ ободрился, прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро
Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую
Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій образъ
Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ средины
Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ озеро; шумъ же,
Слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: шагомъ на бѣломъ,
Бодромъ конѣ изъ чащи лѣсной онъ ѣхалъ и прямо
Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей алаго цвѣта
Былъ покрытъ его фіолетовый, золотомъ шитый,
Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ баретѣ вился
Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драгоцѣнной
Мечъ съ золотой рукоятью искусной работы; а бѣлый
Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ; онъ, ко-
пытомъ
Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь, воздушной
Поступью шелъ и, сгибая красивую шею, какъ лебедь,
Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пораженный
Видомъ статнаго рыцарь, неводъ покинулъ, и, снявши
Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. При-
ближась,
Рыцарь сказалъ: могу ль я съ конемъ найти здѣсь на эту
Ночь убѣжище? — Милости просимъ, гость благородный;
Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зеленый

Лугъ, подъ кровлей вѣтвистыхъ деревъ; а вкусную пищу
Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ жъ мы охотно
Уголъ очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ и ужинъ
Скудный съ тобою раздѣлимъ. Рыцарь, кивнувъ головою,
Спрыгнулъ съ коня, его разнуздалъ и по свѣжему лугу
Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: ты охотно,
Добрый старикъ, принимаешь меня, но когда бъ и не столько
Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣлался нынѣче:
Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги
Нѣтъ ни какой; а вечеромъ поздно въ этотъ проклятый
Лѣсъ возвращаться, избави Боже! — Не станемъ объ этомъ
Слишкомъ много теперь говорить, сказалъ озираясь
Старый рыбакъ, и въ хижину ввелъ усталаго гостя.
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и въ чистой
Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулъ широкомъ
Съ спинкой рѣзною сидѣла жена рыбака пожилая.
Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась
Чинно, и сѣла опять, ему отдать не подумавъ
Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ: благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай;

Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается. — Что ты,
Дѣдушка! съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка; вѣдь гость нашъ
Вѣрно такой же Христовъ человѣкъ, какъ и мы, и придетъ ли,
Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему уступали
Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку, она продолжала, да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна.
Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріютно, какъ будто бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужи въ отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ
Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночною порою боялся
Рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой
Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ разсказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій
Замокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ: меня называютъ Гульбрандомъ,
Имя же замка Рингштетенъ. — Такъ говоря, не однажды
Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за окошкомъ,
Точно какъ будто водой кто опрыскивалъ стекла снаружи.

Всякой разъ съ досадой нахмуривалъ брови, послышавъ плесканье,
Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,
Такъ, что окно зазвѣнѣло и въ горницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ окошко съ угрозой: Ундина!
Полно проказничать; стыдно; въ хижинѣ гости. При этомъ
Словѣ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкій
Шепотъ, какъ будто бы кто потихоньку смѣялся. Почтенный
Гость, не взыщи, сказалъ рыбакъ, возвратившись на мѣсто:
Можетъ быть шалостей много еще ты увидишь, но злаго
Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина,
Только не дочка родная, а найденышъ; сущій младенецъ,
Все проказитъ, а будетъ ей лѣтъ ужъ осьмнадцать; но сердце
Самое доброе въ ней. Покачавъ головою, старушка
Молвила: такъ говорить ты волѐнъ; когда ты усталый
Съ ловли приходишь ломой, то тебѣ на досугѣ забавны
Эти проказы: но, съ у́тра до вечера дома глазъ на глазъ
Съ нею пробывъ, отъ нея не добиться путнаго слова —
Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ терпѣнье.
Полно, старуха, рыбакъ отвѣчалъ; ты бьешься съ Ундиной,
Я съ причудливымъ моремъ: развѣ нечасто мой неводъ
Портитъ оно и плотины мои размываетъ, а все мнѣ
Любо съ нимъ; то же и ты, хоть порою и охнешь, однако

Все Ундиночку любишь. Не такъ ли? — Что правда, то правда;
Вóвсе ее разлюбить ужъ нельзя, кивнувъ головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ растворилася настежь
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ
Смѣхомъ впорхнула Ундина, какъ что-то воздушное. „Гдѣ же
„Гости, отецъ? Зачѣмъ ты меня обманулъ?“ Но, увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ черныхъ рѣсницъ, устремились
Быстро на гостя, а онъ, изумленный чуднымъ явленьемъ,
Былъ, какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и боялся
Взоръ отвести: онъ думалъ, что видитъ сонъ, и взглядѣться
Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки раскрывъ, какъ младенецъ;
Вдругъ, встрепенувшись рѣзвою птичкой, она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на колѣна и, цѣпью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя, сказала: прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты въ нашей
Хижинѣ? Долго ты пó свѣту долженъ былъ странствовать прежде,
Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ лѣсъ нашъ

Какъ ты проѣхалъ? — Но онъ отвѣчать не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка: оставь въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возьмись за работу. Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку и, сѣвши
Подлѣ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ, тихонько шепнула:
Вотъ гдѣ я буду работать. Старикъ, притворясь, что не видитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать; но Ундина
Рѣчь перебила его: у тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта? —
Изъ лѣсу прямо пріѣхалъ я, прелесть моя. — Разскажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ немъ чуднаго видѣлъ?
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ о лѣсѣ; невольно
Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то
Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ; но было въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла. Собравшись
Съ духомъ, разсказъ онъ готовъ былъ начать; но старикъ торопливо
Молвилъ ему: недоброе время теперь намъ объ лѣсѣ
Рѣчь заводить; разскажешь намъ завтра. Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засверкали.
Нынѣче, не завтра онъ долженъ разсказывать! нынѣче, теперь же!
Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки угрюмо нахмуривъ,

Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту минуту
Такъ забавно мила и прелестна была, что въ Гульбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣ плѣнился смѣшною,
Дѣтской ея запальчивостью, нежели рѣзвостью прежней.
Но рыбакъ, разсердясь не па шутку, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и дерзкую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ Ундина сказала:
Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ; одни оставайтесь
Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ. Съ сими словами
Прыгнула въ двери она и въ минуту во мракѣ пропала.

ГЛАВА II.

О ТОМЪ, КАКЪ УНДИНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ЯВИЛАСЬ ВЪ ХИЖИНѢ РЫБАКА.

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно· Ундина
такъ быстро
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать? — Ужъ это не
въ первый
Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣгами часто
Насъ забавляетъ она; теперь опять мнѣ придется
Цѣлую ночь напролетъ безъ сна проворочаться съ боку
На бокъ на жесткой постелѣ моей: вѣдь мало ль, что
можетъ
Встрѣтиться ночью! — Зачѣмъ же медлить? Пойдемъ
поскорѣе
Сами за нею. — Трудъ безполезный; ты видишь, какая
Тма на дворѣ: куда мы пойдемъ? И кто угадаетъ,

Гдѣ она спряталась? — Будемъ по крайней мѣрѣ, прибавилъ
Рыцарь, хоть клилать ее. И кричать онъ началъ: Ундина!
Гдѣ ты, Ундина? — Старикъ покачалъ головою. Какъ хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ, а ужъ вѣрно
Гдѣ нибудь близко сидитъ; еще ты не знаешь, какая
Это упрямица. — Такъ говоря, старикъ съ безпокойствомъ
Въ темную ночь глядѣлъ и не могъ утерпѣть, чтобъ туда же
Вслѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть: Ундиночка! милая! гдѣ ты?
Правду однако онъ предсказалъ: ни какой тамъ Ундины
Не было. Долго кричавъ по-напрасну, они наконецъ возвратились
Оба въ хижину; тамъ ужъ было темно́, и старушка,
Менѣе мужа о томъ, что съ Ундиной случится, заботясь,
Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, догорѣвши, потухнулъ;
Только немногіе уголья тлѣли и синее пламя,
Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ большую
Кружку виномъ и поставилъ ее передъ гостемъ. — „Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше ли будетъ, когда мы,
Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жесткой рогожей
Грѣшное тѣло тереть, посидимъ у огня и за доброй

Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣдуемъ? Какъ ты
Думаешь, добрый мой гость?“ – Гульбрандъ согла-
сился охотно.
Сѣсть принудивъ его на почетномъ оставленномъ стулѣ,
Честный старикъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и вотъ
дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждомъ ма-
лѣйшемъ
Шорохѣ — стукнетъ ли что въ окошко, и даже нерѣдко
Просто безъ всякаго стука и шороха — вдругъ умолкали
Оба, и, палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ
Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ! и не тутъ-то
Было; не шелъ никто; и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговоръ. — Разскажи мнѣ, сказалъ на-
послѣдокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину? — А
вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ; жену я
оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда, а въ то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачѣмъ, ты спросишь? Гос-
подь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку;
Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой продавши,
Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось
Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить;

Богъ мнѣ сопутствовалъ всякой разъ, когда черезъ этотъ
Страшный лѣсъ мнѣ итти удавалось: а съ Нимъ и опасный
Путь не опасенъ. При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы и, руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся въ слезахъ на встрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
Дочка! — Она у того, чье имя ты въ эту минуту,
Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,
Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину; тѣла
Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; и видитъ жена, что нашъ милый
Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
Мигъ какъ будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала

Долго я тѣла искалъ, но напрасно, нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ без-
отрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
Если бъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало бъ
Духу; и такъ мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ послышался
легкій
Шорохъ; онѣ растворились — и что же видимъ мы?
Чудной
Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
Мы въ изумленьи не знали, живой ли то былъ человѣчекъ,
Или обманчивый призракъ какой; но скоро примѣтилъ
Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно
Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы сами
Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было бы нашимъ.
Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель, и напиться
Дали горячаго ей; а она все молчала, и только,
Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточекъ весенній,
Утромъ проснулась; когда жъ мы распрашивать стали,
откуда
Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину, толку

Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея ни какого; и вотъ ужъ
Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ, а добиться
Путнаго мы не могли отъ нея ничего; по разсказамъ
Вздорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ упала
Прямо съ луны: о какихъ-то замкахъ прозрачныхъ,
жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ не-
былицахъ
Все твердитъ и теперь, какъ твердила тогда; удалося
Вывѣдать только одно, что, катаясь по морю въ лодкѣ
Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здѣшній
Берегъ ее принесли, гдѣ она и очнулась.... Въ сомнѣньи
Тяжкомъ остались мы: хотя и было не трудно
Намъ рѣшиться, на мѣсто родной потерянной дочки,
Взять чужую, намъ данную Богомъ самимъ; но не знали
Мы, крещена ли она иль нѣтъ? Сказать же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что съ волей Господней согласно.
И вотъ что
Мы въ такомъ затрудненьи придумали вмѣстѣ съ женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣха. Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло, что ее Доротеей
Было бъ всего приличнѣй назвать: мы слыхали, что значитъ
Это имя *даръ Божій*, она же была милосердымъ

Господомъ Богомъ дарована горести нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хотѣла. „Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу и остаться
Вѣчно Ундиной!“ — Но было ли то Христіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за священникомъ въ
городъ;
Онъ согласился прійти къ намъ; сначала имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ; но наша малютка,
Въ платьецѣ странномъ своемъ, была такъ чудесно
красива,
Такъ ласкалась къ нему и въ то же время такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей — и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее въ продолженье святаго
Таинства: дикая рѣзвость исчезла, и тихимъ, смиреннымъ
Агнцемъ стояла она, какъ будто бы чувствуя, что съ ней
Въ это время творилось. Правду молвить, немало
Съ нею хлопотъ намъ, и если бы все разсказать мнѣ....
Но рыцарь
Тутъ перервалъ рыбака; онъ шепнулъ: послушай! по-
слушай!
Что тамъ? — Не разъ ужъ во время разсказа былъ
онъ встревоженъ
Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ явственно слышенъ
Ревъ потока, который бѣжалъ съ возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились въ двери;
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей, вы-
ходящій

Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣжалъ; и было все небо,
Такъ же какъ море, взволновано; тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тмой трепетала; при свистѣ
Вихря было внятно, какъ море свирѣпое голосъ
Свой воздымало, и какъ, скрыпя отъ вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались вѣтвями деревья. — Ундина!....
Царь мой небесный!.... Ундина! старикъ закричалъ; но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу и громко при шумѣ
Вѣтра въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина!

ГЛАВА III.

О ТОМЪ, КАКЪ БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА.

Странное что-то чувствовалъ рыцарь, скитаясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, одинъ, въ безполезномъ исканьи:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была; и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ деревьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны пре-
вращеньи,
Началъ онъ думать, что море, лугъ, источникъ, рыбачья
Хижина, старый рыбакъ и все, что съ нимъ ни случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ старика, зовущій
Ундину,
Все ему издали сльшался. Вотъ наконецъ очутился
Онъ на самомъ краю лѣснаго ручья, который въ разливѣ
Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мутной рѣкою,
Такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на которомъ стояла
Хижина, сдѣлался островомъ. Боже! рыцарь подумалъ,

Что, когда Ундина отважилась въ лѣсъ, и назадъ ей
Нѣтъ оттуда дороги, и тамъ у злыхъ привидѣній
Плачетъ она одна въ темнотѣ? Отъ ужаса вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась за него, перебраться
Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ дрожалъ, вспоминая
Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ровѣнъ съ деревами,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ и, оскаливъ
Зубы, кивалъ ему головою — но самый сей ужасъ
Только что съ бо́льшею силою влекъ его въ лѣсъ: тамъ Ундина
Въ срахѣ, одна, безъ защиты была. И вотъ ужъ ступилъ онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ вдругъ недалеко
Сладостный голосъ сказалъ: „не ходи, не ходи, берегися
„Злаго потока; старикъ сердитъ и обманчивъ.“ Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Онъ же стоялъ въ водѣ, озирался и слушалъ; но мѣсяцъ
Темной задернуло тучей и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и онъ, черезъ силу держася,
Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ воскликнулъ: Ундина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь

Самъ въ потокъ за тобой; откликнись; мнѣ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя. — И глубже въ воду пошелъ онъ.
Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: оглянися!
Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь
Въ блескѣ его увидѣлъ Ундину. Былъ маленькій островъ
Подлѣ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ, въ травѣ угнѣздившись,
Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина. Было нетрудно
Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти, и Гульбрандъ очутился
Вмигъ близъ Ундины на мягкой травѣ; она жъ, приподнявшись,
Руки вкругъ шеи его обвила и его по неволѣ
Рядомъ съ собой посадила. Теперь ты разскажешь мнѣ, милый,
Повѣсть свою, шепнула она; мы одни; старики насъ
Здѣсь не услышатъ и скучнымъ своимъ ворчаньемъ не могутъ
Намъ помѣшать; а эта густая древесная кровля
Стóитъ ихъ хижины дымной. — Здѣсь рай, Ундина! воскликнулъ
Рыцарь, прижавши ко груди ее съ поцѣлуемъ горячимъ.
Въ эту минуту рыбакъ, проискавши напрасно Ундину,
Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ съ берега.
Рыцарь!
Онъ закричалъ, непохвальное дѣло ты дѣлаешь; нами
Былъ ты довѣрчиво принятъ; а ты теперь, обнимаясь

Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею тайкомъ, и оставилъ
Въ страхъ меня старика одного по пустому за нею
Бѣгать въ потемкахъ. — Я самъ, отвѣтствовалъ рыцарь, лишь только
Въ эту минуту встрѣтился съ нею. — Тѣмъ лучше; скорѣе жъ
Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую землю. —
Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать; и лучше
Въ страшный лѣсъ она соглашалася съ милымъ, прекраснымъ
Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хижину, гдѣ не хотѣли
Дѣлать того, о чемъ просила она, и откуда
Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крѣпко къ нему, она гармонически, тихо запѣла:
„Въ душной долинѣ волна печально тренещетъ и бьется;
„Влившися въ море, она изъ моря назадъ не польется.“
Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту пѣсню; её же
Слезы его какъ будто не трогали; къ рыцарю съ дѣтской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказалъ ей: Ундина,
Развѣ не видишь, какъ плачетъ отецъ? Не упрямься жъ; намъ должно,
Должно къ нему возвратиться. Въ нѣмомъ изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,
Кротко сказала потомъ: когда ты такъ думаешь, милый,
Я согласна. И съ видомъ покорнымъ, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно
Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ со слезами на шею

Кинулся къ ней и въ радости былъ какъ дитя; прибѣжала
Скоро къ нимъ и старушка; свою возвращенную дочку
Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было; въ добромъ
Сердцѣ Ундины все такъ же утихло, и ихъ обнимала
Съ лаской сердечной она, просила прощенья, смѣялась,
Плакала, милыя всѣ имена имъ давала. А утро
Тою порой занялось и буря умолкла, и птицы
Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожемчуженныхъ вѣтвях;
Стало свѣтло, и опять приступать принялася Ундина
Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ разсказъ свой.
И такъ согласились
Завтракъ принесть подъ деревья. Ундина проворно усѣлась
Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на травѣ; другаго же мѣста
Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь разсказывать началъ.

ГЛАВА IV.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ ВЪ ЛѢСУ.

Вотъ ужъ болѣ недѣли, какъ я въ тотъ вольный им-
перскій
Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣсомъ, пріѣхалъ;
Тамъ былъ турниръ и рыцари копья ломали усердно.
Я не щадилъ ни себя, ни коня. Подошедши къ оградѣ
Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы, я шлемъ свой
Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту минуту
Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ богатомъ уборѣ,
Чудной прелести. Это была молодая Бертальда —
Мнѣ сказали — питомица знатнаго герцога, въ ближнемъ
Замкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ ласковымъ
видомъ
Смотритъ она на меня, и во мнѣ загорѣлась двойная
Бодрость; усердно бился я прежде, но съ этой минуты
Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ нею одною
Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ остальные

Дни турнира. — Въ эту минуту почувствовалъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ; оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стиснувъ
Палецъ ему, сердито нахмурила бровки и въ глазкахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ на Гульбранда
Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему погрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ наклонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту; потомъ онъ разсказъ свой
Такъ продолжалъ: Бертальда прекрасна, нельзя не признаться;
Но черезъ чуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ во второй разъ
Нравилась менѣ она, чѣмъ въ первый, а въ третій разъ менѣ,
Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось, что болѣ
Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и это мнѣ льстило.
Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее попросить, чтобъ перчатку
Мнѣ свою подарила она. Подарю, отвѣчала
Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣлишься, рыцарь,
Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ нашъ, и вѣрныя вѣсти
Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ происходитъ. Перчатка
Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю стыдно
Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я согласился. —
Развѣ тебя не любила она, спросила Ундина? —

Я ей нравился, рыцарь ответствовалъ, такъ мнѣ казалось. —
О! такъ она сумасшедшая, вскрикнула громко Ундина,
Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ладоши. Кто жъ не безумный
Съ милымъ себя разлучитъ и его добровольно въ волшебный
Лѣсъ на опасное дѣло пошлетъ? Отъ меня бъ не дождался
Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести. — Рано
Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ, улыбнувшись Ундинѣ,
Я отправился въ путь. Спокойно сіяли деревья
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на зелени дерна;
Было свѣжо; благовонные листья такъ сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что я по неволѣ
Злился на глупыхъ людей, которымъ страшилища въ райскомъ
Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ чащу;
Мало по малу все стало пустынно и тихо; густѣя,
Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая
Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ: посмотрѣть, высоко ли
Было солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю и что же
Вижу? Черное что-то копышется въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажаю поспѣшно
Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, визгливымъ,

Мнѣ закричали: кстати пожаловалъ; милости просимъ;
Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чемъ намъ
Вашу милость изжарить. Потомъ, съ отвратительно-дикимъ
Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло
Вѣтвями дуба, что конь мой, шерахнувшись, бросился мимо
Въ скачь, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ гнѣздился
Дьяволъ. При имени этомъ рыбакъ и старушка съ молитвой
Перекрестились; Ундина жъ тихонько шепнула: всего здѣсь
Лучше по-моему то, что ты не изжаренъ, мой милый
Рыцарь, и то, что ты съ нами. Разсказывай далѣе. — Конь мой
Мчался, какъ бѣшеный, рыцарь сказалъ; имъ владѣть не имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и скачетъ со мной онъ
Прямо въ нее; но въ самое жъ это мгновеніе кто-то
Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши нашу дорогу,
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился, и конь, отшатнувшись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюся — что же?
Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ, а блестящій
Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма. — Благодарствую, милый,
Добрый ручей, закричала, захлопавъ въ ладоши, Ундина. —

Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ покачалъ головою;
Рыцарь разсказывалъ далѣ. Собравъ повода, укрѣпился
Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ человѣчекъ
Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный горбунъ, земляного
Цвѣта лице, и носъ огромный такой, что, казалось,
Былъ онъ длиною со все остальное тѣло урода.
Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ ногами,
Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ и, коня повернувши,
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь (ужъ склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карликъ,
Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися,
Я закричалъ, раздавлю. Но уродъ, изковеркавшись снова,
Началъ визжать: сперва заплати за работу; ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы не я подвернулся.
Лжешь ты, кривляка, сказалъ я, не ты, а этотъ источникъ
Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ тебѣ леньги; оставь насъ,
Дай дорогу. И бросивъ одну золотую монету
Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче; но снова явился
Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь скачетъ, но съ боку
Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ хохотомъ, съ визгомъ,
Высунувъ красный съ локоть длиною языкъ. Чтобъ скорѣе
Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету

Въ шапку ему; но, съ хохотомъ дикимъ оскаливши зубы,
Началъ кричать онъ: поддѣльное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся! — И въ эту минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утроба;
Дернъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ мой свободно
Могъ сквозь него проницать въ глубину; и тогда мнѣ открылась
Область подземная Гномовъ: они гомозились, роились,
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгребали металлы,
Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ, и пускали
Вихри песка золотаго другъ другу въ глаза. Мой сопутникъ
Быстро метался то внизъ то вверхъ; и ему подавали
Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ,
Каждый онъ въ бездну бросалъ и, изъ пропасти въ пропасть со звономъ
Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали. Тогда онъ монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ хохотомъ въ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.
Вдругъ взгомозилися всѣ и, толпяся, толкаясь, полѣзли
Къ верху, когтистые, пылью металловъ покрытые пальцы
Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, казалось, кипѣла;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе....

Ужасъ меня одолѣлъ; давъ шпоры коню, безъ оглядки
Я поскакалъ.... и не знаю, долго ль скакалъ; но о-
чнувшись
Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья исчезли; прохладно
Было въ лѣсу и вечеръ уже наступилъ. Сквозь деревья
Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ городъ.
Взъѣхать спѣшу я на эту тропинку; но что-то сѣдое,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь; я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду,
Тамъ и оно; разсердившись скачу на проломъ; но на
встрѣчу
Прыщетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обданъ,
и рвется
Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промоченъ до костей, я
бросаюсь
Вправо и влѣво, но все не могу попасть на тропинку;
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Ѣхать обратно — за мной по пятамъ онъ, но смиренъ,
и волю
Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь только опять на
тропинку
Взъѣду — онъ тутъ, и опять заслоняетъ ее, и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ по неволѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ упорно;
Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ, и за мною
Блѣднотуманнымъ столбомъ подвигался; когда же слу-
чалось

Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ огромный
Столбъ съ головой, что въ меня упирались тускло и зорко
Въ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза, и кивала
Всякой разъ голова, какъ будто меня понукая
Ѣхать впередъ. Но порою мнѣ просто казалось, что этотъ
Странный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ. Наконецъ я,
Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и встрѣтился съ вами,
Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ. —
Рыцарь кончилъ разсказъ свой. Мы рады тебѣ, благородный
Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ намъ подумать,
Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ. — Ундина, услышавъ
Эти слова, начала про себя тихомолкомъ смѣяться
Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, сказалъ ей: Ундина,
Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты смѣешься? —
Я ужъ знаю чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай
Этотъ сердитый потокъ переплыть — верхомъ иль на лодкѣ,
Какъ угодно — анъ нѣтъ, не удастся! а моремъ..... давно я
Знаю, что этого сдѣлать нельзя; и отецъ недалеко
Въ море уходитъ съ лодкой своею. И такъ оставайся
Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ чему я смѣюся.
Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть, такъ ли то было,
Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за ними

Вслѣдъ и она. И подлинно, все опрокинуто было
Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полуостровъ
Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать, и
долженъ
Былъ по неволѣ онъ ждать, пока въ берега не вольется
Снова потокъ. Возвращаяся въ хижину рядомъ съ Ун-
диной,
Онъ ей шепнулъ: что скажешь, Ундиночка? Рада ль,
что съ вами
Я остаюся? — Полно, полно, она проворчала,
Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя укусить я за палецъ,
Ты бы не то разсказалъ намъ объ этой несносной
Бертальдѣ.

ГЛАВА V.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖИЛЪ У РЫБАКА ВЪ ХИЖИНѢ.

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случалося въ жизни,
Долго скитавшисъ туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага
Первой, чистой любви на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ разцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живется сладко, здѣсь сердцу будетъ пріютно.
Вспомнивъ такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнималъ безъименное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ чувствовать рыцарь,
Вдругъ поселившися въ этомъ предѣлѣ, далеко отъ свѣта.

Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ потокъ, свирѣпѣя,
День ото дня расширялся, и островъ все далѣ и далѣ
Въ море входилъ, разлучаяся съ твердой землею; казалось,
Міръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревоги житейскія, бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, на досугѣ онъ много
Могъ разсказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словомъ онъ былъ живая лѣтопись; время безъ скуки
Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей, полнымъ
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо изъ жизни
Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога, вливалась
Въ душу Гульбранда и въ ней поселяла блаженную ясность.
Бодрый старикъ промышлялъ по-прежнему рыбною ловлей;
Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ къ счастью нашелся
Старый доспѣхъ рыбака, самострѣлъ; его починивши,
Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту; а вечеръ
Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и полный
Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ: въ запасѣ

Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душею Ундина.
Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, какимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота Херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость
Никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость Сильфиды, измѣнчивость
струйки....
Словомъ Ундина была несравненнымъ, мучительно-
милымъ,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проницала, томила
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою
думой.
Но вертлявый, проказливый нравъ и смѣшныя причуды
Ундины
Были подъ часъ и докучливой мукой; за то и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалунья такъ мило
Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала; потомъ такъ
сердечно
Съ ними, раскаясь, мирилась; потомъ проказила снова,
и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сѣтью, которою мало по малу опуталось сердце
Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; съ каждою
мыслью,
Съ каждымъ чувствомъ слилась Ундина. Но, имъ обладая,
Той же силъ она и сама покорялась; хотя въ ней

Все осталось по-прежнему, рѣзвость, причуды, упрямство,
Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный хохотъ,
Но Ундина любила — любила безпечно, какъ любитъ
Птичка, летая средь чистаго неба. Старикъ и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невѣстой. И рыцарю такъ же
Часто на мысль приходило, что въ міръ для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужъ ему не встрѣчаться.
Если жъ случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ будто
Спрашивалъ: скоро ли въ битву? иль, если ему попадался
Брошенный щитъ на глаза, иль праздно на стѣнкѣ висѣвшій
Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ выдвигался
Въ звонкомъ паденьи — дума о славѣ и подвигахъ бранныхъ
Душу его шевелила. Но въ этой тревогѣ себя онъ
Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ; къ тому же
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; и, словомъ, онъ вѣрилъ, что все то не случай, а Божій
Промыселъ было. И такъ одинъ за другимъ неприметно
Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ спокойномъ

Этомъ быту напослѣдокъ случилось разстройство: при-
выкли
Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отужинавъ, съ пол-
нымъ
Кубкомъ часъ другой проводить въ разговорѣ радуш-
номъ;
Вдругъ не достало вина: запасъ рыбака небогатый
Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ
Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ; а Ундина,
Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и дологъ
Былъ тотъ вечеръ и рано всѣ разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина изъ хижины. Вы мнѣ
Оба несносны, сказала она; не хочу я на ваши
Длинныя лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту.
Съ этимъ словомъ, захлопнула двери и скрылась. А
вечеръ
Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ и море сердилось.
Въ страхѣ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ, какъ
въ первый
Разъ они перепуганы были Ундиной. Но только
Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ Ундина
Имъ на встрѣчу явилась сама. За мною! за мною
Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ море;
Бочка и вѣрно съ виномъ лежитъ на пескѣ. За Ундиной
Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася; поспѣшно
Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина ее покатили
Къ хижинѣ: буря сбиралась; сквозь сумерки было
Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдыя

Головы, дождь вызывая изъ тучъ; и тучи бѣжали
Шибко и шумно, какъ будто грозяся напасть на идущихъ;
Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли. Ундина
Вдругъ повернула головку и, пальчикъ поднявши, сердито
Имъ погрозила тучѣ и ей закричала: смотри ты,
Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далёко до дома.
Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: уймися, Ундина, грѣхъ!
И, умолкнувъ,
Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако
За сухо всѣ добралися до мѣста; но только успѣли
Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть и отвѣдать, какое
Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ, зашатались
Съ скрытомъ деревья, и море дико завыло. Но бурю
Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками снова
Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бесѣдѣ
Прелесть двойную давалъ огонекъ, всегда столь пріятный
Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ будто что вспомнивъ,
Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту, сказалъ онъ:
Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь на досугѣ
Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся; бѣдный

Прежній хозяинъ его, быть можетъ, погибъ и, волнами
Брошенный Богъ вѣсть куда, лишенъ погребенья. При этомъ
Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула кружку
Къ рыцарю. Пей, не бойся, она прошептала. Но рыцарь
За руку взялъ старика и воскликнулъ: я честью клянуся,
Если бъ могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря помѣхою мнѣ не была бы; съ опасностью жизни
Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за то обѣщаюсь,
Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль дѣтямъ его заплатить за прекрасный
Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ достался.
Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одобренья;
Въ немъ успокоилась совѣсть и съ бо́льшимъ вкусомъ онъ до́пилъ
Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: ты денегъ
Сколько угодно можешь за это вино разсорить; но бросаться
Въ воду и жизни своей не жалѣть.... вотъ это ужъ глупо
Сказано было; что же будетъ со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль, ты лучше съ Ундиной
Здѣсь останешься? — Правда, Ундиночка, рыцарь съ улыбкой
Ей отвѣчалъ. — Признайся жъ, что глупо сказалъ ты; вѣдь каждый
Самъ себѣ ближе; и что до другихъ намъ?.... Старушка, услышавъ

Это, тяжко вздохнула; а добрый рыбакъ, не стерпѣвши,
Началъ кричать на Ундину: у Турковъ, у нехристей что ли
Выросла ты, прости мнѣ Господи? Что за горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница? Вдругъ замолчавши,
Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ прошептала:
Что же такое сказала я имъ? Ужъ и ты не сердитъ ли,
Милый мой рыцарь? Но рыцарь, пожавши ей руку, расправилъ
Кудри, упавшіе кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила.
Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмуривши брови;
Добрую четверть часа продолжалося это молчанье.

ГЛАВА VI.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖЕНИЛСЯ.

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно
Вздрогнули всѣ, какъ будто недоброе что-то почуя:
Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хижинѣ доступъ разливомъ
Былъ загражденъ человѣку живому; кому же въ такую
Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ безпокойствомъ смотрѣли
Другъ на друга. Снова послышался стукъ; и поспѣшно
Рыцарь схватился за мечъ. Не поможетъ твой мечъ, сотворивши
Крестъ, рыбакъ прошепталъ, когда здѣсь случается съ нами
То, о чемъ и подумать боюсь я. Но въ эту минуту
Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь закричала сердито
Кто тамъ? Если, то ваши проказы, духи земные,

Будетъ бѣда вамъ; мой дядя Струй васъ порядкомъ проучитъ.
Пуще прежняго всѣ оробѣли, слова тѣ услышавъ.
Другъ на друга взглянули старикъ и старушка; а рыцарь
Всталъ и хотѣлъ ужъ Ундину спросить, но тутъ изъ-за двери
Голосъ сказалъ: я не духъ, человѣкъ, Христіанинъ; впустите
Ради Господа Бога меня. При этомъ поспѣшно Ундина
Дверь отперла и, поднявши ночникъ, во внутренность темной
Ночи стала свѣтить: престарѣлый священникъ стоялъ тамъ.
Онъ, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ, приведенный
Въ робость ея поразительной прелестью; въ бѣдной лачужкѣ
Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ иль дѣломъ бѣсовскимъ
Счелъ и воскликнулъ: съ нами Господь и Пречистая Дѣва!
Я не бѣсъ, засмѣявшись, сказала Ундина; не бойся;
Милости просимъ, отецъ; войди, здѣсь добрые люди.
Патеръ вошелъ и ласково всѣмъ поклонился; пріятенъ
Былъ онъ лицемъ; веселая кротость сіяла во взорахъ.
Но по складкамъ длиннаго платья его, съ распущённыхъ
Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися градомъ
Капли: его промочило дождемъ. Въ боковую каморку
Тотчасъ его отвели, чтобъ раздѣть; а старушка съ Ундиной

Начали мокрое платье сушить на огнѣ. Съ благодар-
нымъ
Чувствомъ услуги старикъ принималъ; онъ, надѣвъ ры-
баково
Верхнее платье, довольно потертое, вышелъ, и снова
Всѣ за столомъ передъ свѣтлымъ каминомъ усѣлись;
старушка
Гостю сама уступила почетный стулъ, а Ундина
Въ ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнулъ ей шутливое слово; но съ важнымъ
Видомъ она отвѣчала: онъ Божій служитель; не должно
Этимъ шутить. — Поужинавъ, добрымъ виномъ под-
крѣпивши
Силы свои, священникъ разсказывать началъ, какимъ
онъ
Образомъ свой монастырь, лежащій близъ моря, вче-
рашнимъ
Утромъ покинулъ. Я былъ къ епископу нашему въ
городъ
Посланъ, сказалъ онъ; хотя и есть по изгибу залива
Путь, но моремъ ближе: и я съ гребцами надежными
лодку
Нанялъ; съ Богомъ мы съѣздили; нынѣче жъ по утру
въ обратный
Поплыли путь; но сдѣлался вѣтеръ противный; а къ ночи
Буря — и буря, какой мнѣ ни разу видать не случалось;
Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у гребцовъ; безпомощно
Были мы преданы морю, котораго волны какъ щепку

Нашъ челнокъ подымали съ хребта на хребетъ; и несло насъ
Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну чернѣлъ въ отдаленьи
Этотъ берегъ: ужъ были мы близко; но бѣдную лодку
Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась и на насъ повалилась
Съ страшнымъ шумомъ большая волна; и самъ я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпалъ изъ лодки,
Только я вдругъ очутился въ водѣ. Господь не дозволилъ
Мнѣ погибнуть.... я былъ принесенъ невредимо на этотъ
Островъ. — Да, островъ, сказалъ со вздохомъ рыбакъ; но давно ли
Былъ онъ твердой землею? Какъ же не скажешь, что море
Съ нашимъ потокомъ бурлитъ заодно? — И самъ я подумалъ
Что-то подобное, Патеръ сказалъ; когда я тащился
Берегомъ вашимъ въ потмахъ, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошелъ; но эта тропинка исчезла
Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ потокъ. Тутъ сверкнулъ мнѣ
Въ вашей хижинѣ свѣтъ и тотчасъ сюда повернулъ я.
Слава Господу Богу! меня онъ спасъ, да и къ добрымъ
Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но за то ужъ отнынѣ
Кромѣ васъ никого на землѣ не встрѣчать мнѣ; отнынѣ

Въ этомъ углу весь міръ для меня заключенъ. — По-
чему же?
Рыцарь спросилъ. — Да кто жъ, отвѣтствовалъ Па-
теръ, узнаетъ
Скоро ли кончится эта война безпорядочныхъ стихій?
Я же старъ, и силы мои конечно изсякнутъ
Прежде, чѣмъ этотъ разлившійся бурный потокъ; да
случиться
Можетъ и то, что дѣнь ото дня все шире и шире,
Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и вы напо-
слѣдокъ
Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ море, что въ
людяхъ
Даже и память объ васъ совсѣмъ пропадетъ; и тѣмъ легче
Можетъ это случиться, что васъ отъ земли заслоняетъ
Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ дикъ и по-
рывистъ,
Такъ широкъ, что и крѣпкому судну не будетъ воз-
можно
Силы его одолѣть. — Сохрани насъ Господь и помилуй,
Крестъ сотворивши, сказала старушка. — Чего же
хозяйка
Такъ испугалась, рыбакъ возразилъ? Не то же ли будетъ
Съ нами, что было? Чудное дѣло желанья людскія!
Развѣ не всѣ одни мы здѣсь жили? Ни разу во столько
Лѣтъ не ходила ты далѣ опушки нашего лѣса.
Кромѣ меня старика и Ундины, кого ты видала?
Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь Богъ послалъ намъ

Добрыхъ гостей на житье. Пускай совсѣмъ разлучится
Островъ нашъ съ твердой землею и люди о насъ по-
забудутъ,
Намъ же прибыль. — Что правда, то правда, сказала
старушка;
Только признаться, мнѣ какъ то страшно подумать,
что вѣчно
Намъ ужъ съ людьми не сойтись, что землѣ навсегда
мы чужіе.
То услыша, Ундина прижалася къ рыцарю, жаркой
Ручкой стиснула руку ему, и, уставивши глазки,
Полные острыхъ лучей, на него, на распѣвъ прошептала:
„Ты останешься съ нами, ты останешься съ нами.“
Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ какимъ-то ви-
дѣньемъ;
Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ундиной, желаннымъ,
Найденнымъ счастіемъ жизни полный въ душѣ, не раз-
слушалъ
Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, сидѣвшей съ нимъ
рядомъ;
Мигъ насталъ роковой: священникъ своими словами
Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далѣ и далѣ за темный
Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ; а островъ цвѣтущій,
Гдѣ такъ сладко жилось, всё свѣжѣй, зеленѣй, все
пріютнѣй
Сердцу его становился — невѣста, какъ чистая роза,
Тамъ разцвѣтала; и къ нимъ какъ будто бы свыше
былъ посланъ

Божій священникъ: то явно было не случай. Къ тому же
Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ поглядѣлъ на
Ундину
Въ ту минуту, когда, позабывъ о служителѣ церкви,
Такъ беззаботно она къ нему приласкалась. Ундину
Сильной рукой обхвативши, рыцарь всталъ и воскликнулъ:
Честный отецъ, мы женихъ и невѣста; во имя Господне
Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти
Добрые люди. Рыбакъ и старушка весьма изумились.
Правда, имъ часто входило на мысль, что такая развязка
Рано иль поздно случиться должна; но объ этомъ молчали
Даже другъ съ другомъ они; и въ это мгновеніе было
Вовсе нежданнымъ для нихъ предложеніе рыцаря. Долго
Слова ему отвѣчать они не умѣли. Ундина жъ
Вдругъ присмирѣла, задумалась, глазки потупила въ землю.
Тою порою священникъ, спросясь съ старикомъ и ста-
рушкой,
Началъ готовить вѣнчальный обрядъ; старушка, очистивъ
Наскоро горницу ту, гдѣ жила съ рыбакомъ, отыскала
Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во время
О'но на свадьбѣ ея зажжены: а рыцарь изъ звеньевъ
Цѣпи своей золотой отдѣлилъ два кольца, чтобъ съ
невѣстой
Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, священникъ
Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ жениху и невѣстѣ:
Дайте руку другъ другу. Ундина, какъ будто про-
снувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснѣла, и руку

Давши ему, стыдливо и трепетно стала съ нимъ рядомъ.
Кончивъ вѣнчальный обрядъ, новобрачныхъ отецъ ихъ
духовный
Перекрестилъ; старики жъ молодую жену и Гульбранда
Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко рыдая. Но
въ этотъ
Мигъ священникъ сказалъ: вы странные люди! не сами ль
Вы говорили, что этотъ островъ безлюденъ, что кромѣ
Васъ четверыхъ не живетъ никого здѣсь? А я въ про-
долженье
Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это окошко, въ
широкомъ
Бѣломъ платьѣ, сѣдой и длинный, глядѣлъ; за дверями
Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждетъ, чтобъ впустили.
Спаси насъ
Дѣва Пречистая Божія Матерь, сказала старушка;
Молча рыбакъ покачалъ головою; а рыцарь къ окошку
Бросился: не было тамъ никого; но что-то въ потемкахъ,
Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелкнуло и скрылось. Отецъ
мой,
Ты ошибся, сказалъ онъ священнику. Всѣ беззаботно
Съ этимъ словомъ кругомъ огонька по-прежнему сѣли.

ГЛАВА VII.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВЪ СВАДЕБНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Смирно стояла Ундина во все продолженье обряда:
Но лишь только онъ кончился, вдругъ, какъ будто волшебной
Силой какой, что ни было въ ней и причудъ и безпутныхъ
Выдумокъ, все забродило и вспѣнилось; вдругъ принялася
Всѣхъ тормошить, старика, старушку и рыцаря, не былъ
Даже и самъ священникъ оставленъ въ покоѣ. Суровымъ
Словомъ хотѣла хозяйка шалунью унять, какъ бывало;
но рыцарь
Съ значащимъ взглядомъ назвалъ ее *своею женою;*
Та замолчала. И самъ онъ однако такимъ поведеньемъ
Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни ласки
Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замѣчала досаду
Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, рученкой
Милой своею трепала его по щекѣ и шептала

На ухо слово любви съ небесной улыбкой; но снова
Съ первою взбалмошной мыслію то жъ начиналось и пуще,
Нежели прежде. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: Ундина,
Рѣзвость такая забавна, но въ эту минуту приличнѣй
Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ, какъ съ душею
Даннаго Богомъ супруга свою сочетать христіански
Душу. — Душу? смѣясь закричала Ундина. Такое
Слово пріятно звучитъ; но много ли въ этомъ пріятномъ
Звукѣ смысла? А если кому души не досталось,
Что тому дѣлать? Еще сама я не знаю, была ли,
Есть ли душа у меня? — Оскорбленный глубоко, священникъ
Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись, Ундина
Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шепнула: послушай,
Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ грустно, такъ грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобнымъ,
Робкимъ созданьемъ, такъ строгъ; напротивъ того съ снисхожденьемъ
Выслушай то, что хочу исповѣдать искреннимъ сердцемъ.
Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ поблѣднѣла и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ любопытствомъ смотрѣли;

Что творилося съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣдокъ
Слезы обтерла она и священнику, въ сильномъ волненьи
Сжавши руки, сказала: отецъ мой, не правда ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше ль, скажи мнѣ, не лучше ль
Вѣчно пробыть безъ души?... Она замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ поднялися
Съ мѣстъ, какъ будто дичася ея; не дождавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала: великое бремя,
Страшное бремя душа! при одномъ ужъ ея ожиданьи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а донынѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно. Она опять зарыдала,
Скрыла въ ладони лице и, свою наклонивши головку,
Плакала горько, а свѣтлые кудри, скатясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицемъ подошелъ къ ней священникъ; Ундина, сказалъ онъ,
Именемъ Господа Бога тебѣ говорю: исповѣдуй
Душу свою передъ нами, и, если таится въ ней злое,
Богъ милосердъ, Онъ помилуетъ. Тихимъ, покорнымъ младенцемъ
Стала она передъ нимъ на колѣна, и, руки сложивши,
Набожно къ небу глаза подняла, и крестилась, и, имя
Божіе славя, твердила, что не было зла ни какого
Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обратяся къ Гульбранду:
Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою нынѣ
Самъ сочеталъ васъ: душею она безпорочна, но много

Чуднаго въ ней. Примите мой добрый совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте. Сказавъ, новобрачныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ: за нимъ рыбакъ и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на колѣнахъ стояла въ молчаньи; когда же
Всѣ удалились, она потихоньку лицемъ обернулась
Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало по малу, какъ будто
Въ чувство входя, головку свою подняла и уныло
Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устремила.
Милый, ты вѣрно также покинешь меня, прошептала
Робко она, но чѣмъ же я бѣдная, чѣмъ виновата?
Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися,
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

Свѣжій утренній лучъ разбудилъ новобрачныхъ; блаженствомъ
Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ глубокой
Думѣ молчалъ про себя; всю ночь онъ видѣлъ какой-то
Странный, мучительный сонъ: все снилось ему, что хотѣли
Бѣсы его обольстить подъ видомъ красавицъ, что въ змѣевъ
Адскихъ красавицы всѣ передъ нимъ обращались. Проснувшись
Въ страхѣ, онъ началъ смотрѣть недовѣрчиво: тутъ ли Ундина?
Нѣтъ ли въ ней какой перемѣны?.... Но было все тихо,
Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ, и Ундина
Сномъ глубокимъ спала, положивши горячую щеку
На руку; вóльно дышала она и сквозь сонъ, какъ журчанье,

Шопотъ невнятный бродилъ по жарко-раскрывшимся
губкамъ.
Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь заснулъ, но въ
другой разъ
Тотъ же сонъ! наконецъ засіяла заря и проснулися оба.
Сонъ разсказавши, рыцарь просилъ, чтобъ Ундина про-
стила
Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
Съ грустью она ему подала, и ни слова; но сладкій,
Полный глубокой любовію взглядъ, какого дотолѣ
Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не встрѣчалъ, без-
отвѣтно
Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ онъ всталъ,
и къ домашнимъ
Вышелъ; всѣ трое сидѣли, молча, на лицахъ ихъ видно
Было, что тяжко тревожило ихъ ожиданье развязки;
Видно было, что внутренно Бога священникъ молилъ:
да поможетъ
Имъ защититься отъ козней врага. Но какъ скоро явился
Съ яснымъ лицемъ новобрачный, то вмигъ и у нихъ
просіяли
Души и лица; рыбакъ и старушка заплакали; къ небу
Взоръ благодарный поднялъ священникъ. Потомъ и
Ундина
Вышла; они хотѣли пойти къ ней на встрѣчу, но стали
Всѣ неподвижны: такъ знакома и такъ незнакома
Имъ въ красотѣ довершенной она показалась. Свя-
щенникъ

Первый къ ней подошелъ; но лишь только онъ руку, чтобъ дать ей
Благословеніе, поднялъ, она ему поклонилась
Въ землю и стала прощенья просить въ словахъ безразсудныхъ,
Сказанныхъ ею вчера; потомъ примолвила: добрый
Другъ, помолись о спасеньи моей души многогрѣшной.
Вставши, она обняла стариковъ, и то, что сказала
Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ слуху
Ново, и такъ далеко отъ всего, что прежде плѣняло
Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслухъ и ее называли небеснымъ
Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ смиреньемъ
Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, въ то же
Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ созданьемъ.
Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужъ привыкнувъ къ причудамъ
Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и прежде,
Станетъ проказить, но въ этотъ разъ они обманулись:
Ангеломъ тихимъ осталась Ундина. Священникъ, любуясь
Ею, воскликнулъ: радуйтесь, рыцарь; Господь милосердый
Вамъ даровалъ чрезъ меня недостойнаго рѣдкое счастье;
Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей жизни, когда вы
Чистымъ его сохраните. Господь помоги вамъ обоимъ.

Около вечера, съ нѣжностью робкой Ундина взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтя на зеленый
Дернъ сквозь чащу деревъ, за которыми тихо горѣло
Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листкахъ; но казалось
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи она вела за собою
Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ, отвѣта
Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сердечномъ
Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.
Такъ подошли напослѣдокъ они къ лѣсному потоку....
Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался;
Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ. Онъ исчезнетъ
Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;
Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,
Милый, не будетъ отсель удалиться, какъ скоро захочешь. —
Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка, рыцарь отвѣтствовалъ. — Это
Въ волѣ твоей, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.
Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душею твоя, и навѣкъ. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый
Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и самой мнѣ сквозь волны

Было бъ нетрудно туда проскользнуть, но, другъ, мнѣ такъ сладко
Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,
То хоть въ послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я
Здѣсь у тебя на груди. И растроганъ, встревоженъ,
Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.
Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ, на которомъ
Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустилъ онъ
Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься съ ней рядомъ.
Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты садися,
Милый, сказала она: хочу я прежде, чѣмъ словомъ
Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ непритворныхъ
Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай. Ты долженъ
Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ Саламандры,
Чудные, рѣзвые, легкіе; въ нѣдрахъ земли, неприступныхъ
Свѣту, водятся хитрые Гномы; въ воздухѣ вьютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно живется
Тамъ, подъ звонкокристальными сводами; небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда проницаютъ;

Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ пурпуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебряныхъ водъ покрываломъ
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: влага съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ,
Пышнымъ вѣнцемъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, подглядѣвши
Дѣву морскую — когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ — повергался
Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, другъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину. — Гульбрандъ содрогнулся;
Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень,
Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лице разскащицы милой,
Силъ не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,

Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
Видомъ наружнымъ мы то же, что люди, быть можетъ и лучше,
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми; покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ; изъ праха
Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не дано; пока продолжается наше
Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ умираемъ,
Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмигъ истребляютъ:
Веселы мы и насъ ничто не тревожитъ, какъ птичекъ
Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
Всё однако стремится возвыситься: такъ и отецъ мой,
Сильный царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго Моря,
Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею и горе
(Всѣхъ, одаренныхъ душею, удѣлъ) меня не минуетъ
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только
Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, милый, отнынѣ
Я съ душею навѣки; тебѣ одному благодарна
Я за нее, и тебѣ жъ благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе. Что будетъ

Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманомъ
Сердце твое сохранить она не хотѣла. Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты рѣшился,
Сдѣлай это теперь же: одинъ перейди на противный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ — онъ мой дядя;
издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь, какъ
пустынникъ,
Розно съ родней и друзьями проводитъ. Онъ силенъ и
многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ. При-
несъ онъ
Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня беззa-
ботнымъ,
Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ отсюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ, живую
Душу пріявшимъ созданьемъ, любящей, скорбящей женою.
Далѣ она говорить ве могла; пораженный, плѣненный,
Рыцарь ее обхватилъ, и на руки поднялъ, и вынесъ
На берегъ; тамъ передъ небомъ самимъ повторилъ онъ
обѣтъ свой:
Съ ней неразлучно жить на землѣ и дѣлить все земное.
Въ сладкомъ согласіи, за руки взявшись, медлитель-
нымъ шагомъ
Въ хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнувъ
Благо святое души, перестала жалѣть о прозрачномъ
Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцевскаго чуднаго царства.

ГЛАВА IX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И ЕГО МОЛОДАЯ ЖЕНА ОСТАВИЛИ ХИЖИНУ.

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день, весьма удивился,
Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ началъ
Думать, что все, происшедшее съ нимъ въ послѣднее время,
Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;
Сѣвши къ нему на постель, сказала она: я ходила
Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣщанье?
Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова
Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и задумчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ онъ, и стало
Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по-прежнему; можемъ,
Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь. — Съ какимъ-то

Страннымъ чувствомъ, похожимъ на робостъ, слушалъ Ундину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.
Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкій покой возвратила ему и, любуясь съ ней вмѣстѣ
Зеленью берега, такъ благовонно, свѣжо и прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: для чего же
Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужъ вѣрно не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не гонитъ.
Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ, сказала съ покорнымъ
Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ Ундины,
Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и все имъ
Мнится еще, что смиренье мое не надежнѣй покоя
Водъ; и меня легко позабудутъ они, какъ весенній
Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ навѣкъ на землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобой сотворенную, вѣрную душу.
Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобъ имъ моя не открылася тайна?
Рыцарь былъ убѣжденъ, и вмигъ собрался въ дорогу;

Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ ними
Въ городъ итти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ Ундинѣ
Сѣсть помогъ на сѣдло. Обнялися; разстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею вслѣдъ, и какъ будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту минуту
Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ по-двигались
Путники. Гущи лѣсной ужъ достигли они, и прекрасно
Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую, робкую всадницу, справа
Стараго Патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва, въ бо-гатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видѣлъ; Ундина жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣж-ныхъ
Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шепотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лице закрывалось какимъ-то

Страннымъ, широкимъ покровомъ, котораго складки, какъ волны,
Падали съ плечъ и станъ обвивали: и онъ безпрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на́ руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни итти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ
Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце
Прыгаетъ.... — Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ священникъ,
Я бы желалъ покороче узнать васъ. — А ты кто, когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на распросы, сказалъ незнакомецъ? —
Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской Пустыни. — Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыватель;
Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; воленъ, какъ птица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ. Однако
Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой красавицѣ. Съ этимъ
Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина

Въ страхъ его оттолкнула, воскликнувъ: поди поскоръе
Прочь; я болъе съ вами не знаюсь. — О! о! да какая жъ
Замужемъ стала она снесивая! съ нами роднею
Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ, пожалуй,
не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спинѣ изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла? —
Оставь насъ,
Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ мой
дичиться
Станетъ меня, какъ скоро увидитъ съ такою роднею. —
Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ, ина́че едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и конечно
Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку прянулъ волною,
Вырвалъ его изъ нея и на́ берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ. — Ундина и рыцарь при
этомъ
Словѣ взглянули на Патера: шелъ онъ, какъ будто въ
глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того́, что вблизи го-
ворилось.
Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядъ Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни. Струй разсердился; онъ сдѣлалъ
такую

Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлеснулъ, и въ водѣ какъ будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: я предвидѣлъ, что это
Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ такъ близко;
и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ и
какъ будто
Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: ты смѣлый рыцарь, ты
бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну.... и волшебный
Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ брызги,
умолкнулъ.
Кончился лѣсъ и вышли въ поле они: тамъ Имперскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца.

ГЛАВА X.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ИМПЕРСКОМЪ ГОРОДѢ.

Въ этомъ Имперскомъ городѣ всѣ почитали погибшимъ
Нашего рыцаря, всѣ сожалѣли о немъ, а Бертальда
Болѣ другихъ; она себя признавала причиной
Смерти его, и совѣсть терзала ей сердце, и милый
Рыцаревъ образъ глубоко въ него впечатлѣнъ былъ
печалью.
Вдругъ онъ явился живой и женатый, а съ нимъ и свидѣтель
Брака его, отецъ Лаврентій; весь городъ нежданнымъ
Чудомъ такимъ приведенъ былъ въ волненье; прелесть
Ундины
Всѣхъ поразила, и слухъ прошелъ, что въ лѣсу изъ-подъ
власти
Злаго волшебника рыцарь избавилъ ее, что породы
Знатной она. Но на всѣ вопросы людей любопытныхъ
Рыцарь отвѣтствовалъ глухо; Патеръ же былъ на разсказы

Скупъ, да и скоро въ свой монастырь возвратился онъ;
словомъ
Мало по малу толки утихли; одной лишь Бертальдѣ
Было грустно: скорбя о погибшемъ, она по неволѣ
Сердцемъ привыкла къ нему и его *своимъ* называла.
Скоро однако она одолѣла себя; отъ природы
Было въ ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
Въ немъ не могло сохраняться, и здѣсь легкомыслiе было
Вѣрнымъ лекарствомъ. Ундину ласкала она, а Ундинѣ,
Простосердечной, доброй Ундинѣ болѣ и болѣ
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: мы вѣрно съ тобою, Бертальда,
Какъ нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтобъ кто безъ причины,
безъ сильной,
Тайной причины, могъ такъ кому полюбиться, какъ ты мнѣ
Вдругъ полюбилася съ перваго взгляда. И въ сердцѣ
Бертальды
Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою. Какъ бы то ни было, скоро другъ съ
другомъ
Стали онѣ неразлучны, какъ сестры родныя. Но рыцарь
Былъ готовъ ужъ въ замокъ Рингштетенъ, къ исто-
камъ Дуная
Ѣхать, и день разлуки, можетъ быть вѣчной разлуки,
Былъ недалеко; Ундина грустила; и вотъ ей на мысли
Вдругъ пришло, что Бертальду съ собою въ замокъ
Рингштетенъ

Могутъ они увести, что на то герцогиня и герцогъ
Вѣрно по просьбѣ ея согласятся. Однажды объ этомъ
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроемъ разсуждали. Былъ
теплый
Лѣтній вечеръ, и темною площадью города вмѣстѣ
Шли они; синее небо глубоко сіяло звѣздами;
Въ окнахъ домовъ сверкали огни; передъ ними ходили
Черныя тѣни гуляющихъ; шумъ разговоровъ, сліянье
Музыки, пѣнья, хохота, крика дѣтей наполняли
Чуднымъ какимъ-то говоромъ воздухъ, и онъ напоенъ
былъ
Весь благовоніемъ липъ, вокругъ городскаго фонтана
Густо насаженныхъ. Здѣсь, отъ шумной толпы въ от-
даленьи,
Близъ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущихъ водъ, ихъ слушая шумъ и любуясь на
влажный
Снопъ фонтана, бѣлѣвшій сквозь сумракъ, какъ вѣющій,
легкій
Призракъ; и ихъ веселило, что такъ они въ много-
людствѣ
Были одни, и все, что при свѣтѣ казалось столь тру-
днымъ,
Сладилось само собой безъ труда въ тишинѣ миро-
творной
Ночи; и было для нихъ рѣшено, что Бертальда поѣдетъ
Въ замокъ Рингштетенъ. Но въ ту минуту, когда на-
значали

День отъѣзда они, подошелъ къ нимъ, какъ будто изъ мрака
Вдругъ родившійся, длинный, сѣдой человѣкъ, поклонился
Чинно, потомъ кивнулъ головою Ундинѣ, и что-то
На ухо ей прошепталъ. Ундина, нахмуривши бровки,
Въ сторону съ нимъ отошла, и тогда начался между ними
Шопотъ на странномъ какомъ-то чужомъ языкѣ; а Гульбранду
Въ мысли пришло, что онъ съ незнакомцемъ гдѣ-то встрѣчался;
Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь
Былъ какъ въ чаду, и все съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Ундину.
Вдругъ Ундина, захлопавши съ радостнымъ крикомъ въ ладоши,
Кинулась прочь и блаженствомъ глазки сверкали; съ досадой
Сморщивши лобъ и сѣдой покачавъ головой, незнакомецъ
Влѣзъ въ водоемъ, гдѣ вмигъ и пропалъ. Тутъ рѣшилось сомнѣнье
Рыцаря. Что, Ундина, съ тобою смотритель фонтановъ
Здѣсь говорилъ, спросила Бертальда? Съ таинственнымъ видомъ
Ей головкой кивнула Ундина. „Въ твои имянины,
Послѣ завтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый,
Милый другъ; я тебя и твоихъ приглашаю на этотъ
Праздникъ къ себѣ.“ Другаго отвѣта не было. Скоро
Послѣ того они проводили Бертальду и съ нею простились.

Струй? спросилъ съ содроганьемъ невольнымъ рыцарь Ундину,
Съ ней оставшись одинъ въ темнотѣ передъ герцог-скимъ домомъ.
Онъ, отвѣчала Ундина; премножество всякаго вздора
Мнѣ насказалъ; но, между прочимъ, открылъ и такую,
Нехотя, тайну, что я себя не помню отъ счастья.
Если велишь мнѣ все разсказать сію же минуту,
Я исполню приказъ твой; но, милый, Ундинѣ большая
Радость была бы, когда бъ ей теперь промолчать ты позволилъ.
Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
Въ чемъ отказать Ундинѣ, столь мило просящей? И сладко
Было ей въ ту ночь засыпать; она, забываясь
Сномъ, потихоньку сама про себя съ улыбкой шептала:
Ахъ, Бертальда! какъ будетъ рада! какое намъ счастье!

ГЛАВА XI.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ИМЯНИНАХЪ БЕРТАЛЬДЫ.

Гости ужъ были давно за столомъ, и Бертальда, царица
Праздника, въ золотѣ, перлахъ, цвѣтахъ, подаренныхъ
друзьями
Ей въ имянины, сидѣла на первомъ мѣстѣ, Ундина
Съ правой руки, а рыцарь съ лѣвой. Обѣдъ ужъ кончался;
Подали сласти; дверь была отперта; въ ней тѣснилось
Множество зрителей всякаго званья; таковъ былъ ста-
ринный
Предковъ обычай: каждый праздникъ тогда почитался
Общимъ добромъ, и народъ всегда пировалъ съ господами.
Кубки съ виномъ и закуски носили межъ зрителей слуги;
Было шумно и весело; рыцарь Гульбрандъ и Бертальда
Глазъ не сводили съ Ундины; они съ живымъ нетер-
пѣньемъ
Ждали, чтобъ тайну открыла она; но Ундина молчала;
Было замѣтно, что съ сердца ея и съ устъ, озаренныхъ

Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;
Но (какъ ребенокъ, любимый кусокъ свой къ концу
берегущій)
Все молчала она, чтобъ продлить для себя наслажденье;
Рыцарь смотрѣлъ на нее съ неописаннымъ чувствомъ;
Ундина
Въ дѣтской своей простотѣ, съ своимъ добродушіемъ
прелесть
Ангела Божія въ эту минуту имѣла. Вдругъ гости
Стали ее убѣждать, чтобъ спѣла имъ пѣсню. Сверкнули
Ярко ея прекрасные глазки; поспѣшно схватила
Цитру и вотъ какую пѣсню тихо запѣла:
„Солнце сіяетъ; море спокойно; къ брегу съ любовью
„Воды тѣснятся. Что на душистой зелени брега
„Свѣтится, блещетъ? Цвѣтъ ли чудесный, посланный
небомъ
„Свѣжему лугу? Нѣтъ, свѣтлоокій, ясный младенецъ
„Тамъ на зеленомъ дернѣ играетъ. Кто ты, откуда,
„Милый младенецъ? Какъ очутился здѣсь на чужбинѣ?
„Ахъ! изъ отчизны былъ онъ украденъ моремъ ко-
варнымъ.
„Бѣдный, чего жъ ты между цвѣтами съ жадностью
ищешь?
„Цвѣтъ благовонный живъ, но безъ сердца; онъ не у-
слышитъ
„Дѣтскаго крика; онъ не замѣнитъ матери нѣжной.
„Лучшаго въ жизни рано лишенъ ты, бѣдный младе-
нецъ.

„Мимо проѣхалъ съ свитою герцогъ; въ пышный свой замокъ
„Взялъ онъ сиротку; тамъ герцогиня благостнымъ сердцемъ
„Бѣдной сироткѣ мать замѣнила. Стала сиротка
„Дѣвою милой, радостью сердца, прелестью взоровъ;
„Милую дѣву Промыселъ Божій щедро осыпалъ
„Всѣмъ.... но отдастъ ли лучшее въ жизни, мать и отца ей?“ —
Съ грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Пѣсня ея разстрогала всѣхъ, а герцогъ съ женою
Плакали. Герцогъ сказалъ: такъ точно случилось въ то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердый
Богъ наградилъ насъ тобою; но права пѣвица, не можемъ
Лучшаго блага земнаго тебѣ возвратить мы, родную
Мать и роднаго отца. Ундина снова запѣла:
„Мать тоскуетъ, бродитъ, кличетъ.... нѣтъ ей отвѣта;
„Ищетъ, ищетъ, что жъ находитъ? домъ опустѣлый.
„О какъ мраченъ, какъ ужасенъ домъ опустѣлый,
„Гдѣ дотолѣ днемъ и ночью, мать въ упоеньи
„Цѣловала, миловала дочку родную!
„Будетъ снова заниматься ярко денница;
„Придутъ снова дни весенни, благоуханны;
„Но денница, дни весенни, благоуханны
„Не утѣшатъ болѣ сердца матери бѣдной;
„Все ей чуждо; въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ей отрады;
„Невозвратно все пропало съ дочкой родною.“ —

О Ундина! ради Бога открой мнѣ! ты знаешь,
Гдѣ отецъ мой и мать; ты этотъ, этотъ подарокъ
Мнѣ приготовила. Гдѣ они? Здѣсь? Отвѣчай мнѣ, Ундина.
Взоръ Бертальды, сверкая, леталъ по собранью; межъ знатныхъ,
Съ ними сидѣвшихъ гостей выбирала она. Но Ундина
Вдругъ залилася слезами, къ толпѣ обратилась, рукою
Знакъ подала, и воскликнула: гдѣ вы? явитесь,
Найденной дочери вашей, отецъ и мать! — Разступилась
Съ шумомъ толпа; изъ средины ея рыбакъ и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундину.
Вотъ она, ваша родная дочь! закричала Ундина,
Имъ указавъ на Бертальду; и съ громкимъ рыданьемъ на шею
Бросились къ ней старики; но Бертальда съ пронзительнымъ крикомъ
Ихъ отъ себя оттолкнула; страхъ, изумленье, досада
Вдругъ на лицѣ ея отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкій ударъ для ея надменной души, ожидавшей
Новаго блеска съ открытіемъ знатныхъ родителей! Кто же?
Кто же эти родители? Нищіе!.... Въ эту минуту
Въ мысль ей припло, что все то придумано хитро Ундиной
Съ тѣмъ, чтобъ унизить ее передъ свѣтомъ и рыцаремъ. Злая
Ложь! обманщица! подкупъ! вотъ что твердила Бертальда,
Гнѣвно смотря на старушку, на мужа ея и Ундину.

Господи Боже! тихонько старушка шептала, какое жъ
Злое созданье стала она! а все таки сердце
Чуетъ мое, что она мнѣ родная. Рыбакъ же, сложивши
Руки, молился, чтобъ Богъ не каралъ ихъ,ославъ имъ такую
Дочь; а Ундина, какъ Ангелъ, вдругъ утратившій небо,
Блѣдная, въ страхѣ незапномъ, не вѣдая, что́ съ ней
Дѣлалось, вся трепетала. Опомнись, Бертальда! Бертальда,
Есть ли душа у тебя? она повторяла, стараясь
Доброе чувство въ ней возбудить, но напрасно; Бертальда
Точно была внѣ себя; она въ изступленьи кричала
Крикомъ; рыбакъ и старушка плакали горько, а гости,
Страннымъ явленьемъ такимъ изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; въ ужасный
Все пришло безпорядокъ, и вотъ напослѣдокъ Ундина,
Съ чувствомъ своей правоты, съ благородствомъ невинности мирной,
Знакъ подала рукою, и всѣ замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она: вы странные люди!
Что я вамъ сдѣлала? Чѣмъ раздражила я васъ? И за что вы
Такъ разстроили милый мой праздникъ? Ахъ Боже! донынѣ
Я о вашихъ обычаяхъ, вашемъ безумномъ, жестокомъ
Образѣ мыслей не знала, и ихъ никогда не узнать мнѣ.
Вижу, что все безразсудно придумано мной; но причиной
Этому вы одни, а не я. Хотя здѣсь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда.

Нѣтъ у меня доказательствъ; но я не обманщица, слышитъ
Богъ правосудный меня; а все, что здѣсь о Бертальдѣ
Я говорила, было открыто мнѣ тѣмъ, кто въ морскія
Волны младенцемъ ее заманилъ, потомъ на зеленый
Берегъ отнесъ, гдѣ ее и нашелъ знаменитый нашъ
герцогъ. —
Слышите ль? громко вскричала Бертальда. Она ча-
родѣйка,
Водится съ злыми духами; сама при всѣхъ признается
Въ этомъ она. — О нѣтъ, Ундина воскликнула съ чистымъ
Небомъ невинности въ мирныхъ очахъ, никогда чаро-
дѣйкой
Я не была; мнѣ невѣдомо адское зло. — Такъ безстыдно
Лжетъ и клевещетъ она. Ничѣмъ не льзя доказать ей
Здѣсь, что рыбакъ отецъ мнѣ, а нищая мать. О! покинемъ
Этотъ домъ и этотъ городъ, гдѣ я претерпѣла
Столько стыда. — Нѣтъ, Бертальда, отвѣтствовалъ гер-
цогъ, отсюда
Я дотолѣ не выйду, пока не рѣшится сомнѣнье
Наше вполнѣ. То слыша, старушка приблизилась робко
Къ герцогу, низко ему поклонилась и вотъ что сказала:
Вы, Государь, своимъ высокимъ герцогскимъ словомъ
Вдругъ на разумъ меня навели. Скажу вамъ, что, если
Ваша питомица подлинно дочь намъ, то должно, чтобъ
были
Три родимыхъ пятна, какъ трилиственникъ видомъ,
подъ правой
Мышкой ея и точно такія же три на подошвѣ

Правой ноги. Позвольте, чтобъ съ нею я вышла. Отъ этихъ
Словъ поблѣднѣла Бертальда, а герцогъ велѣлъ герцогинѣ
Выйти вмѣстѣ съ нею и взять съ собою старушку.
Скоро назадъ возвратились они; герцогиня сказала:
Правда правдой; все то, что здѣсь объявила хозяйка
Наша, есть сущая истина: эти добрые люди
Точно отецъ и мать питомицы нашей Бертальды.
Съ этимъ словомъ герцогъ съ женой и съ Бертальдой и вмѣстѣ
Съ ними, по волѣ герцога, старый рыбакъ и старушка
Вышли; гости, кто вѣря, кто нѣтъ, разошлись; а Ундина,
Горько, горько заплакавъ, упала въ объятія мужа.

ГЛАВА XII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И УНДИНА УѢХАЛИ ИЗЪ ИМПЕРСКАГО ГОРОДА.

Рыцарь съ глубокимъ чувствомъ любви смотрѣлъ на Ундину.
Мною ль, онъ думалъ, дана ей душа иль нѣтъ, но прекраснѣй
Этой души не бывало на свѣтѣ: она какъ небесный
Ангелъ. И слезы Ундины съ нѣжнѣйшимъ участіемъ друга
Онъ отиралъ, цѣлуя ей очи, уста и ланиты.
Городъ Имперскій, который ей сталъ ненавистенъ, покинуть
Онъ рѣшился немедля, и все велѣлъ приготовить
Къ скорому въ замокъ Рингштеттенъ отъѣзду. Вотъ на другой день
Рано по утру была подана къ крыльцу ихъ повозка;
Рыцаревъ конь и кони его провожатыхъ за нею,
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; ужъ рыцарь
Вышелъ съ своей молодою женой, и готовъ былъ ей руку
Дать, чтобъ въ повозку ее посадить; но въ эту минуту

Къ нимъ подошла молодая дѣвушка съ неводомъ, въ платьѣ
Рыбной торговки. Намъ товаръ твой не нуженъ, мы ѣдемъ,
Рыцарь сказалъ ей. Она заплакала взрыдъ и Бертальду
Въ эту минуту узнали Гульбрандъ и Ундина; поспѣшно
Вмѣстѣ съ нею они возвратилися въ домъ, и Бертальда
Имъ разсказала, какъ герцогъ, вчерашнимъ ея поведеньемъ
Былъ раздраженъ, какъ ее отъ себя отослалъ, подаривши
Ей большое приданое, какъ старикъ и старушка,
Также богато имъ одаренные, городъ того же
Вечера вмѣстѣ покинули. Съ ними хотѣла пойти я,
Такъ продолжала Бертальда въ слезахъ, но старикъ,
о которомъ
Всѣ говорятъ, что онъ мой отецъ.... Онъ отецъ твой,
Бертальда,
Точно отецъ, сказала Ундина; ты помнишь, какъ ночью
Къ намъ подошелъ сѣдой человѣкъ, твой смотритель
фонтановъ:
Онъ-то мнѣ все и сказалъ; меня убѣждалъ онъ, чтобъ
въ замокъ
Нашъ Рингштеттенъ тебя не брала я съ собой, и невольно
Тайна съ его языка сорвалась.... Ну, отецъ мой, когда ужъ
Долженъ онъ бытъ мнѣ отцемъ, продолжала Бертальда,
сказалъ мнѣ
Вотъ что: ты съ нами не будешь до тѣхъ поръ, пока
не исправишь
Гордаго сердца; осмѣлься одна чрезъ этотъ дремучій
Лѣсъ къ намъ пройти, тогда я повѣрю, что нашей роднею
Быть желаешь; но скинь богатый уборъ; рыбаковой

Дочерью къ намъ явися.... И я на все ужъ рѣшилась;
Что онъ велѣлъ, то и будетъ; меня несчастную цѣлый
Свѣтъ оставилъ; бѣдная дочь рыбака, я въ убогой
Хижинѣ жизнь безотрадную скрою и скоро умру тамъ
Съ горя. Правда, лѣсъ волшебный меня устрашаетъ,
Бродятъ тамъ, слышно, духи, а я такъ пуглива; но что же
Дѣлать? Къ вамъ же пришла я за тѣмъ, чтобъ загла-
дить вчерашній
Свой проступокъ признаньемъ вины. О! забудьте, про-
стите!
Я и такъ ужъ несчастна безмѣрно; вспомните, что́ я
Утромъ вчерашнимъ была, что́ была еще при началѣ
Вашего пира, и что́ я теперь.... Опустивши въ ладони
Голову, плакала горько она, и межъ пальцевъ бѣжали
Слезы. Вся такъ же въ слезахъ, къ ней на шею упала
Ундина,
Долго безгласна была, напослѣдокъ сказала: ты съ нами
Въ замокъ Рингштеттенъ поѣдешь; что положили мы
прежде,
То и сдѣлаемъ; только ты будь со мной, какъ привыкла
Быть; говори мнѣ по-прежнему ты. Вотъ видишь ли?
Въ дѣтствѣ
Насъ обмѣняли одну на другую; тогда ужъ мы были
Связаны тѣсно судьбою; сплетемъ же узелъ нашъ сами
Такъ, чтобъ уже никогда ни какой человѣческой силѣ
Не было можно его разорвать. Теперь ты поѣдешь
Съ нами прямо въ Рингштеттенъ; что жъ послѣ, какъ
сестры родныя,

Мы межъ собою раздѣлимъ, о томъ успѣемъ, пріѣхавъ
Въ замокъ, условиться. То услышавъ, Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и, руку подавъ ей, вотъ что сказалъ онъ:
Ввѣрьте себя беззаботно серцу Ундины. А къ вашимъ
Добрымъ родителямъ мы, по прибытіи въ замокъ, отправимъ
Тотчасъ гонца, чтобъ знали они, что сдѣлалось съ вами.
Подъ руку взявши Бертальду, ее посадилъ онъ въ повозку,
Рядомъ съ нею Ундину, и бодро поѣхалъ за ними
Рысью и скокомъ. Повозка летѣла: скоро Имперскій
Городъ пропалъ далеко назади, съ нимъ вмѣстѣ пропало
Тамъ и все грустное прошлое; весело шла по прекрасной
Людной странѣ ихъ дорога, и мало ли, долго ли длился
Путь ихъ, но вотъ напослѣдокъ въ одинъ прекраснѣйшій лѣтній
Вечеръ они пріѣхали въ замокъ Рингштеттенъ. Былъ долженъ
Рыцарь заняться хозяйствомъ своимъ; молодая жъ хозяйка
Вмѣстѣ съ гостьей пошли осматривать замокъ. Построенъ
Былъ на крутой онъ горѣ посреди равнинъ благодатной
Швабіи: видъ изъ него былъ роскошный; и по валу вмѣстѣ,
За руки взявшись, гуляли Ундина съ Бертальдою; вдругъ имъ
Встрѣтился долгій, сѣдой человѣкъ; Бертальдѣ знакомы
Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,
Знакъ ему подала, чтобъ онъ удалился, и скорымъ

Шагомъ, тряся головой, онъ пошелъ и пропалъ за кустами,
Въ мысли пришло ей, что то ночной, городской ихъ знакомецъ
Былъ, смотритель фонтановъ. Не бойся, Бертальда, сказала
Ей Ундина, ужъ въ этотъ разъ твой несносный фонтанщикъ
Зла ни какого не сдѣлаетъ намъ. Тогда разсказала
Все о себѣ Ундина: кто родомъ она, какъ Бертальду
Струй похитилъ, какъ къ рыбакамъ попала Ундина
Вмѣсто родной ихъ дочери, словомъ, все. И сначала
Въ ужасъ Бертальда пришла отъ такого разсказа; на сонный
Бредъ походилъ онъ; но скоро она убѣдилась, что было
Все то правда и только дивилась тому, что въ волшебной
Сказкѣ, когда-то въ дѣтствѣ разсказанной ей, очутилась
Вдругъ на яву, живая, сама; все ей въ Ундинѣ
Стало чуждо; какъ будто бы духъ безтѣлесный межъ ними
Вдругъ протѣснился; ей сдѣлалось страшно. Когда жъ, возвратяся,
Рыцарь съ нѣжностью обнялъ Ундину, то было понять ей
Трудно, какъ могъ онъ ласкаться къ такому созданью, въ которомъ
(Послѣ того, что Бертальдѣ сама разсказала Ундина)
Видѣлся ей не живой человѣкъ, а какой-то холодный
Призракъ, что-то нездѣшнее, что-то чужое душѣ человѣка.

ГЛАВА XIII.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ЗАМКѢ РИНГШТЕТТЕНѢ.

Здѣсь мы съ тобой остановимся, добрый читатель; прости мнѣ,
Если тебѣ о томъ, что послѣ случилось, немного
Буду разсказывать; знаю, что можно бы было подробно
Мнѣ описать, какъ мало по малу рыцарь нашъ сердцемъ
Сталъ отъ Ундины далекъ и близокъ къ Бертальдѣ, какъ стало
Сердце Бертальды ему отвѣчать и часъ отъ часу жарче
Тайной любовью къ нему разгораться, какъ стали Ундины
Онъ и она дичиться и въ ней существо, имъ чужое,
Видѣтъ, какъ Ундина плакала, какъ пробуждали
Слезы ея заснувшую совѣсть Гульбранда, а прежней
Въ немъ любви уже пробудить не могли, какъ порою
Жалость его къ Ундинѣ влекла, а ужасъ невольно
Прочь отталкивалъ, сердце жъ стремило къ Бертальдѣ, созданью
Съ нимъ однородному.... знаю, что это все я умѣлъ бы,

Добрый читатель, порядкомъ тебѣ разсказать; но позволь мнѣ
Лучше о томъ позабыть, что такъ больно душѣ; испытали
Всѣ мы невѣрность здѣшняго счастья; ты самъ, вѣроятно,
Былъ имъ обманутъ, таковъ ужъ земной человѣческій жребій.
Счастливъ еще, когда при раздѣлѣ житейскаго былъ ты
Самъ назначенъ терпѣть, а не мучить; на свѣтѣ семъ доля
Жертвы блаженнѣй, чѣмъ доля губителя. Если сей лучшій
Жребій былъ твой, читатель, то можетъ быть, слушая нашу
Повѣсть, ты вспомнишь и самъ о своемъ миновавшемъ, и тихо
Милая грусть тебѣ черезъ душу прокрадется, снова
То, что прошло, оживетъ, и ты слезу сожалѣнья
Бросишь опять на цвѣты, которыми такъ любовался
Прежде на грядкахъ своихъ, давно ужъ растоптанныхъ. Полно жъ,
Полно объ этомъ, читатель. Послушай, и съ доброй Ундиной
То же сбылось, что и съ нами со всѣми: Ундина страдала.
Но и Гульбрандъ и Бертальда не были веселы. Всякой
Разъ, когда Ундина хоть мало была несогласна
Въ чемъ съ Бертальдой, послѣдней казалось, что ревностъ владѣла
Сердцемъ обиженной бѣдной жены; и мало по малу
Видъ госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда
Съ ней приняла; Ундина съ грустнымъ незлобіемъ, молча,

Все сносила; а рыцарь всегда стоялъ за Бертальду.
Болѣ жъ всего съ недавняго времени вотъ что согласье
Жителей замка стало тревожить: Гульбрандъ и Бертальда
Начали вдругъ на всѣхъ переходахъ, во всѣхъ закоулкахъ
Замка встрѣчать привидѣнья, о коихъ дотолѣ и слуху
Не было; бѣлый, сѣдой человѣкъ, въ которомъ проказникъ
Дяля Струй Гульбрандомъ, смотритель фонтановъ Бертальдой
Узнаны были, сталъ имъ повсюду обоимъ, Бертальдѣ жъ
Чаще, являться съ угрозой, такъ, что Бертальда отъ страха
Стала больна и даже рѣшилась бы замокъ покинуть,
Если бъ имѣла гдѣ уголъ какой для пріюта; но честный
Нашъ рыбакъ на письмо Гульбранда, которымъ тогда же
Рыцарь его извѣстилъ, что Бертальда ѣдетъ въ Рингштеттенъ,
Вотъ что отвѣтствовалъ: „я по волѣ Господа Бога
„Сталъ одинокій, бѣдный вдовецъ; скончалась старушка
„Женка моя; хоть теперь мнѣ дома и пусто, но лучше
„Быть хочу я одинъ, чѣмъ съ Бертальдой; пускай остается
„Съ вами, но только, чтобъ не было худа какого Ундинѣ
„Милой моей отъ того; тогда ее прокляну я.“
Такъ-то, сколько неволей, столько и волей, осталась
Въ замкѣ Бертальда. Вотъ однажды случилось, что рыцарь
Выѣхалъ. Скликавъ дворовыхъ людей, Ундина велѣла
Камень одинъ огромный поднять и его на колодезь,

Бывшій на самой срединѣ двора, наложить. Намъ далеко
Будетъ ходить за водою, замѣтили слуги. Но съ грустнымъ
Ласковымъ видомъ, съ унылой улыбкой сказала Ундина:
Дѣти, сама бы за васъ я съ охотою стала въ кувшинахъ
Воду носить; но этотъ колодезь, повѣрьте мнѣ, должно,
Должно закрыть намъ, иль съ нами случится большое несчастье.
Всѣмъ служителямъ было пріятно угодное сдѣлать
Доброй своей госпожѣ; безъ дальнихъ распросовъ, огромный
Камень былъ поднятъ; и онъ, показалось, какъ будто бы доброй
Волей давшись имъ въ руки, съ земли поднялся, и какъ будто
Самъ рванулся колодезь задвинуть. Но въ эту минуту
Къ нимъ прибѣжала изъ замка Бертальда. Не троньте колодца,
Громко она закричала; его вода умываньемъ
Лучшимъ мнѣ служитъ; его запереть никакъ не позволю.
Но Ундина съ своимъ обычнымъ смиреньемъ на этотъ
Разъ осталася въ волѣ своей непреклонна. Я въ здѣшнемъ
Замкѣ хозяйка, сказала она, улыбаясь прискорбно,
Мнѣ за всѣмъ наблюдать; и здѣсь мнѣ приказывать можетъ
Только рыцарь, мой мужъ и мой господинъ. — Посмотрите,
Съ сердцемъ вскричала Бертальда, подумать можно, что этой

Бѣдной, невинной водѣ самой не хочется съ Божьимъ
Свѣтомъ разстаться: какъ жалко она трепещетъ и бьется!
Въ самомъ дѣлѣ, чудно кипя и шипя, изъ-подъ камня
Ключъ пробивался, какъ будто спѣша убѣжать, и какъ будто
Что изъ него исторгнуться силой хотѣло. Тѣмъ съ большей
Строгостью свой приказъ повторила Ундина; охотно
Былъ онъ исполненъ: Ундину любили, а гордость Бертальды
Всѣхъ отъ нея удаляла и каждому было пріятно
Той угодитъ, а этой сдѣлать досаду; и камень
Крѣпко на́крѣпко устье колодца задвинулъ. Ундина
Тихо къ нему подошла, надъ нимъ задумалась, что-то
Пальчикомъ нѣжнымъ своимъ на немъ написала, въ молчаньи
Грустномъ потомъ посмотрѣла вокругъ себя, и, вздохнувши,
Медленнымъ шагомъ въ замокъ пошла. На камнѣ жъ остались
Видны какіе-то странные знаки, которыхъ дотолѣ
Не было тамъ. Въ вечеру, когда Гульбра́ндъ возвратился
Въ замокъ Рингштеттенъ, Бертальда ему въ слезахъ разсказала
То, что случилось съ колодцемъ. Сурово взглянулъ на Ундину
Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально
Въ землю глаза опустивъ; но однако, собравшися съ духомъ,

Вотъ что шепнула въ отвѣтъ: всегда справедливъ господинъ мой;
Онъ и раба не осудитъ, не выслушавъ; тѣмъ наипаче
Мнѣ, законной женѣ, онъ позволитъ въ свое оправданье
Слово сказать. — Говори, сердито отвѣтствовалъ рыцарь. —
Я бы желала, чтобъ былъ ты одинъ, сказала Ундина. —
Нѣтъ, при ней! Гульбрандъ возразилъ, указавъ на Бертальду. —
Я исполню волю твою, она продолжала;
Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй.
Голосъ ея былъ такъ убѣдителенъ, очи такъ нѣжны,
Все въ ней являло такую покорность, что въ сердце Гульбранда
Солнечный лучъ минувшихъ дней пробѣжалъ; онъ Ундину
Дружески за руку взялъ и въ ближнюю горницу съ нею
Вышелъ; и вотъ что ему сказала она: ужъ коварный
Дядя мой Струй довольно извѣстенъ тебѣ; не одинъ разъ встрѣчался
Онъ съ тобою здѣсь въ замкѣ; Бертальдѣ же такъ онъ
Страшенъ, что можетъ она умереть. Онъ бездушенъ, онъ просто
Отблескъ стихійный наружнаго міра; что въ жизни духовной
Здѣсь происходитъ, то вовсе чуждо ему; здѣсь глядитъ онъ
Только на внѣшность одну. Замѣчая, какъ ты недоволенъ
Мной иногда бываешь, какъ я, неразумный младенецъ,

Плачу, какъ въ то же время Бертальду, случайно быть
можетъ,
Что нибудь заставляетъ смѣяться, въ своемъ безразсудствѣ
Видитъ онъ то, чему здѣсь и признака нѣтъ, колобродитъ,
Злится и въ наши дѣла незваный мѣшается; пользы
Нѣтъ отъ того ни какой, что ему я грожу и гоняю
Съ сердцемъ отсюда его; онъ мнѣ упрямый не вѣритъ;
въ бездушной,
Бѣдной жизни своей, никогда не будетъ способенъ
Онъ постигнуть того, что въ любви и страданье, и радость
Такъ плѣнительно сходны, такъ близко родня, что раз-
рознить
Ихъ ни какая сила не можетъ: съ улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы раждаютъ улыбку. И очи,
Полныя слезъ, съ улыбкой поднявши, она изъ подлобья
Робко смотрѣла Гульбранду въ лице; и все трепетанье
Прежней любви онъ почувствовалъ въ сердцѣ; Ундина
глубоко
То поняла, къ нему прижалась нѣжнѣй, и въ блаженствѣ
Радостныхъ слезъ продолжала: когда словами не можно
Намъ безтолковаго дядю Струя унять, то затворимъ
Входъ ему въ замокъ; единственный путь, которымъ
сюда онъ
Можетъ свободно всегда проникать, есть этотъ колодезь;
Онъ съ другими духами здѣшнихъ источниковъ въ ссорѣ;
Царство жъ его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
Вотъ для чего я на камнѣ, которымъ колодезь задвинутъ,
Знаки свои написала: они безпокойнаго дядю

Струя власти лишили, и онъ ни тебя, ни Бертальду
Болѣ не будетъ тревожить; онъ камня не сдвинетъ.
Но людямъ
Это легко; ты можешь исполнить желанье Бертальды;
Но, повѣрь мнѣ, она не знаетъ, чего такъ упрямо
Требуетъ; Струй на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что онъ предсказалъ мнѣ (хотя и безъ
всякой
Мысли худой отъ тебя) то и самъ ты, мой милый, не
будешь
Внѣ опасности. Рыцарь, глубоко проникнутый въ сердце
Великодушнымъ поступкомъ своей небесной Ундины,
Обнялъ ее съ горячностью прежней любви. Мы не тронемъ
Камня; отнынѣ жъ и все, что ты когда ни прикажешь,
Будетъ въ замкѣ отъ всѣхъ, какъ теперь, исполняемо
свято,
Другъ мой Ундиночка. Такъ ей рыцарь сказалъ, и Ундина,
Руку цѣлуя ему въ благодарность за милое, столько
Времени имъ позабытое слово любви, прошептала
Робко: милый мой другъ, ты нынѣ со мной такъ безмѣрно
Милостивъ, ласковъ и добръ, что еще объ одномъ по-
прошу я.
Видишь ли? Ты для меня какъ свѣтлое лѣто; въ силь-
нѣйшемъ
Блескѣ своемъ оно иногда себя покрываетъ
Огненно-грознымъ вѣнцемъ громовыхъ облаковъ и вла-
дыкой,
Истиннымъ Богомъ земли намъ является; точно таковъ ты

Кажешься мнѣ, когда, на меня прогнѣванъ бывая,
Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словомъ; и въ этомъ
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мнѣ безрасудной плакать; но слушай, другъ мой: воз-
держенъ
Будь на водахъ отъ гнѣвнаго слова со мною; единымъ
Словомъ такимъ меня передашь ты въ волю подводныхъ
Сродниковъ; мстя за обиду ихъ рода, они невозвратно
Въ море меня увлекутъ и тамъ въ продолженіе цѣлой
Жизни я буду подъ влажно-серебрянымъ сводомъ въ
неволѣ
Плакать, и мнѣ ужъ къ тебѣ не прійти; а если приду я....
Боже! то это будетъ и пуще тебѣ на погибель.
Нѣтъ, мой сладостный другъ, избавь меня отъ такого
Бѣдствія. Рыцарь торжественно далъ обѣщанье исполнить
Просьбу ее, и они съ веселымъ лицемъ возвратились
Въ горницу, гдѣ ихъ Бертальда ждала. Она ужъ успѣла
Слугъ къ колодцу послать, чтобъ они, по первому знаку
Рыцаря, камень свалили съ него. Не трогайте камня,
Холодно рыцарь сказалъ, и помните всѣ, что Ундина
Въ замкѣ моемъ одна госпожа, что ея приказанья
Святы. При этомъ словѣ Бертальда, въ лицѣ измѣнившись,
Скрылась. Вотъ ужъ и ужина часъ наступилъ, а Бертальды
Не было. Рыцарь послалъ за нею, но, вмѣсто Бертальды,
Въ спальнѣ ея опустѣвшей нашли записку на имя
Рыцаря; вотъ что стояло въ запискѣ: „вы приняли, рыцарь,
„Въ домъ свой меня, недостойную дочь рыбака, и о
низкомъ

„Родѣ своемъ я безумно забыла; за то въ наказанье
„Доброю волей иду къ отцу рыбаку, чтобъ, въ убогой
„Хижинѣ скрывшись, о счастьи земномъ не мечтать;
наслаждайтесь
„Долго имъ вмѣстѣ съ вашей прекрасной супругой.“
Ундина
Сильно была опечалена; рыцаря въ слѣдъ за Бертальдой
Стала она послылать — ея убѣжденья однако
Были не нужны; онъ самъ на то былъ готовъ. Но въ какую
Сторону ѣхать за ней? Никто объ этомъ не вѣдалъ.
Рыцарь сидѣлъ на конѣ и хотѣлъ ужъ свой путь на удачу
Выбрать, какъ вдругъ явился пастухъ и сказалъ, что
Бертальда
Встрѣтилась съ нимъ у входа Черной Долины; стрѣлою
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что въ окошко
Вслѣдъ за нимъ кричала Ундина: „не ѣзди! не ѣзди,
„Милый! постой! Гульбрандъ, берегися Черной Долины!
„Стой! назадъ! иль, Бога ради, позволь мнѣ съ собою
„Ѣхать!“.... Но рыцарь ужъ былъ далеко. Ундина по-
спѣшно
Сѣла сама на коня и одна за нимъ поскакала.

ГЛАВА XIV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА.

Эта долина, въ то время слывшая Черной Долиной,
Очень близко была отъ замка, а какъ называютъ
Нынѣче ее, неизвѣстно; тогда жъ поселяне ей имя
Черной дали за то, что глубоко средь дикихъ утесовъ,
Елями густо заросшихъ, лежала она, что кипучій,
Быстрый потокъ, на скалистомъ днѣ ущелья шумѣвшій,
Черенъ межъ елей бѣжалъ, и что небо нигдѣ голубое
Въ мутныя воды его не свѣтило. Въ сумерки стало
Вдвое темнѣй и ужаснѣй межъ елей и дикихъ утесовъ.
Рыцарь съ трудомъ пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду, и засвѣтло встрѣтиться съ нею
Онъ торопился; по всѣмъ сторонамъ съ напряженнымъ вниманьемъ
Взоръ обращалъ онъ, и сердце въ немъ билось сильнѣй; онъ со страхомъ
Думалъ: что будетъ съ нею, если заблудится въ этомъ

Дикомъ мѣстѣ, ночью, и въ грозу, которая черной,
Тяжкой тучей шла на долину? Вдругъ показалось
Бѣлое что-то ему въ потемкахъ, на склонѣ утеса;
Онъ подумалъ, что было то платье Бертальды, и шпорить
Началъ коня; но конь захрапѣлъ, упёрся и, уши
Чутко поднявъ, не шелъ ни назадъ ни впередъ; чтобъ напрасно не тратить
Времени, рыцарь спрыгнулъ съ сѣдла, къ опрокинутой вѣтромъ
Ели коня привязалъ, и пѣшій впередъ пробираться
Началъ кустами; онъ спотыкался; упорныя вѣтви
Били его по лицу, и какъ будто нарочно сплетались
Сѣтью, чтобъ далѣ не могъ онъ итти; онъ ломалъ ихъ, а небо
Тою порою все болѣ и болѣ мрачилось, и глухо
Громъ гремѣлъ по горамъ, и все кругомъ становилось
Страннымъ такимъ, что онъ ужъ и робость чувствовать началъ,
Глядя на бѣлый образъ, къ которому ближе и ближе
Все подходилъ и который лежалъ на землѣ неподвижно.
Съ духомъ собравшись, къ нему наконецъ подступилъ онъ; сначала
Сучьями тихо потрясъ, мечемъ позвенѣлъ — ни какого
Нѣтъ отвѣта. Бертальда! Бертальда! онъ началъ сначала
Тихо, потомъ все громче и громче кликать — отвѣта
Все ему нѣтъ. Наконецъ закричалъ онъ такъ громко, что эхо

Вмѣстѣ съ нимъ закричало повсюду: Бертальда! — напрасно;
То же молчанье. Тогда онъ къ ней наклонился; но, было
Такъ ужъ темно́, что не могши по́дъ носомъ видѣть, пригнулся
Къ самой землѣ онъ лицемъ, и въ эту минуту сверкнула
Яркая молнія; все освѣтилось, и что же въ блескѣ увидѣлъ
Рыцарь? Подъ самымъ лицемъ его отразилась изъ черной
Тмы безобразно-свирѣпая харя, и голосъ осиплый
Взвылъ: поцѣлуйся со мной, пастушекъ дорогой! Приведенный
Въ ужасъ, кинулся рыцарь назадъ; но свирѣпая харя
Съ визгомъ и хохотомъ кинулась вслѣдъ. „За чѣмъ ты? Куда ты?
Духи на волѣ! назадъ! убирайся! иль будешь ты нашимъ!“
Вотъ что выла она, и длинныя руки хватали
Рыцаря. Струй проклятый! (Гульбрандъ закричалъ ободрившись)
Это твои проказы! постой, я тебя поцѣлую!
Сильно онъ треснулъ по харѣ мечемъ; она разлетѣлась
Въ брызги, и рыцарь пѣной, шипящей какъ хохотъ, былъ о́блитъ
Весь съ головы до ногъ; тогда объяснилося, съ кѣмъ онъ
Дѣло имѣлъ. „Меня удержать онъ, я вижу, намѣренъ,
Рыцарь громко сказалъ; онъ думаетъ, я испугаюсь
Шутокъ бѣсовскихъ его и Бертальду бѣдную брошу
Злому духу во власть. Демонъ бездушный не знаетъ,
Какъ всемогущъ человѣкъ своей непреклонною волей!“

Самъ онъ почувствовалъ истину словъ сихъ; новая бодрость
Въ немъ родилась, и какъ будто бы счастіе съ этой минуты
Стало съ нимъ заодно: къ своему коню возвратиться
Онъ еще не успѣлъ, какъ ужъ явственно, сдѣлался слышенъ
Жалобный голосъ Бертальды, зовущей на помощь сквозь шумный
Вѣтеръ и говоръ грозы, подходившей часъ отъ часу ближе.
Онъ полетѣлъ на крикъ и увидѣлъ Бертальду. Изъ страшной
Черной Долины силяся выйти, она по крутому
Боку ея тащилася къ верху; тутъ заступилъ ей
Рыцарь дорогу; и какъ ни твердо, въ своей оскорбленной
Гордости, прежде рѣшилась она на побѣгъ, но встрѣтить Гульбранда
Было ей радостно; ужасъ, испытанный ею въ дорогѣ,
Сердце ея усмирилъ, а свѣтлая жизнь въ безмятежномъ
Замкѣ такъ ласково руки къ ней простирала, что рыцарь
Тотчасъ ее за собою итти убѣдилъ. Но Бертальда
Силы почти не имѣла; Гульбрандъ съ большимъ затрудненьемъ
Могъ ее до коня своего довести; и помочь ей
Сѣсть на сѣдло онъ хотѣлъ, чтобъ, коня отвязавъ, за собою
Весть его въ поводахъ; но конь, испуганный Струемъ,
Былъ какъ звѣрь: онъ злился, храпѣлъ, на дыбы подымался,
Задомъ и передомъ билъ; Бертальдѣ даже и близко
Было нельзя подойти. Пошли пѣшкомъ: осторожно

Рыцарь спутницу подъ руку велъ, а коня за собою
Силой тащилъ за узду; Бертальда едва подвигала
Ноги и, какъ ни боролась съ собой, но усталость давила
Члены ея какъ свинецъ; а буря, ударъ за ударомъ
Грома, сверканіе молніи, шумъ деревьевъ во мракѣ,
Злая игра привидѣній.... словомъ, Бертальда, сліяньемъ
Ужасовъ сихъ изнуренная, пала на землю; и въ то же
Время рыцаревъ конь, какъ будто взбѣсившійся, началъ
Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь, чтобъ въ
Бертальду
Онъ не ударилъ, хотѣлъ отъ нея отойти; но Бертальда
Съ воплемъ его начала умолять, чтобъ остался. На
волю жъ
Злаго коня пустить онъ не смѣлъ: онъ боялся, что этотъ
Дикій звѣрь, набѣжавъ на лежащую, тяжкимъ копытомъ
Грянетъ въ нее: короче, на что рѣшиться, что дѣлать
Рыцарь не зналъ. И вдругъ онъ обрадованъ былъ не-
далекимъ
Стукомъ колесъ: каменистой дорогой, онъ слышалъ,
тащилась
Фура. Гульбрандъ закричалъ, чтобъ имъ помогли; гру-
боватый
Голосъ мужскій откликнулся; скоро въ потемкахъ мельк-
нули
Двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними погонщикъ
Роста огромнаго, въ бѣломъ плащѣ; и фура покрыта
Бѣлой холстиной была, какъ всѣ повозки съ товаромъ.
Стойте, клячи! крикнулъ погонщикъ, и лошади стали.

Онъ подошелъ къ Гульбранду, который съ конемъ одичалымъ
Все еще бился. „Я вижу въ чемъ дѣло, сказалъ онъ, съ моими
Бѣлыми то же случилось, когда я въ первый разъ съ возомъ
Этой долиной тащился; здѣсь гнѣздится какой-то
Бѣсъ водяной: онъ великій проказникъ, проѣзжимъ покоя
Нѣтъ отъ него; но мнѣ удалося свѣдать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадкѣ
На ухо.“ — Дѣлай, что хочешь, но только скорѣе, воскликнулъ
Рыцарь, кипя нетерпѣньемъ. — Погонщикъ, какъ слабую вѣтку,
Вытянулъ шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
Въ ухо ему шепнулъ, и какъ вкопанный сталъ онъ, лишь только
Жарко пыхтѣлъ и паръ отъ него подымался. Не время
Было Гульбранду распрашивать, какъ совершилося чудо;
Онъ убѣдилъ погонщика взять въ повозку Бертальду,
Самъ же хотѣлъ провожать ее на конѣ; но усталый
Конь едва шевелилъ погами. Садитесь-ка, рыцарь,
Въ фуру и вы, погонщикъ сказалъ; дорога отсюда
Пóдъ гору будетъ; коня же привяжемъ сзади повозки.
Рыцарь сѣлъ съ Бертальдою въ фуру, коня привязали
Сзади, бичемъ захлопалъ погонщикъ, дернули дружно
Лошади, фура поѣхала. Было темнó; утихая,
Глухо вдали гремѣла гроза; въ усладительно-мирномъ

Чувствѣ своей безопасности, въ сладкомъ покоѣ, въ волшебномъ
Мракѣ ночи, свободѣ рѣчей благосклонномъ, межъ ними
Скоро сердечный, живой разговоръ начался: въ выраженьяхъ
Ласковыхъ рыцарь Бертальдѣ пенялъ за побѣгъ. Торопливо,
Трепетнымъ голосомъ, вся въ волненьи Бертальда проступокъ
Свой извиняла, и рѣчи ея таинственно-ясны
Были, какъ свѣтъ лампады, когда онъ во мракѣ отъ милой
Милому знакъ подаетъ, что его ожидаютъ. Рыцарь
Былъ въ упоеньи. Но вдругъ пробудилъ ихъ погонщикомъ голосъ:
„Клячи, тяните живѣе! (кричалъ онъ) дружно! бѣда намъ!“
Рыцарь поспѣшно изъ фуры выглянулъ — что жъ онъ увидѣлъ?
Лошади, по брюхо въ мутной водѣ, не шагали, а плыли;
Не было видно колесъ: онѣ, какъ на мельницѣ, съ шумомъ,
Съ пѣной и съ брызгами рѣзали волны; погонщикъ на козлы
Взлѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужъ въ водѣ по колѣно.
Что за дорога такая, спросилъ у погонщика рыцарь?
Прямо идетъ въ середину потока. — „Напротивъ! погонщикъ
Съ смѣхомъ сказалъ: потокъ идетъ въ середину дороги;
Видите сами; это сущій потопъ; мы пропали.“

Подлинно, вся глубина долины кипѣла волнами;
Выше и выше онѣ подымались. — Это злодѣй нашъ
Струй! утопить насъ онъ хочетъ, рыцарь воскликнулъ; товарищъ,
Нѣтъ ли и противъ него у тебя какого словечка? —
„Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да надобно прежде
Свѣдать вамъ, кто я и какъ прозываюсь!“ — Не время загадки
Намъ загадывать, рыцарь сказалъ, вода прибываетъ;
Имя твое здѣсь не нужно. — „А такъ-то не нужно, погонщикъ
Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ, что, просимъ не гнѣваться, самъ я
Струй!“ — И ужасную харю свою онъ уставилъ въ повозку....
Но повозка ужъ болѣ была не повозка, ужъ были
Лошади болѣ не лошади; все разлетѣлось, расшиблось
Въ пѣну, въ шипучую воду, и самъ погонщикъ поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно
Рвался и бился, умчалъ за собой въ глубину, и ужасно
Началъ снова расти и расти, и горой водяною
Выросъ, и былъ ужъ готовъ на Бертальду и рыцаря, силой
Волнъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ громадой своей задавить ихъ....
Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически-сладостный голосъ раздался;
Вышелъ изъ облака мѣсяцъ, и въ свѣтѣ его надъ долиной явился

Образъ Ундины; она погрозила волнамъ — и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣжала;
Въ блескѣ мѣсяца мирно потокъ заструился; и бѣлымъ
Голубемъ свѣяла тихо Ундина въ долину; и, руку
Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на муравчатый берегъ
Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули; Ундининъ
Конь былъ отданъ Бертальдѣ; за нею пѣшкомъ потихоньку
Рыцарь съ женою пошли; и такъ возвратились всѣ въ замокъ.

ГЛАВА XV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ѢЗДИЛИ ВЪ ВѢНУ.

Съ этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно
Въ замкѣ Рингштеттенѣ. Рыцарь все чувствовалъ болѣ и болѣ
Прелесть небесную добраго сердца Ундины, забывшей
Все для спасенья соперницы. Въ доброй Ундинѣ
Всякая память о прошломъ исчезла: она беззаботнымъ
Сердцемъ любила, и зная, что шла прямою дорогой,
Ясную въ немъ питала довѣренность; все въ настоящемъ
Было ей радостно; въ будущемъ все улыбалось. Бертальда,
Снова ей съ прежней любовью всю душу отдавъ, благодарной,
Кроткой и нѣжной являлась; короче, замокъ Рингштеттенъ
Сталъ обителью свѣтлаго счастья. Дни пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима миновалась;

Вотъ и весна съ благовонно-зеленой своей муравою,
Съ свѣтло-лазоревымъ небомъ своимъ улыбнулась веселымъ
Жителямъ замка; стало на сердцѣ ихъ радостно, стало и смутно.
Что жъ тутъ дивиться, если, при видѣ, какъ въ воздухѣ вешнемъ
Нитью вились журавли и легкія ласточки мчались,
Стало и ихъ позывать въ далекую даль. Разъ случилось
Рыцарю вмѣстѣ съ женой и Бертальдой въ прекрасное утро
Около свѣтлыхъ истоковъ Дуная гулять; имъ объ этой
Славной рѣкѣ онъ разсказывалъ много: какъ протекала
Пышнымъ, широкимъ потокомъ она по землямъ благодатнымъ,
Какъ на ея берегахъ прекрасная Вѣна сіяла,
Какъ по ней величаво ходили суда, какъ бѣжали
Мимо плывущихъ назадъ берега, услаждая ихъ очи
Зрѣлищемъ пажитей, нивъ, городовъ и рыцарскихъ замковъ.
„О! сказала Бертальда, какъ было бы весело съѣздить
Въ Вѣну водой“.... но опомнясь, она покраснѣла, и взоры
Робко потупила. Милымъ ея смущеньемъ Уидина
Тронувшись, руку ей подала, и въ ней загорѣлось
Сильно желанье утѣшить подругу свою. Да зачѣмъ же
Дѣло стало, сказала она? Ничто не мѣшаетъ
Съѣздить намъ въ Вѣну. Бертальда запрыгала съ радости. Вмѣстѣ

Стали они учреждать поѣздку свою, и заранѣ
Тѣмъ, что представится имъ на пути, восхищались. И рыцарь
Съ ними былъ заодно; Ундинѣ однако шепнулъ онъ:
„Вспомни о Струѣ; вѣдь онъ могучъ на Дунаѣ.“ Не бойся,
Съ смѣхомъ сказала Ундина; пускай онъ попробуетъ сдѣлать
Что нибудь съ нами; я тутъ! при мнѣ ужъ никакъ колобродить
Онъ не посмѣетъ. Отвѣтомъ такимъ уничтожены были
Всѣ затрудненья и съ бодрымъ духомъ, съ веселой надеждой
Стали готовиться въ путь. Но скажите мнѣ, добрые люди,
Все ли сбывается такъ на землѣ, какъ надежда сулитъ намъ?
Хитрая Власть, стерегущая насъ для погибели нашей,
Сладкія пѣсни, чудныя сказки подмѣченной жертвѣ
На ухо часто поетъ, чтобъ ее убаюкать. Напротивъ
Часто спасительный Божій посланникъ громко и страшно
Въ двери наши стучится. Какъ бы то ни было, наши
Путники весело плыли въ первые дни по Дунаю:
День ото дня рѣка становилася шире и виды
Пышныхъ ея береговъ живописнѣй. Но вдругъ — и на самомъ
Чудно-прелестномъ мѣстѣ — открылъ свои нападенья
Бѣшеный Струй; то были сначала простыя помѣхи
(Волны бурлили безъ вѣтра; вѣтеръ отвсюду, мѣняясь,
Дулъ и судно качалъ); но Ундина одною угрозой,

Словомъ сердитымъ однимъ на воздухъ и въ воды смиряла
Силу врага; то было однако не надолго: снова
Онъ гомозился, и снова Ундина его унимала;
Словомъ сказать, веселость дороги разстроилась — вовсе.
Въ то же время, гребцы, дивяся тому, что въ глазахъ ихъ
Дѣлалось, между собою часто шептались; и скоро
Стали на все съ подозрѣньемъ посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, дикимъ и робкимъ
Взоромъ слѣдили господъ; а Гульбрандъ, задумавшись грустно,
Самъ про себя говорилъ: таково-то бываетъ, какъ скоро
Здѣсь неровные сходятся; худо, если вступаетъ
Въ грѣшный союзъ земной человѣкъ съ женой водяною.
Вотъ что однако себѣ въ утѣшенье твердилъ онъ: вѣдь прежде
Самъ я не вѣдалъ, кто она; правда, тяжко порою
Мнѣ приходитъ отъ этой бѣсовской родни; но мое здѣсь
Горе, вина жъ не моя. Хотя иногда и вливалъ онъ
Нѣсколько бодрости въ душу свою такимъ разсужде-ньемъ,
Но за то съ другой стороны все болѣ и болѣ
Противъ бѣдной Ундины былъ раздражаемъ. То слишкомъ,
Слишкомъ она понимала, и въ смертную робость угрюмый
Рыцаревъ видъ ее приводилъ. Утомленная страхомъ,
Горемъ и гщетной борьбой съ необузданнымъ Струемъ, присѣла
Подъ вечеръ къ мачтѣ она, и движеніе тихо плывущей

Лодки ее укачало: она погрузилась въ глубокій
Сонъ. Но едва на мгновенье одно успѣли закрыться
Свѣтлые глазки ея, какъ вдругъ передъ каждымъ изъ бывшихъ
Въ лодкѣ, въ той сторонѣ, куда онъ смотрѣлъ, появилась,
Вынырнувъ съ шумомъ изъ водъ, голова съ растворенным зубастымъ
Ртомъ, и кривлялась, выпучивъ страшно глаза. Закричали
Разомъ всѣ; отразился на каждомъ лицѣ одинакій
Ужасъ, и каждый въ свою указывалъ сторону съ крикомъ:
Здѣсь! сюда посмотри! И изъ каждой волны создалася
Вдругъ голова съ ужаснымъ лицемъ, и поверхность Дуная
Вся какъ будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
Щелкала множествомъ зубъ, хохотала, гремѣла, шипѣла,
Шикала. Крикъ разбудилъ Ундину, и вмигъ при возрѣньи
Гнѣвномъ ея пропали страшилища всѣ. Но рыцарь ужасно
Былъ раздраженъ; съ умоляющимъ взглядомъ Ундина сказала:
Ради Бога, здѣсь на водахъ меня не брани ты.
Онъ умолкнулъ, сѣлъ и задумался. Другъ мой, шепнула
Снова Ундина, не лучше ль намъ далѣ не ѣздить? Не лучше ль
Въ замокъ Рингштеттенъ обратно отправиться? Въ замкѣ
Будемъ спокойны. — „И такъ, проворчалъ нахмурившись рыцарь,
Въ собственномъ домѣ своемъ осужденъ я жить, какъ невольникъ!

Только до тѣхъ поръ и можно дышать мнѣ, пока на колодцѣ
Будетъ камень! Чтобъ этой проклятой роднѣ“.... Но Ундина
Рѣчь его перебила, съ улыбкой ему наложивши
На губы руку. Опять замолчалъ онъ, вспомнивъ о данномъ
Имъ обѣщаньи Ундинѣ. Въ эту минуту Бертальда,
Въ мысляхъ о томъ, что дѣлалось съ ними, сидѣла на краѣ
Лодки и въ воды глядѣла; сама того не примѣтивъ,
Съ шеи своей она сняла ожерелье, подарокъ
Рыцаря; имъ водила она по поверхности ровныхъ
Водъ, любуясь, какъ будто сквозь сонъ, сверканьемъ жемчужныхъ
Зеренъ въ прозрачной, вечернимъ лучемъ орумяненной влагѣ.
Вдругъ разступилась вода, и кто-то, огромную руку
Высунувъ, ею схватилъ ожерелье и быстро пропалъ съ нимъ.
Вскрикнула громко Бертальда и хохотъ пронзительный грянулъ
Отзывомъ крика ея по водамъ. Тутъ болѣе рыцарь
Гнѣва не могъ удержать; онъ вскочилъ въ изступленьи и въ рѣку
Началъ кричать, вызывая на битву съ собой всѣхъ подводныхъ
Демоновъ, Никсъ и Сиренъ; а Бертальда своимъ безутѣшнымъ
Плачемъ о милой утратѣ и пуще его раздражала.

Тою порою Ундина, къ рѣкѣ наклонясь, окунула
Руку въ прозрачныя волны и что-то надъ ними шептала;
Но поминутно она прерывала свой шопотъ, Гульбранду
Голосомъ нѣжнымъ твердя: возлюбленный, милый, по-
думай,
Гдѣ мы; брани ихъ, какъ хочешь; со мной же ни слова;
ни слова,
Ради Бога, со мною одною; ты знаешь. И рыцарь,
Какъ ни былъ раздраженъ, но ее пощадилъ. Вдругъ
Ундина
Вынула влажную руку изъ водъ, и въ ней ожерелье
Было изъ чудныхъ коралловъ; своимъ очарованнымъ
блескомъ
Всѣхъ ослѣпило оно. Его подавая Бертальдѣ,
Вотъ что (сказала она) для тебя изъ рѣки мнѣ прислали,
Другъ мой, въ замѣну потери твоей. Возьми же и полно
Плакать. Но рыцарь въ бѣшенствѣ кинулся къ ней,
ожерелье
Вырвалъ, швырнулъ въ Дунай и воскликнулъ: ты съ ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! пропади ты
Вмѣстѣ съ своими подарками, вмѣстѣ съ своею роднею!
Сгинь, чародѣйка, отъ насъ, и оставь насъ въ покоѣ!....
Съ рукою,
Все еще поднятой вверхъ, какъ держала она ожерелье,
Блѣдная, страхомъ убитая, взоръ неподвижный, но полный
Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина его слова ро-
ковыя
Слушала; вдругъ начала, какъ милый ребенокъ, который

Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ тяжкимъ рыданьемъ
Плакать, и вотъ что сказала потомъ истощеннымъ отъ горя
Голосомъ: ахъ, мой сладостный другъ! ахъ, прости невозвратно!
Ихъ не бойся; останься лишь вѣренъ, чтобъ было мнѣ можно
Зло отъ тебя отвратить. Но меня уводятъ; отсюда
Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь.... о мой милый,
Что ты сдѣлалъ! ахъ, что ты сдѣлалъ! о горе! о горе!....
Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку ускользнула:
Въ воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилася,
Въ лодкѣ никто не примѣтилъ; было и то и другое,
Было ни то ни другое. Слѣда не оставивъ, въ Дунаѣ
Вся распустилась она; но долго мелкія струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и вслухъ доходили
Внятно, какъ будто слова: о горе! будь вѣренъ! о горе!...
Съ жалобнымъ крикомъ рыцарь упалъ, и обморокъ сильный
Душу ему на минуту отвелъ отъ тяжелыя муки.

ГЛАВА XVI.

О ТОМЪ, ЧТО ПОСЛѢ СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ.

Какъ намъ, читатель, сказать: къ сожалѣнью иль къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потерянным благомъ сливаетъ
Насъ воедино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много инаго, чужаго
Между утратою нашей и нами ужѐ протѣснилось;
Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой

Нашей печали мы видимъ.... и такъ, скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго. Это и рыцарь
Такъ же извѣдалъ — къ худу ль, къ добру ль своему,
мы увидимъ.
Онъ сначала только и могъ, что плакать, такъ горько
Плакать, какъ плакала бѣдная, кроткая, ангелъ доброты,
Ундина,
Стоя въ лодкѣ, когда онъ отнялъ у ней ожерелье,
Коимъ она все поправить такъ мило хотѣла; потомъ онъ
Такъ же и руку вверхъ подымалъ, какъ Ундина, и снова
Плакалъ, и весь изойти слезами хотѣлъ. И Бертальда
Вмѣстѣ съ нимъ плакала искренно, горько. Другъ подлѣ
друга
Въ замкѣ Ринтштеттенѣ тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины, и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. Къ тому же въ это время случалось
Часто и то, что Гульбранда во снѣ посѣщала Ундина:
Грустно къ постелѣ его подходила она, и смотрѣла
Пристально въ очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потомъ назадъ уходила, такъ, что, проснувшись,
Самъ онъ навѣрно не зналъ, его ли, ея ли слезами
Были такъ влажны щеки его. Но вотъ напослѣдокъ
Эти сны объ Ундинѣ стали часъ отъ часу рѣже;
Стало на сердцѣ рыцаря тише; въ немъ скорбь призаснула.
Но, быть можетъ, что онъ для себя ничего и придумать
Въ жизни не могъ бы инаго, какъ только, чтобъ па-
мять Ундины
Вѣрно хранить и объ ней горевать, когда бъ не явился

Въ замкѣ нашъ честный, старый рыбакъ, и не сталъ отъ Гульбранда
Требовать дочери. Свѣдавъ по слуху о томъ, что съ Ундиной
Сдѣлалось, долѣ терпѣть онъ ужѐ не хотѣлъ, чтобъ Бертальда
Въ замкѣ одномъ жила съ неженатымъ. „Рада ль, не рада ль
Будетъ мнѣ дочь, о томъ я теперь и знать не желаю,
Онъ говорилъ, но гдѣ о честномъ имени дѣло,
Тамъ разбирать ужъ нельзя.“ Съ приходомъ его пробудилось
Въ рыцарѣ прежнее чувство, имъ позабытое вовсе
Въ горѣ по милой Ундинѣ; при томъ же его ужаснула
Мысль: одному въ опустѣвшемъ замкѣ остаться. Но много
Противъ брака съ Бертальдой отецъ говорилъ въ возраженье:
„Точно ль Ундины на свѣтѣ не было? Впрочемъ — на днѣ ли
„Влажномъ Дуная тѣло ея неотпѣтымъ лежало,
„Море ль его безъ пріюта носила своими волнами —
„Все Бертальда отчасти ея безвременной, жалкой
„Смерти причиной была, и великій грѣхъ заступить ей
„Мѣсто бѣдной жены, отъ нея пострадавшей.“ Хоть это
Было и правда, но рыцарь стоялъ на своемъ; напослѣдокъ,
Съ нимъ согласившись, рыбакъ остался въ замкѣ. И тотчасъ
Былъ отправленъ гонецъ за отцемъ Лаврентіемъ съ зовомъ

Въ замокъ Рингштеттенъ: Гульбранду хотѣлось, чтобъ тотъ же, кѣмъ первый
Бракъ съ Ундиной его въ счастливые дни совершенъ былъ,
Нынѣ и съ новой женою его сочеталъ. Но священникъ,
Съ страхомъ какимъ-то посланника выслушавъ, тотчасъ
Въ путь отправился; день и ночь, не смотря на усталость —
Было ль ненастье иль ясное время — онъ шелъ. Помоги мнѣ,
Господи, зло отвратить, онъ молился. И вотъ напослѣдокъ
Вечеромъ позднимъ однимъ онъ вступилъ на дворъ, осѣненный
Старыми липами, замка Рингштеттена. Рыцарь съ невѣстой,
Веселы, рядомъ съ ними рыбакъ, задумчивъ, подъ тѣнью
Липъ сидѣли. Увидя отца Лаврентія, рыцарь
Съ радостнымъ крикомъ вскочилъ, и всѣ его окружили.
Но священникъ былъ молчаливъ, прискорбенъ; хотѣлъ онъ
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь, какъ будто
Вѣсть худую предчувствуя, медлилъ вступить въ особливый
Съ нимъ разговоръ. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: таиться
Здѣсь мнѣ не нужно; до всѣхъ васъ касается то, что скажу я;
Слушайте жъ, рыцарь. Точно ль увѣрены вы, что супруга
Ваша скончалась? Мнѣ не вѣрится это. Хоть много
Было разной молвы и объ ней самой и о родѣ
Чудномъ ея — что правда, что нѣтъ, я не знаю — но знаю

То, что она была добронравной, вѣрной, смиренной,
Благочестивой женою; а вамъ я скажу, что съ недавнихъ
Поръ она по ночамъ начала мнѣ являться: приходитъ,
Плачетъ, ломаетъ руки, вздыхаетъ и все говоритъ мнѣ:
„Честный отецъ, удержи ты его; я жива; о, спаси ты
Тѣло ему! о, спаси ты душу ему!“.... И сначала
Самъ я понять не умѣлъ, чего хотѣло видѣнье:
Вдругъ посольство отсюда — и здѣсь я; но я не для брака
Здѣсь, для развода. Гульбрандъ, откажись отъ Бертальды; Бертальда,
Рыцарь не можетъ быть мужемъ тебѣ, имъ владѣетъ другая.
Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, или вашъ бракъ вамъ не будетъ на радость.
Рыцарь съ досадою выслушалъ старца Лаврентія; долго
Спорили жарко они; напослѣдокъ Патеръ съ сердитымъ
Видомъ изъ замка ушелъ, не желая и ночи единой
Въ немъ провести. Гульбрандъ, увѣривъ себя, что священникъ
Былъ сумасбродъ и мечтатель, послалъ въ монастырь, по сосѣдству
Съ замкомъ лежавшій, за Патеромъ; тотъ безъ труда согласился
Бракъ совершить, и день для обряда былъ тутъ же назначенъ.

ГЛАВА XVII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ВИДѢЛЪ СОНЪ.

Было врѐмя межъ утра и ночи, когда на постелѣ
Рыцарь, сонный не сонный, лежалъ. Ужѐ забываться
Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ невидимкой, ужасное
что-то
Стало; и онъ очнулся, какъ будто услышавъ какой-то
Голосъ, шепнувшій: къ тебѣ подошелъ посѣтитель без-
плотный,
Силиться сталъ онъ, чтобъ вовсе проснуться; но вотъ
онъ услышалъ
Снова: какъ будто надъ нимъ и подъ нимъ лебединыя
крылья
Вѣяли, волны журчали и пѣли; и онъ, утомленный,
Въ сладкой дремотѣ опять упалъ головой на подушку.
Вотъ наконецъ и подлинно сонъ овладѣлъ имъ; и началъ
Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ слышанный шумъ
лебединыхъ
Крыльевъ крыльями сталъ, что будто его подхватили

Эти крылья и съ нимъ надъ землей и водой полетѣли
Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звонкимъ стенаніемъ.
„Стонъ лебединый!
Стонъ лебединый! (себѣ непрестанно твердилъ по неволѣ
Сонный рыцарь) вѣдь онъ предвѣщаетъ намъ смерть.“
И казаться
Стало ему, что подъ нимъ Средиземное Море; и лебедь,
Слышалось, пѣлъ: разступись, озарись, Средиземное Море.
Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя воды стали прозрачнымъ,
Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ насквозь до самаго дна ихъ
Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Ундину; подъ свѣтлымъ, кристальнымъ
Сводомъ сидѣла она и плакала горько; и было ужъ много,
Много въ ея лицѣ перемѣны; не та ужъ Ундина
Это была, съ которою, въ прежнее время, такъ счастливъ
Былъ онъ въ замкѣ Рингштеттенъ: очи, столь ясныя прежде,
Были тусклы, щеки впалы, болѣзненъ былъ образъ.
Все то рыцарь замѣтилъ; но ею самой онъ, казалось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подошелъ къ ней, рыцарь увидѣлъ,
Струй, какъ будто съ упрекомъ за то, что такъ безутѣшно
Плакала; тутъ Ундина съ такимъ повелительнымъ видомъ
Встала, что Струй передъ нею какъ будто смутился.
„Хотя я
Здѣсь подъ водами живу, сказала она, но съ собою
Я принесла и душу живую; о чемъ же такъ горько

Плачу; того тебѣ никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому, кто имѣетъ
Вѣрную душу.“ — Струй, покачавъ головою съ сомнѣньемъ,
Началъ о чемъ то думать, потомъ сказалъ: ты, какъ хочешь,
Чванься своею живою душею, но все ты подъ властью
Нашихъ стихійныхъ законовъ, и все ты обязана строгій
Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ ту минуту, когда онъ
Вѣрность нарушитъ тебѣ и женится снова. — „Но въ этотъ
Мигъ онъ еще вдовецъ, отвѣчала Ундина, и грустнымъ
Сердцемъ любитъ меня.“ — Вдовецъ, я не спорю, со смѣхомъ
Струй отвѣчалъ; но онъ и женихъ, а скоро и мужемъ
Будетъ; тогда ужъ ты, не прогнѣвайся, съ нашимъ посольствомъ,
Хочешь, не хочешь, пойдешь; а это посольство, сама ты
Знаешь како — смерть. — „Но знаю и то, что не можно
Въ замокъ Рингштеттенъ войти мнѣ, сказала съ улыбкой Ундина;
Камень лежитъ на колодцѣ“ — А если онъ выйдетъ изъ замка,
Струй возразилъ? А если велитъ онъ камень съ колодца
Сдвинуть? Вѣдь онъ объ этихъ бездѣлкахъ забылъ. — „Для того-то,
Съ ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, и летаетъ
Духомъ теперь онъ поверхъ Средиземнаго Моря, и слышитъ
Сонный все то, что мы съ тобой говоримъ; я нарочно

Это устроила такъ, чтобъ онъ остерегся.“ — Примѣтя
Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ ногой, кувыркнулся
Въ волны, и быстро уплылъ, раздувшись отъ ярости
китомъ.
Лебеди снова, со звономъ, со стономъ начали вѣять,
Начали рѣять; и снова рыцарю видѣться стало,
Будто летитъ онъ, летитъ надъ горами, летитъ надъ
водами,
Будто на замокъ Рингштеттенъ слетѣлъ, и будто проснулся.
Такъ и было: проснулся Гульбрандъ у себя на постелѣ.
Въ эту минуту вошелъ кастелянъ объявить, что близъ
замка
Встрѣченъ былъ Патеръ Лаврентій, что онъ въ лѣсу
недалеко
Сдѣлалъ себѣ изъ сучьевъ шалашъ и въ немъ поселился. —
Мнѣ на вопросъ, зачѣмъ онъ живетъ здѣсь, когда отказался
Рыцаревъ бракъ освятить, отвѣчалъ онъ: „развѣ одни лишь
„Браки должны освящать мы? Другіе нерѣдко обряды
„Намъ совершать случается. Если не могъ пригодиться
„Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье
„Можетъ легко перейти въ гореванье. И такъ, кто имѣетъ
„Очи, да видитъ: кто уши имѣетъ, да слышитъ.“ —
Въ раздумьи
Долго рыцарь сидѣлъ, вспоминая свой сонъ и значенье
Словъ отца Лаврентія силясь понять; но, пришедши
Къ милой невѣстѣ, онъ все позабылъ, разгулялся, и снова
Сдѣлался веселъ, и все осталось по-прежнему въ замкѣ.

ГЛАВА XVIII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛЪ СВАДЬБУ.

Если разсказывать мнѣ, читатель, подробно, каковъ былъ
Въ замкѣ Рингштеттенѣ свадебный пиръ, то будетъ съ тобою
То же, какъ если бы вдругъ ты увидѣлъ множество всякихъ
Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ траурнымъ флеромъ и въ этомъ
Злую насмѣшку нашелъ надъ ничтожностью счастья земнаго.
Правда, въ этотъ свадебный день ничего не случилось
Страшнаго въ замкѣ — духамъ водянымъ, ужъ это мы знаемъ,
Было проникнуть въ него нельзя — но со всѣмъ тѣмъ нашъ рыцарь,
Гости, рыбакъ и даже служители были всѣ какъ-то
Смутны; казалося всѣмъ, что на праздникѣ съ ними кого-то

Главнаго нѣтъ, и что этимъ главнымъ никто ужъ не
могъ быть
Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми любимой Ундины.
Всякій разъ, когда отворялися двери, невольно
Всѣ на нихъ обращали глаза и ждали; когда же,
Вмѣсто желанной, являлся иль съ блюдомъ дворецкій,
иль ключникъ
Съ кубкомъ вина благороднаго, каждый печально въ
тарелку
Взоръ опускалъ, и сидѣлъ безгласенъ, какъ будто бы
въ грустной
Думѣ о прошломъ. Всѣхъ веселѣе была молодая;
Но и ей самой какъ будто совѣстно было
Въ брачномъ зеленомъ вѣнцѣ, въ жемчугахъ и въ бо-
гатомъ вѣнчальномъ
Платьѣ на первомъ мѣстѣ сидѣть, тогда, какъ Ундина
„Трупомъ, еще неотпѣтымъ, на днѣ Дуная лежала,
„Или носима была безъ пріюта морскими волнами.“
Эти отцевы слова и прежде мутили ей сердце;
Тутъ же онѣ отзывались въ ушахъ ея безпрестанно.
Рано гости оставили замокъ, и каждый съ какимъ-то
Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ къ себѣ, молодая
Такъ же къ себѣ — раздѣваться. Кругомъ новобрачной
Были прислужницы. Вотъ, чтобъ немного свои поразсѣять
Черныя мысли, Бертальда велѣла подать дорогіе
Перстни, жемчужныя никти и платья, рыцаремъ къ свадьбѣ
Ей подаренные; стала примѣривать то и другое.
Льстя ей, прислужницы вслухъ восхищались ея красотою;

Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ, Бертальда смотрѣлась
Въ зеркало; вдругъ сказала: ахъ! Боже! какая досада!
Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а можно бъ
Тотчасъ согнать ихъ; стоило бъ только водой изъ колодца
Нашего разъ обтереться; ахъ! если бъ мнѣ нынѣче жъ
хоть кружку
Этой воды достали! — О чемъ же тутъ думать? сказала
Бросившись въ двери, одна изъ прислужницъ. — Неужто успѣетъ
Эта проказница камень поднять! съ довольной усмѣшкой
Вслѣдъ за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
Сдѣлался шумъ на дворѣ: съ рычагами къ колодцу бѣжали
Люди. Бертальда сѣла подлѣ окна и при яркомъ
Блескѣ полной луны, освѣщавшемъ дворъ замка, ей было
Видно все, что дѣлалось тамъ. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному изъ нихъ и прискорбно
Было подумать, что имъ теперь надлежало разрушить
То, что было приказано сдѣлать прежнею, доброй
Ихъ госпожею; но трудъ былъ не такъ то великъ,
какъ сначала
Думали; имъ извнутри колодца какъ будто какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили
Между собою работники: можно подумать, что бьетъ тамъ
Сильный ключъ. И въ самомъ дѣлѣ съ отверзтія камень
Самъ собой подымался; безъ всякой помоги, свободно
Сдвинулся онъ и, со стукомъ глухимъ откатясь, повалился.
Вдругъ изъ колодца что-то, какъ будто бѣлый прозрачный
Столбъ водяной, поднялося торжественно, тихо. Сначала

Подлинно бьющимъ ключемъ показалось оно, но поднявшись
Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый покровъ облеченнымъ
Женскимъ образомъ стало. И плача, и жалобно руки
Вверхъ подымая, оно медлительно, шагомъ воздушнымъ
Прямо въ замку двигалось. Въ ужасѣ всѣ отбѣжали
Прочь отъ колодца. Бертальда же, стоя въ окнѣ, цѣпенѣла,
Холодомъ страха облитая. Вотъ, когда поровнялся
Съ самымъ окошкомъ идущій образъ, сквозь покрывало
Онъ поглядѣлъ на Бертальду пронзительнымъ окомъ, съ тяжелымъ
Вздохомъ; и блѣднымъ лицемъ Ундины тогда показался
Образъ Бертальдѣ: мимо ея она, упинаясь,
Нехотя, медленно шла, какъ будто на судъ. Позовите
Рыцаря, громко вскричала Бертальда. Но всѣ въ неподвижномъ
Страхѣ стояли на мѣстѣ. Сама Бертальда, какъ будто
Собственнымъ крикомъ своимъ приведенная въ ужасъ, умолкла.
Тою порою чудесная гостья приблизилась къ двери
Замка, знакомую лѣстницу, рядъ знакомыхъ покоевъ
Тихо, молча, плача, прошла.... о такою ль бывало
Здѣсь видади ее? Въ то время еще не раздѣтый
Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ зеркаломъ. Тусклый
Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ кто-то легонько
Стукнулъ въ дверь... такъ точно, бывало, стучалась Ундина.

Все это призракъ! (сказалъ онъ) пора мнѣ въ по-
стелю. — „Въ постелѣ
Будешь ты скоро, но только въ холодной, шепнулъ за
дверями
Плачущій голосъ.“ — И въ зеркало рыцарь увидѣлъ,
какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замóкъ заперла за собою.
„Камень съ колодца сняли, она промолвила тихо;
Здѣсь я; и долженъ теперь умереть ты.“ — Холодъ,
по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать далъ, что
минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, онъ воскликнулъ:
О, не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не снимай покрывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего не являя. —
„Ахъ! она отвѣчала, развѣ еще разъ увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? Я прекрасна какъ прежде,
какъ въ оный
День, когда твоею невѣстою стала.“ — О, если бъ
Это правда была! (Гульбрандъ воскликнулъ) о, если бъ
Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя! и пускай бы
Въ немъ умереть! — „Охотно, возлюбленный мой,“
покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первыхъ, блаженныхъ
Дней предстала. И онъ, трепеща отъ любви и отъ близкой

Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ она поцѣлуемъ
Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, какъ будто
Выплакать душу хотѣла: и быстро, быстро ліяся,
Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и съ сладкой
Болью къ нему заливалися въ грудь, пока напослѣдокъ
Въ немъ не пропало дыханье и онъ не упалъ изъ прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на подушку.
Я до смерти его уплакала, встрѣченнымъ ею
Людямъ за дверью сказала Ундина, и тихимъ, воздушнымъ
Шагомъ по́ двору, мимо Бертальды, мимо стоявшихъ
Въ страхѣ работниковъ, прямо прошла къ колодцу, безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его глубину и пропала.

ГЛАВА XIX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ.

Патеръ Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ внезапно и чудно
Кончилъ жизнь владѣтель замка Рингштеттена, тотчасъ
Въ замкѣ явился; и онъ, входя на дворъ, осѣненный
Липами, встрѣтился тамъ съ монахомъ, недавно вѣнчавшимъ
Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться спѣшилъ. Такъ и должно!
Патеръ Лаврентій сказалъ, теперь моя наступила
Очередь; мнѣ помощникъ не нуженъ. Хотѣлъ онъ невѣстѣ,
Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово сказать въ подкрѣпленье;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбакъ молился и плакалъ, и, въ горѣ смиряясь,
Думалъ: оно иначе и быть не могло — то Господній

Судъ; и конечно Гульбрандова смерть ни кому не могла быть
Такъ тяжела, какъ именно той, которую съ смертной
Вѣстью прислали къ нему, отверженной, бѣдной Ундинѣ.
Стали готовить обрядъ похоронный, какъ было прилично
Сану покойника: тѣло его положить надлежало
Подлѣ церкви приходской, тамъ, гдѣ были гробницы
Предковъ его, одарившихъ множествомъ вкладовъ богатыхъ
Эту церковь. И щитъ и шлемъ ужъ лежали на кровлѣ
Гроба, чтобъ съ нимъ опуститься въ могилу, ибо нашъ рыцарь
Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, который съ нимъ вмѣстѣ
Кончился весь. И ходъ печальный уже начинался;
Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; съ длиннымъ крестомъ, во всемъ облаченьи
Патеръ Лаврентій шелъ впереди; за нимъ шла Бертальда
Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ глубокій
Трауръ и шедшихъ въ свитѣ ея, замѣтили бѣлый
Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ, тихо идущій,
Грустно потупивши голову. Страхомъ проникнутъ былъ каждый,
Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сторонились,

Пятились, такъ, что порядокъ хода разстроился. Силой
Два смѣльчака хотѣли незваного изъ ряду вывесть;
Но, отъ нихъ ускользнувши какъ легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гробомъ.
Вотъ напослѣдокъ онъ, мало по малу, мѣняяся мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ него удалиться, подлѣ
Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ
Не былъ, и сзади пошелъ смиренно-печальный. Достигнулъ
Ходъ до кладбища, и всѣ обступили могилу. Тутъ въ первый
Разъ Бертальда незваного гостя увидѣла, въ страхѣ
Стала она рукою махать, чтобъ онъ удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ головою,
Руки къ ней простиралъ и какъ будто молилъ о пощадѣ.
Вспомнила тутъ невольно Бертальда Ундину, какъ руку
Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей хотѣла
Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ подъ водами
Скрылась потомъ навсегда. Но въ это мгновеніе подалъ
Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всѣ умолкли. И стали
Гробъ опускать въ могилу, и мало по малу засыпанъ
Былъ онъ землею. Когда же совсѣмъ былъ набросанъ могильный
Холмъ, и читать послѣднюю началъ молитву священникъ,
Стала вдова на колѣни, стали и всѣ на колѣни,
Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь. Когда же

Снова всѣ встали... ужъ бѣлый образъ пропалъ; а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣнахъ, сквозь травку сочился прозрачный
Ключъ; серебристо вiясь, онъ впередъ пробирался, покуда
Всей не обвилъ могилы; тогда ручейкомъ побѣжалъ онъ
Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ поселяне
Чудную повѣсть любили прохожимъ разсказывать; долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробъ Ундина.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егера,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ Русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей Италійскихъ,
Встаютъ съ Африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сертукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція* тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ *Святая Елена.*
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ Императоръ усопшій.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота)
деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ по-
койно;
Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко!.... И только успѣла Суббота про-
молвить:
„Полночь!“ а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ без-
молвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье;
Легкой рукою, тихохонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись,
какъ будто

Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой
Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ — тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шепотъ. Зайдетъ на кладбище — могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышетъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ — и тамъ все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ Иконой, стоитъ, какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. — Спокойно на паперти сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тмы и молчанья, чтобъ утро

На небѣ тронулось.... тронулось утро; во тму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть.... пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
„Солнышко, встань!“... И разомъ подернулся блѣдной струёю
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая....
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ
„Доброе утро!“ всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ — и въ одеждѣ Воскресной
Старый и малый идутъ на молитву.... въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадилы, и тихое слышится пѣнье.

КАМОЭНСЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ДОНЪ ЛЮДВИГЪ КАМОЭНСЪ.

ДОНЪ ІОЗЕ́ КВЕВЕДО КАСТЕЛЬ БРАНКА.

ВАСКО, его сынъ. *)

СМОТРИТЕЛЬ главнаго госпиталя въ Лиссабонѣ.

(1579.)

*) Васко Мусинхо де-Квеведо Кастель Бранка, по свидѣтельству знатоковъ Португальской литературы, болѣе всѣхъ другихъ поэтовъ Португаліи приблизился къ Камоэнсу. Его эпическая поэма „Альфонсъ Африканскій," въ которой особенно замѣчательны изображеніе мученій Фердинанда и описаніе сраженія Алькассарскаго, издана въ 1611 году. *Прим. Сочин.*

I.

Тѣсная горница въ большомъ лазаретѣ Лиссабонскомъ: стѣны голы; кое-гдѣ обвалилась штукатура; съ одной стороны столъ съ бумагами и стулъ; съ другой большія кресла и за ними, ближе къ стѣнѣ, полуизломанная кровать. На ней лежитъ Камоэнсъ и спитъ; къ кровати прислоненъ мечъ; надъ изголовьемъ виситъ на стѣнѣ лютня, покрытая пылью. Съ правой стороны дверь. — Входитъ донъ Іозе́ Квеведо вмѣстѣ съ смотрителемъ госпиталя. У послѣдняго за поясомъ связка ключей, подъ мышкой большая книга.

ІОЗЕ́ КВЕВЕДО, СМОТРИТЕЛЬ ГОСПИТАЛЯ, КАМОЭНСЪ.

Квеведо.

Ой, ой, какъ высоко! Неужто выше
Еще намъ подыматься?

Смотритель.

Нѣтъ, пришли.

Квеведо.

Ну, слава Богу! я почти задохся. . .
Такъ здѣсь онъ?

Смотритель.

Здѣсь. Вотъ, сами посмотрите,
Что́ у меня записано въ реестрѣ:
Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ —
И на двери *десятый нумеръ;* это онъ.

Квеведо.

Ну, хорошо, Да развѣ болѣ ты
Объ немъ не знаешь?

Смотритель.

Нѣтъ.

Квеведо.

И никогда
Объ немъ не слыхивалъ, и не имѣешь
Объ немъ понятія?

Смотритель.

Какое тутъ
Понятіе! Лишь былъ бы только нумеръ.
Что намъ до имени, что намъ до слуховъ?
Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ —
И все тутъ; такъ записано въ реестрѣ.

Квеведо.

Ты человѣкъ, я вижу, аккуратный,
И книги у тебя въ порядкѣ... *(Осматривается.)*
Боже!
Въ какой тюрьмѣ онъ запертъ; какъ темно́,
Тѣсно́, нечисто! Стѣны голы; окна
Съ рѣшетками и потолокъ такъ низокъ,
Что душно.

Смотритель.

Здѣсь до сихъ поръ сумасшедшихъ
Держали: но ему такъ захотѣлось
Быть одному, а этотъ нумеръ былъ
Никѣмъ не занятъ — такъ его сюда я
И перевелъ.

Квеведо.

Къ безумнымъ? по дѣломъ!
Ты поступилъ догадливо; я вижу,
Ты расторопный человѣкъ. Я всѣхъ бы
Проклятыхъ этихъ стихотворцевъ заперъ
Въ домъ сумасшедшихъ. Тише! Кто лежитъ
Тамъ на кровати? ужъ не онъ ли?

Смотритель.

Онъ,
Синьйоръ; онъ спитъ... Я разбужу.

Квеведо.

Не трогай;
Я подожду, пока онъ самъ проснется.

Смотритель.

Такъ оставайтесь съ Богомъ здѣсь; а я
Пойду: есть дѣло...

Квеведо.

Хорошо, поди —
И вотъ тебѣ за трудъ.

Смотритель.

Благодарю,
Синьйоръ. *(Уходитъ.)*

II.

ЮЗЕ КВЕВЕДО и КАМОЭНСЪ.

Квеведо.

И такъ, я наконецъ его
Нашелъ. Трудненько было мнѣ сюда
Карабкаться, и радъ я, что могу
Немного отдохнуть. Когда бъ не сынъ,
Моя нога сюда не забрела бы;
Да мой пострѣлъ совсѣмъ ряхнулся; горе
Мнѣ съ нимъ великое; не знаю самъ,
Что дѣлать; съ отвращеньемъ смотритъ онъ
На наше ремесло, и не проценты
Считаетъ — стопы, да стихи плететъ,
Да о вѣнкахъ лавровыхъ безпрестанно
И сонный и несонный бредитъ. Денегъ
Ему не надобно; все для него
Равно, богачъ ли онъ иль нищій; мнѣ,
Отцу, не хочетъ подражать, а вслѣдъ
За Камоэнсомъ рвется... Вотъ тебѣ
Твой Камоэнсъ, твой образецъ: изволь
Имъ любоваться! здѣсь, въ госпиталѣ
Въ отрепьи нищенскомъ лежитъ своими
Онъ лаврами, — сѣдой, больной, изсохшій, дряхлый,
Безглазый, всѣми брошенный, великій
Твой человѣкъ, твой славный Лузіады
Пѣвецъ, сражавшійся передъ Ораномъ
И передъ Цейтою. Вотъ, полюбуйся;

Онъ въ домъ сумасшедшихъ, позабытъ
Людьми, и все имущество его —
Покрытый ржавчиною мечъ, да лютня
Безъ струнъ... Зачѣмъ онъ жилъ? и что́ онъ нажилъ?
Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ,
И все тутъ — такъ записано въ реестрѣ...
А я, надъ кѣмъ такъ часто онъ, бывало,
Смѣялся, я, котораго осломъ,
Телячьей головой онъ называлъ,
Который на́ вѣсъ продаю изюмъ,
Да виноградъ, да въ добрые крузады
Мараведисы превращаю, я —
Я человѣкъ богатый, свѣжъ, румянъ,
И пользуюсь всеобщимъ уваженьемъ;
Три дома у меня, и въ море пять
Галеръ отправлено съ моимъ товаромъ:
За славой онъ пошелъ, я за прибыткомъ,
И вотъ, мы оба здѣсь. Пускай его
Мой сынъ увидитъ, и потомъ свой выборъ
Пускай самъ сдѣлаетъ. За тѣмъ-то я
Сюда и взлѣзъ; пускай разскажетъ сыну
Самъ этотъ сумасбродъ, какому вздору
Пожертвовалъ онъ жизнію своею...
Онъ шевелится, охаетъ, открылъ
Глаза...

Камоэнсъ.

Мой сонъ опять былъ на минуту;
То былъ не вѣчный сноъ, конецъ всему,

Не смерть, а только призракъ смерти... Кто здѣсь?
Неужто человѣкъ? Здѣсь? Человѣкъ?
У Камоэнса?... Кто ты, другъ? Чего
Здѣсь ищешь? Ты ошибся...

КВЕВЕДО.

Нѣтъ синьйоръ,
Я васъ искалъ, и дѣло мнѣ до васъ.

КАМОЭНСЪ.

Ахъ да, я и забылъ, что я пишу
Стихи! Вы, можетъ быть, синьйоръ, хотите
Стиховъ на свадьбу иль на погребенье?
Иль словъ для серенады? Потрудитесь
Порыться тамъ въ бумагахъ на столѣ —
Тамъ всякой всячины довольно. Я
Беру недорого. Реаля два
Не болѣ за піесу.

КВЕВЕДО.

Нѣтъ, синьйоръ,
Не то...

КАМОЭНСЪ.

Такъ, можетъ быть, хотите вы,
Чтобъ я для васъ особенные сдѣлалъ
Стихи? Нѣтъ, государь мой, я не въ силахъ:
Вы видите, я боленъ; я едва
Таскаю ноги. *(Встаетъ и, опираясь на мечъ, переходитъ къ кресламъ, въ которыя садится.)*
Нѣтъ ни чувствъ, ни мыслей;
Что у меня найдется, тѣмъ и радъ;
Извольте взять любое изъ запаса.

КВЕВЕДО.

Не за стихами я сюда пришелъ.
Всмотрись въ мое лице, донъ Лудвигъ; развъ
Не узнаешь меня?

КАМОЭНСЪ.

Синьйоръ, простите,
Не узнаю.

КВЕВЕДО.

Не можетъ быть; ты долженъ
Меня узнать.

КАМОЭНСЪ.

Не узнаю, синьйоръ.

КВЕВЕДО.

Въ Калвасѣ мы ходили вмѣстѣ въ школу.

КАМОЭНСЪ.

Мы?

КВЕВЕДО.

Да въ Калвасѣ. Мы частенько тамъ
Другъ съ другомъ и дирались, и порядкомъ
Ты иногда отдѣлывалъ меня.
Подумай — вспомнишь: мы знакомцы съ дѣтства.

КАМОЭНСЪ.

Синьйоръ, прошу васъ не взыскать; я старъ,
И голова моя слаба; никакъ
Не вспомню, кто вы.

КВЕВЕДО.

Боже мой, но вѣрно
Меня узнаешь ты, когда скажу,

Что я Іозé Квеведо Кастель Бранка,
Сынъ крестной матери твоей, Маркитты?

КАМОЭНСЪ.

Іозé Квеведо ты?

КВЕВЕДО.

Да, я Іозе
Квеведо — тотъ, котораго, бывало,
Ты называлъ телячьей головою,
Котораго такъ часто ты...

КАМОЭНСЪ.

Чего жъ
Ты ищешь здѣсь, Іозé Квеведо?

КВЕВЕДО.

Какъ
Чего? Хотѣлось мнѣ тебя провѣдать,
Узнать, какъ поживаешь. Правду молвить,
Мнѣ на тебя невесело смотрѣть.
Ты худъ, какъ мертвый трупъ. А я — гляди,
Какъ раздобрѣлъ. Такъ все идетъ на свѣтѣ!
Кто на ногахъ — держись, чтобъ не упасть.
Идти за счастьемъ скользко...

КАМОЭНСЪ.

Правда, скользко.

КВЕВЕДО.

Вотъ ты теперь въ нечистомъ лазаретѣ,
Больной полумертвецъ, безглазый, нищій,
Оставленный...

КАМОЭНСЪ.

Зачѣмъ, Іозе́ Квеведо,
Считаешь ты на лбу моемъ морщины
И сѣдины на головѣ моей,
Дрожащей отъ болѣзни?

КВЕВЕДО.

Не сердися,
Другъ, я хотѣлъ сказать, что времена
Перемѣняются, что вмѣстѣ съ ними
Перемѣняемся и мы. Теперь
Ты ужъ не тотъ красавчикъ, за которымъ
Такъ встарину всѣ женщины гонялись,
Съ которымъ знать водила дружбу, — ты
Не прежній Камоэнсъ.

КАМОЭНСЪ.

Не прежній, правда!
Но пусть судьбой разрушена моя
Душа, пускай все было то обманъ,
Чему я жизнь на жертву добровольно
Принесъ — поймешь ли это ты? Моимъ
Судьей быть можетъ ли какой нибудь
Квеведо?

КВЕВЕДО *(про себя)*.

Вотъ еще! Какъ гордъ! когда бъ
Не сынъ, тебѣ я крылья бы ошибъ. *(Вслухъ)*
Твои слова ужъ черезчуръ суровы;
Другаго я пріема ожидалъ
Отъ стараго товарища. Но, правда,

Ты боленъ, иначе меня бы встрѣтилъ
Ты дружелюбнѣй. Намъ о многомъ прошломъ
Другъ съ другомъ можно поболтать. Вѣдь дѣтство
Мы вмѣстѣ провели; то было время
Веселое... Ты помнишь лугъ за шкѳлой,
Гдѣ мы, бывало, въ мячъ играли? Помнишь
Высокій вязъ... кто выше взлѣзетъ? Ты
Всегда другихъ опережалъ. А наша
Игра въ охоту — кто олень, кто псарь,
А кто собаки... то-то было любо:
Впередъ! крикъ, лай, визжанье, бѣготня...
Что? помнишь?

КАМОЭНСЪ.

Помню.

КВЕВЕДО.

А походы наши
Въ сосѣдній садъ, и тамъ осада яблонь,
И возвращеніе домой съ добычей?
А иногда съ садовникомъ война
И отступленье?

КАМОЭНСЪ.

Да; то было время
Веселое! Мы были всѣ народъ
Неугомонный.

КВЕВЕДО.

Да, лихое племя!
А нашъ крутой пригорокъ, на которомъ
Лежала груда камней? Онъ для насъ

Былъ крѣпостью; ее мы брали штурмомъ,
И было много тутъ подбитыхъ глазъ
И желваковъ...

КАМОЭНСЪ.

Вотъ этотъ мой рубецъ
Остался мнѣ на память объ одномъ
Изъ нашихъ подвиговъ тогдашнихъ...

КВЕВЕДО.

Правду
Сказать, не разъ могла потѣха стоить
Намъ дорого. Вотъ, напримѣръ, морской
Походъ нашъ по рѣкѣ. Мы всѣ устали
И воротились; ты жъ одинъ...

КАМОЭНСЪ.

Да, мнѣ
Казалось, что вдали передо мной
Былъ новый, никогда еще никѣмъ
Не посѣщенный свѣтъ; во что бъ ни стало
Къ нему достигнуть я рѣшился; сила
Теченья мнѣ препятствовала долго
Мой замыселъ исполнить; наконецъ
Ее я одолѣлъ и вышелъ гордо
На завоеванный, желанный берегъ...
О, молодость! о, годы золотые!... *(помолчавъ)*
Дай руку мнѣ! ты знаешь, мы съ тобою
Въ то время не были друзьями: ты
Казался — но быть можетъ не таковъ ты
Какимъ тогда казался намъ... Ну, дай же

Мнѣ руку: въ дѣтствѣ ты со мной игралъ,
Со мной дѣлилъ веселье; а теперь
Туманный вечеръ мой ты освѣтилъ
Воспоминаніемъ прекрасной нашей
Зари... Я такъ одинъ — хотя бъ ты былъ
И злѣйшій врагъ мой, мнѣ тебя теперь
Обнять отъ сердца должно... *(обнимаетъ его)*

КВЕВЕДО *(помолчавъ)*.

Ну, скажи же,
Какъ жилъ ты, что съ тобой происходило
Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Мнѣ отецъ
Велѣлъ науки кончить и покинуть
Калвасъ и въ Фигуэру ѣхать. Тамъ
Иная сказка началась: пришлося
Не объ игрѣ ужъ думать — о работѣ.

КАМОЭНСЪ.

Меня судьба перевела въ Коимбру,
Святилище науки; тамъ впервые
Услышалъ я Гомера; Мантуанскій
Пѣвецъ меня гармоніей своей
Плѣнилъ, и прелесть красоты
Проникла душу мнѣ; что въ ней дотолѣ
Невидимо, невѣдомо хранилось,
То вдругъ въ чудесный образъ облеклось;
Что было тма, то стало свѣтъ, и жизнью
Затрепетало все, что было мертвымъ;
И мнѣ во грудь предчувствіе чего-то
Невыразимаго впилося...

КВЕВЕДО.

Я,
Признаться, до наукъ охотникъ былъ
Плохой. Отецъ меня въ сидѣльцы отдалъ
Знакомому купцу; и должно правду
Сказать, ужъ было у него чему
Понаучиться: онъ считать былъ мастеръ.
А ты?

КАМОЭНСЪ.

Промчались годы, въ школѣ стало
Мнѣ тѣсно; я послѣдовалъ влеченью
Души — увидѣлъ Лиссабонъ, увидѣлъ
Блестящій дворъ и короля во славѣ
Державнаго могучества, пышность
Его вельможъ... Но я на это робко
Смотрѣлъ издалека и, ослѣпленный
Блистательной картиною, за призракъ
Ее считалъ.

КВЕВЕДО.

Со мной случилось то же,
Точь въ точь, когда на биржу въ первый разъ
Я заглянулъ и тамъ увидѣлъ горы
Товаровъ...

КАМОЭНСЪ.

Въ это время встрѣтилъ я
Ее... О, Боже! какъ могу теперь,
Разрушенный полумертвецъ, снести
Воспоминаніе о томъ внезапномъ,

Неизглаголанномъ преображеньи
Моей души!... Она была прекрасна
Какъ Богъ въ своей веснѣ, животворящей
И небеса и землю!

КВЕВЕДО.

И со мной
Случилось точно то жъ. У моего
Хозяина была одна лишь дочь,
Наслѣдница всему его имѣнью;
Имѣнье жъ накопилъ себѣ старикъ
Большое; мудрено ли, что мое
Заговорило сердце?

КАМОЭНСЪ *(не слушая его)*.

О, святая
Пора любви! Твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу. Какъ тогда
Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
Моей любви! какимъ сіяньемъ райскимъ
Блистала предо мной вся жизнь съ своимъ
Страданіемъ, блаженствомъ, съ настоящимъ,
Прошедшимъ, будущимъ!... О, Боже! Боже!...

КВЕВЕДО.

Отцу я полюбился; онъ доволенъ
Былъ ловкостью моей въ дѣлахъ торговыхъ,
И дочери сказалъ, что за меня
Ее намѣренъ выдать; дочь на то

Сказала: „воля ваша," и тогда же
Насъ обручили...

КАМОЭНСЪ.

О, блаженъ, блаженъ,
Кому любви досталася награда!...
Мнѣ не была назначена она.
Насъ разлучили; въ монастырской кельѣ
Младые дни ея угасли; я
Былъ увлеченъ потокомъ жизни; въ бурѣ
Войны хотѣлъ я рыцарски погибнуть,
Сѣлъ на коня и бился подъ стѣнами
Марокко, былъ на штурмѣ Цейты;
Изъ битвы вышелъ я полуслѣпымъ,
А смерть мнѣ не далась.

КВЕВЕДО.

Со мною было
Не лучше. Я съ женой недолго пожилъ:
Бѣдняжка умерла родами... Сильно
По ней я горевалъ... Но мнѣ наслѣдство
Богатое оставила она,
И это наконецъ кое-какъ стало
Моей отрадой.

КАМОЭНСЪ.

Все переживешь
На свѣтѣ... Но забыть?... Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ святую память, вѣрность
Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,

Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
И въ ней она поэзіей горѣла.
И мнѣ была поэзія отрадой:
Я помню часъ, великій часъ, меня
Всего пересоздавшій. Я лежалъ
Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ;
Тма вкругъ меня и тма во мнѣ...
И вдругъ — сказать не знаю — подошло,
Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло, — свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы —
И было то, какъ будто и во мнѣ
И внѣ меня, и въ глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный кругъ
Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ;
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могуществомъ далеко въ высоту...
Я обезпамятѣлъ; когда жъ пришелъ
Въ себя — то было первая моя
Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вкругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья

Взлетѣла къ Богу и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Квеведо.

Мнѣ посчастливилось; свое богатство
Удвоилъ я; потомъ ушестерилъ...
А ты какъ? Что потомъ съ тобой случилось?

Камоэнсъ.

Я въ той землѣ, гдѣ схоронилъ ее,
Не могъ остаться. Вслѣдъ за Гамой славный
Путь по морямъ я совершилъ, и тамъ,
Подъ небомъ Индіи, раздался звучно
Въ честь Португаліи мой голосъ: онъ
Былъ повторенъ волнами Тайо; вдругъ
Услышала Европа имя Гамы
И изумилась; до предѣловъ Туле
Достигнулъ громъ побѣдный Лузіады.

Квеведо.

А много ль принесла тебѣ она?
У насъ носился слухъ...

Камоэнсъ.

Мнѣ принесла
Гоненіе и ненависть она.
Великихъ предковъ я ничтожнымъ внукамъ
Осмѣлился поставить въ образецъ,
Я карламъ указалъ на великановъ —
И правда мнѣ въ погибель обратилась:
И то, что я любилъ, меня отвергло,
И что моей я пѣснію прославилъ,

Тѣмъ былъ я посрамленъ — и былъ какъ врагъ
Я Португаліей моей отринутъ...

(помолчавъ)

Я мужъ, и жалобы я ненавижу;
Но всю насквозь мнѣ душу эта рана
Прогрызла; никогда не заживетъ
Она, и вѣчно, вѣчно будетъ рвать
Меня, какъ въ оный мигъ разорвала,
Когда отечество такъ безпощадно
Отъ своего поэта отреклося.

КВЕВЕДО.

Ну, не крушись; забудь о прошломъ; кто
Не ошибается въ своихъ разсчетахъ?
Теперь не удалось — удастся послѣ.

КАМОЭНСЪ.

И для меня однажды солнце счастья
Блеснуло свѣтлою зарей. Когда
Король нашъ Себастьянъ взошелъ на тронъ,
Его орлиный взоръ проникъ въ мою
Тюрьму, съ меня упала цѣпь, и свѣтъ
И жизнь возвращены мнѣ были снова;
Опять весна въ груди моей увядшей
Воскресла... но то было на минуту:
Все погубилъ день битвы Алкассарской.
Король нашъ палъ великой мысли жертвой —
И Португалія добычей стала
Филиппа... Страшный день! о, для чего
Я дожилъ до тебя!

КВЕВЕДО.

Да, страшный день!
Ужъ нечего сказать! И съ той поры
Все хуже намъ да хуже. Богъ на насъ
Прогнѣвался. По крайней мѣрѣ ты
Похвастать счастіемъ не можешь.

КАМОЭНСЪ.

Солнце
Мое навѣкъ затмилось и печально
Туманенъ вечеръ мой. Забытъ, покинутъ,
Въ болѣзни, въ бѣдности я жду конца
На нищенской постели лазарета.
Одинъ мнѣ оставался другъ — онъ былъ
Невольникъ; иногда я называлъ
Его въ досадѣ черною собакой.
Но только что со мной простилось счастье,
Онъ сдѣлался хранителемъ моимъ:
Онъ мнѣ служилъ и для меня работалъ,
И отдавалъ свою дневную плату
На пищу мнѣ. Когда жъ болѣзнь меня
Къ постели приковала, день и ночь
Сидѣлъ онъ надо мной и утѣшалъ
Меня отрадными словами ласки,
И, самъ больной, по улицамъ таскался
За подаяніемъ для Камоэнса.
И наконецъ, свои истративъ силы,
Безъ жалобы, безъ горя за меня
Онъ умеръ — черная собака!... Богъ

То видѣлъ съ небеси... Покойся, другъ,
Послѣдній другъ мой на землѣ, въ твоей
Святой могилѣ! тамъ тебѣ пріютно,
А на землѣ пріюта не бываетъ.

КВЕВЕДО *(про себя)*.

Теперь пора мнѣ къ дѣлу приступить. *(Ему)*
Сердечный другъ, тебѣ удѣлъ нелегкій
Достался, нечего сказать! Ты славилъ
Отечество, и чѣмъ же заплатило
Оно тебѣ за славу? Нищетой.
Съ надеждами пошелъ ты въ путь, а съ чѣмъ
Пришелъ назадъ? Ровнёхонько ни съ чѣмъ.
И вотъ теперь, при нашей поздней встрѣчѣ,
Когда твою судьбу сравню съ моею,
То, право, кажется — не осердися —
Что выборъ мой сто разъ благоразумнѣй
Былъ твоего. Вотъ видишь, я богатъ;
По всѣмъ морямъ товаръ мой корабли
Развозятъ; а, бывало, на меня
Смотрѣлъ ты свысока. Сказать же правду,
Хоть лаврами я лба и не украсилъ,
Но, кажется, что на вѣсъ мой барышъ
Тяжелѣ твоего...

КАМОЭНСЪ.

Ты въ барышахъ —
Не спорю. Но на свѣтѣ много есть
Вещей возвышенныхъ, не подлежащихъ
Ни мѣрѣ, ни разчетамъ торгаша.

Лишь выгодой опредѣлять онъ можетъ
Достоинство; замѣть же это, другъ:
Лавровый листъ скупать ты на вѣсъ можешь,
Но о вѣнкахъ лавровыхъ не заботься.

КВЕВЕДО (*про себя*).

Ужъ не смѣется ль онъ надъ нашимъ званьемъ?...
Постой, ужъ попадись ко мнѣ ты въ руки,
Я отплачу тебѣ порядкомъ. (*Ему*) Ты
Обидѣлся, я вижу; а въ тебѣ
Я искренно участье принимаю.
Да я и съ просьбою пришелъ; послушай,
Оставь ты лазаретъ свой, сдѣлай дружбу,
Переселись ко мнѣ; мой домъ просторенъ;
Чужимъ найдется много мѣста въ немъ,
Не только что друзьямъ. Ну, Камоэнсъ,
Не откажи мнѣ; перейди въ мой домъ;
Ты у меня свободно отдохнешь
Отъ прошлыхъ бѣдъ, и мой избытокъ
Охотно я съ тобою раздѣлю...
Не слышишь что ли, Камоэнсъ?

КАМОЭНСЪ.

Что? что
Ты говоришь? Меня къ себѣ, въ свой домъ
Зовешь?

КВЕВЕДО.

Да, да! Къ себѣ, въ свой домъ, тебя
Зову. Согласенъ ли?

КАМОЭНСЪ.

Жить у тебя?

Но, можетъ быть, ты думаешь, Квеведо...
Нѣтъ, нѣтъ! твое намѣренье, я въ этомъ
Увѣренъ, доброе — благодарю;
Но мнѣ и здѣсь покойно: я доволенъ;
Нѣтъ нужды мнѣ тебя тѣснить; да въ этомъ
И радости не будетъ ни какой:
О радостяхъ давно мнѣ и во снѣ
Не грезится.

КВЕВЕДО.

Меня ты потѣснишь?
Помилуй, что за мысль! Ты мнѣ, напротивъ,
Полезенъ можешь быть; я отъ тебя
Жду помощи великой.

КАМОЭНСЪ.

Отъ меня?
Ждешь помощи? И я могу тебѣ
Полезенъ быть? я? я? мечтатель жалкій,
Который никому и ни на что
Не нуженъ былъ на свѣтѣ, и себя
Лишь только погубить умѣлъ? Квеведо,
Не шутишь ли?

КВЕВЕДО.

Какая шутка! Самъ
Ты разсуди; далъ Богъ мнѣ сына — ну,
Ужъ нечего сказать, такихъ немного,
Каковъ мой Васко; онъ до этихъ поръ
Былъ радостью моей, и я имъ хвасталъ,
И ужъ заранѣ веселилъ себя

Надеждою, что онъ мое богатство,
Которому всему одинъ наслѣдникъ,
Удвоитъ, мнѣ, какъ должно, подражая —
Анъ нѣтъ, иначе вышло на повѣрку:
Отцевскимъ званьемъ онъ пренебрегаетъ,
Въ проклятые зарылся пергаменты,
Ударился въ стихи, въ поэты мѣтитъ.

КАМОЭНСЪ.

Безумство! жалкій бредъ!

КВЕВЕДО.

Я то же самъ
Ему пою; до онъ не вѣритъ. Музы —
Ему отецъ и мать и все земное
Его богатство.

КАМОЭНСЪ.

Такъ мечтаютъ всѣ
Они, но то обманъ...

КВЕВЕДО.

Напрасно я
Увѣщевалъ его: онъ словъ моихъ
И понимать не хочетъ. Видишь ли теперь,
Какъ много мнѣ ты можешь быть полезенъ,
Дружище? Укажи ему на твой
Примѣръ, пускай узнаетъ онъ, какъ ты,
Его достойный образецъ, былъ щедро
Отъ свѣта награжденъ; пусть Камоэнса
Увидитъ онъ въ госпиталѣ, больнаго,
Въ презрѣньи, въ нищетѣ, быть можетъ...

КАМОЭНСЪ.

Такъ
Пускай меня увидитъ онъ! Пришли
Его сюда; я вылѣчу его
Отъ гибельной мечты. Слѣпецъ! безумецъ!
Ненужною доселѣ жизнь свою
Я почиталъ; теперь мнѣ все понятно:
Имъ пугаломъ должна служить она!

КВЕВЕДО.

Такъ ты его остережешь, спасешь?

КАМОЭНСЪ.

Остерегу, спасу... Пришли его
Сюда.

КВЕВЕДО.

Онъ недалёко; крылья имя
Твое придастъ ему; черезъ минуту
Онъ будетъ здѣсь; и вмѣстѣ съ нимъ въ мой домъ
Пожалуетъ желанный гость — не правда ль?
Ты будешь, другъ?

КАМОЭНСЪ.

Увидимъ.

КВЕВЕДО.

Ну, прости же,
Любезный. (*про себя*) Слава Богу! все какъ должно
Улажено. Лишь только бъ сына онъ
На путь наставилъ... самъ же... что за дѣло
Мнѣ до него!... Пускай въ госпиталѣ
Околѣваетъ. (*Уходитъ.*)

III.

КАМОЭНСЪ (*одинъ*).

Я усталъ; всѣ силы
Мои истощены; и жаръ и холодъ
Я чувствую; въ глазахъ моихъ темнѣетъ;
Ужъ не она ль? Не смерть ли, званый другъ,
Ко мнѣ подходитъ?... (*помолчавъ*) Всѣхъ я схоронилъ;
Все, что любилъ я, что меня любило,
Давно во гробъ... Я стою одинъ
Передъ своей могилою, одинъ...
И не протянетъ мнѣ никто руки,
Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
Туда, какъ чумный трупъ, рукой наемной
Толкнутый въ общій гробъ. Счастливъ стократно
Простой поселянинъ! Трудомъ прилежнымъ
Довольный, скромный, замысловъ высокихъ
Не вѣдая, своей тропинкой онъ
Идетъ; когда же смертный часъ его
Наступитъ, онъ, въ кругу своихъ, близъ доброй
Жены, участницы всего, что было
И горькаго и радостнаго въ жизни,
Среди дѣтей, воспитанныхъ съ любовью,
Смиренно, тихо, ясно умираетъ;
И всѣми онъ любимъ, и, съ нимъ прощаясь,
Всѣ плачутъ, и глаза ему родная
Рука при смерти зажимаетъ. Я же?...
О, какъ меня все обмануло! Я

Килъ одинокъ и одинокъ умру...
Сокровищемъ она казалась мнѣ
Въ тотъ часъ, когда насъ буря окружала,
Когда корабль нашъ объ утесъ въ щепы
Расшибся — да, сокровищемъ тогда
Она, мое созданье, Лузіада
Казалась мнѣ! и въ море съ Лузіадой
И кинулся, и отдалъ на пожранье
Волнамъ все, все, и съ гордымъ торжествомъ
На берегъ нищимъ вышелъ... спасена
Была, мое созданье, Лузіада!
Пасъ роковой! погибельная пѣснь!
Погибельный вѣнецъ, мнѣ данный славой!
Для нихъ отъ мирнаго, земнаго счастья
Отрекся я — и что жъ отъ нихъ осталось?
Разувѣреніе во всемъ, что прежде
И почиталъ высокимъ и прекраснымъ...

(*помолчавъ*)

Мнѣ холодно, и дрожь въ моихъ костяхъ:
Послѣдняя минута Камоэнса —
И никого, чтобъ вздохъ его принять!
Въ прошедшемъ ночь, въ грядущемъ ночь; разстроенъ,
Разрушенъ геній; мужество и вѣра
Потрясены, и вся земная слава
Лежитъ въ пыли... Что жизнь моя была?
Безумство, бѣшенство.... онъ справедливо
Сказалъ: барышъ мечтателя — мечта.

IV.

КАМОЭНСЪ и ВАСКО КВЕВЕДО.

Васко.

Здѣсь, сказано, могу его найти...
Ахъ, вотъ онъ!... это онъ!... такимъ видалъ я
Его во снѣ... но только бодрымъ, смѣлымъ,
И молніи въ глазахъ, и голова,
Поднятая торжественно и гордо...
Что нужды! Это онъ... Хотя и старъ
И хилъ, но на лицѣ его печать
Его великой пѣсни.

Камоэнсъ.

Кто тутъ?

Васко.

Васко
Квеведо, сынъ знакомца твоего,
Іозé Квеведо...

Камоэнсъ.

Ты?

Васко.

Отецъ меня
Прислалъ сюда, донъ Лудвигъ, пригласить
Тебя въ нашъ домъ переселиться; тамъ
Найдешь достойное тебя жилище
И дружбу... но не рано ль я пришелъ?

Камоэнсъ.

Когда бъ промедлилъ часъ, пришелъ бы поздно.
Приближься, посмотри: ужъ надо мной

Летаетъ ангелъ смерти; для меня
Все миновалось; но прими совѣтъ
Отъ умирающаго Камоэнса
И сохрани его на пользу жизни...

ВАСКО.

Ты умираешь?... нѣтъ, не можетъ быть,
Чтобъ умеръ Камоэнсъ!

КАМОЭНСЪ.

Минуты, другъ,
Намъ дороги; послушай, сынъ мой, ты,
Я слышалъ отъ отца, служенью Музъ
Жизнь посвятить свою желаешь... правду ль
Сказалъ онъ?

ВАСКО.

Правду, я клянуся Богомъ!

КАМОЭНСЪ.

Одумайся; то выборъ роковой;
Ты молодъ, и твоя душа, земнаго
Еще не вѣдая, стремится къ небу,
И ты свое стремленіе зовешь
Любовію къ поэзіи, отъ неба
Исшедшей, какъ твоя душа. Но знай,
Любовь еще не сила; постигать
Не есть еще творить; а увлекаться
Стремленіемъ къ великому еще
Не есть великаго достигнуть.

ВАСКО.

Знаю.

Камоэнсъ.

Такъ загляни жъ во глубину своей
Души, и что ее бы ни влекло —
Самонадѣянность, иль просто дѣтскій
Позывъ на подражанье, иль тревога
Кипучей младости, иль раздраженье
Излишне-напряженныхъ нервъ — себя,
Мой другъ, не ослѣпляй. Другія всѣ
Искусства намъ возможно пріобрѣсть
Наукою; поэта же творитъ —
Святѣйшее оставивъ про себя —
Природа; геніи родятся сами;
Нисходитъ прямо съ неба то, что къ небу
Возноситъ насъ.

Васко.

Того, что происходитъ
Теперь во мнѣ и что я самъ такое,
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушай мою простую повѣсть:
Ребенкомъ тихимъ, книги лишь однѣ
Любя, я выросъ, преданный мечтанью.
Мой взоръ былъ обращенъ во внутрь моей
Души; я внѣшняго не замѣчалъ;
Уединеніе имѣло голосъ,
Понятный для меня; и прелесть лунныхъ
Ночей меня стремила въ область тайны.
На путь отца смотрѣлъ я съ отвращеньемъ;
Меня влекло невѣдомо къ чему...

Вдругъ раздалась чудесно Лузіада —
И стало все во мнѣ свѣтло и ясно;
Сомнѣнье кончилось, и выбирать
Ужъ нужды не было... *за нимъ, за нимъ!*
Въ моей душѣ гремѣло и пылало;
И каждое біенье сердца мнѣ
Твердило то жъ: *за нимъ! за нимъ!...* И власть,
Влекущая меня неодолима.
Теперь рѣши, поэтъ ли я иль нѣтъ?

Камоэнсъ.

Свидѣтель Богъ! твои глаза блестятъ
Какъ у поэта; но послушай, другъ,
Хотя бъ ихъ блескъ и правду говорилъ,
Остановись, не покидай смиренной
Тропы, протянутой передъ тобою;
Судьба тебѣ добра желаетъ; мнѣ
Повѣрь, я дорогой купилъ цѣной
Признаніе, что счастіе земное
Не на пути поэта.

Васко.

Дай его
Мнѣ заслужить — и пусть оно погибнетъ!

Камоэнсъ.

Слѣпецъ! тебя зоветъ надежда славы.
Но что она? и въ чемъ ея награды?
Кто раздаетъ ихъ? и кому онѣ
Даются? и не всѣ ль ея дары
Обруганы завидующей злобой?

За нихъ ли жизнь на жертву отдавать?
Лишь у гробовъ, которымъ ужъ никто
Завидовать не станетъ, иногда
Садитъ она свой лавръ, дабы онъ цвѣлъ
Надъ тлѣніемъ, которое когда-то
Здѣсь человѣкомъ было и страдало,
Нося торжественно на головѣ
Подъ лаврами пронзительные терны.
Но для того, кто въ гробъ спитъ, навѣки
Безчувственный для здѣшнихъ благъ и бѣдъ,
Не все ль равно — полынь ли надъ костями
Его растетъ, иль лавръ... Не вся ль тутъ слава?

Васко.

Я молодъ, но ужъ мнѣ видать случалось,
Какъ незаслуженно ея вѣнецъ
Безстыдная ничтожность похищала,
Ругаяся надъ скромно-молчаливымъ
Достоинствомъ? Но для меня не счастье,
Не золото — скажу ли? — и не слава
Приманчивы...

Камоэнсъ.

Не счастье и не слава?
Чего же ищешь ты?

Васко.

О, долго, долго
Хранилъ я про себя святую тайну!
Но посвященному, о Камоэнсъ,
Тебѣ я двери отворю въ мое

Святилище, гдѣ я досель одинъ
Доступному мнѣ божеству молился.
Нѣтъ, нѣтъ! не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту, зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной —
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

КАМОЭНСЪ.

О, молодость на крыльяхъ серафимскихъ!
Какъ мало ходъ житейскаго тебѣ
Понятенъ! возносить на небеса
Свинцовыя ихъ души, ихъ слѣпые
Глаза воспламенять, глухонѣмыхъ
Плѣнять гармоніей!...

ВАСКО.

Что мнѣ до нихъ,
Безчувственныхъ жильцевъ земли иль дерзкихъ
Губителей всего святаго! Мнѣ
Они чужіе. Для чего Творецъ
Такой имъ жалкій жребій избралъ, это

Извѣстно одному Ему; Онъ благъ
И справедливъ; обителей есть много
Въ дому Отца — всѣмъ будетъ воздаянье.
Но для чего сюда Онъ ихъ послалъ —
О, это мнѣ понятно. Здѣсь безъ нихъ
Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не за тѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Бестыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неосквернённой вѣру въ Бога?...
О, Камоэнсъ! Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что́ бъ труженикъ земной
Ни испыталъ — душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.
О, Камоэнсъ! о, вѣрь моимъ словамъ!

Еще во мнѣ того, что въ этотъ мигъ
Я чувствую, ни разу не бывало;
Богъ языкомъ младенческимъ моимъ
Съ тобою говоритъ: ты совершилъ
Свое святое назначенье, ты
Свой пламенникъ зажегъ неугасимо;
Мнѣ въ душу онъ проникъ, какъ Божій лучъ;
И сколькихъ онъ другихъ согрѣлъ, утѣшилъ!
И пусть рязрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшія надежды
И чистыя обруганы мечты...
Объ нихъ ли сѣтовать? Таковъ удѣлъ
Всего, всего прекраснаго земнаго!
Но не умретъ живая пѣснь твоя;
Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ будутъ
Ей отвѣчать возвышенныя души.
Ты жилъ и будешь жить для всѣхъ временъ!
Прямой поэтъ, твое безсмертно слово!

КАМОЭНСЪ.

Его глаза сверкаютъ, щеки рдѣютъ;
Пророчески со мной онъ говоритъ;
Отъ словъ его вся внутренность моя
Трепещетъ; не самымъ ли Богомъ присланъ
Ко мнѣ младенецъ этотъ?... Ты, мой сынъ,
Лишь о грядущемъ мыслишь — оглянись
На настоящее и на меня,
Пѣвца твоей великой Лузіады.
Смотри, какъ я, въ нечистомъ лазаретѣ,

Отечествомъ презрѣнный и забытый
Людьми, кончаю жизнь на томъ одрѣ,
Гдѣ за два дня издохъ въ цѣпяхъ безумный.
Таковъ въ своихъ наградахъ свѣтъ: страшись
Моей стези; бѣги надеждъ поэта!

Васко.

Бѣжать твоихъ надеждъ, твоей стези
Страшиться?... Нѣтъ, бросаюсь на колѣни
Передъ твоей страдальческой постелью,
На коей ты, какъ мученикъ смиренный,
Зришь небеса отверзтыя, гдѣ ждетъ
Тебя твой Богъ, тебя не обманувшій.
Благодарю тебя, о Камоэнсъ,
За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
И здѣсь со мной тебя благодарятъ
Всѣ современники, и всѣхъ временъ
Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
Поклонники великаго, твои
По чувству братья. Пусть людская злоба,
Презрѣніе, насмѣшка, нищета
Достоинству въ награду достаются —
Прекраснѣй лавра, мученикъ, твой тернъ!
И умереть въ темницѣ лазарета
Верхъ славы... О, судьба! дай въ жизни мнѣ
Быть Камоэнсомъ! дай, какъ онъ, быть свѣтомъ
Отечества и вѣка моего
Величіемъ! — и всѣ земныя блага
Тебѣ я отдаю на жертву!

Камоэнсъ.

О!

Клянусь моей послѣднею минутой
И всей моей блаженно-скорбной жизнью,
И всѣмъ святымъ, что я въ душѣ хранилъ,
И всѣми чистыми ея мечтами
Клянуся, ты назначенъ былъ поэтомъ.
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ — тебя зоветъ самъ Богъ;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему — ты сердцемъ чистъ.

Васко.

Дойду?... О Камоэнсъ! ты ль это мнѣ
Пророчишь?... Повтори жъ мнѣ, буду ль я
Поэтомъ?

Камоэнсъ.

Ты поэтъ! имѣй къ себѣ
Довѣренность, объ этомъ часѣ помни;
И если нѣкогда захочетъ взять
Судьба свое, и путь твой омрачится —
Подумай, что своимъ эѳирнымъ словомъ
Ты съ Камоэнсовыхъ очей туманъ
Печали свѣялъ, что въ послѣдній часъ,
Обезнадеженный сомнѣньемъ, онъ
Твоей душей былъ вдохновленъ, и снова
На пламени твоемъ свой прежній пламень
Зажегъ — и жизнь прославилъ, умирая.
О, помни, другъ, объ этомъ часѣ, помни
О той рукѣ, ужъ смертью охлажденной,

Которая на званіе поэта
Теперь тебя благословляетъ. Жизнь
Зоветъ на битву! съ Богомъ! возсіяй
Прекраснымъ днемъ, денница молодая!
А Камоэнсово ужъ солнце сѣло,
И смерть надъ нимъ покровъ свой разстилаетъ....

Васко.

Ты не умрешь. На имени твоемъ
Покоится безсмертье.

Камоэнсъ.

Такъ, оно
На немъ покоится. Его призывъ
Я чувствую: я былъ поэтъ вполнѣ.
Неправедно ропталъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его — Онъ правъ;
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе — святая благодать.....
И здѣсь любилъ я истину святую,
И голосъ мой былъ голосомъ ея;
И не развѣется, какъ прахъ ничтожный,
Жизнь вдохновенная моя; безсмертны
Мои мечты; ихъ сѣмена живыя
Не пропадутъ на жатвѣ поколѣній.
Предъ Господа могу предстать я смѣло.

Васко.

Что, что съ тобой?.....

(Въ эту минуту совершается видѣніе: надъ головою Камоэнса является духъ въ образѣ молодой дѣвы, увѣнчанной лаврами, съ сіяющимъ крестомъ на груди. За нею яркій свѣтъ.)

Камоэнсъ.

Оставь меня, мой сынъ!
Я чувствую, великій часъ мой близко....
Мой духъ опять живой исполненъ силы;
Меня зоветъ знакомый сердцу гласъ;
Передо мной исчезла тма могилы,
И въ небесахъ моихъ опять зажглась
Моя звѣзда, мой путеводецъ милый!....
О! ты ль? тебя ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Моя любовь, мой свѣтлый идеалъ?

Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго, святаго,
Я вдохновенною угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все въ мой смертный часъ пріяло образъ твой,
И, съ миромъ къ моему приникнувъ изголовью,
Мнѣ стало вѣрою, надеждой и любовью.

Такъ, ты поэзія: тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь души моей страданье!
Смерть! смерть, великій духъ! я слышу вѣсть твою;
Меня всего твое проникнуло сіянье!
(подаетъ руку Васку, который падаетъ на колѣни.)
Мой сынъ, мой сынъ, будь твердъ, душею не дремли!
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли. *(Умираетъ.)*

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

(ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ГРЕЯ.)

Колоколъ поздній кончину отшедшаго дня возвѣщаетъ;
Съ тихимъ блеяньемъ бредетъ черезъ поле усталое стадо:
Медленнымъ шагомъ домой возвращается пахарь, у-
снувшій
Міръ уступая молчанью и мнѣ. Ужъ блѣднѣетъ окрест-
ность,
Мало по малу теряясь во мракѣ, и воздухъ наполненъ
Весь тишиною торжественной: изрѣдка только промчится
Жукъ съ усыпительно-тяжкимъ жужжаньемъ, да рогъ
отдаленный,
Сонъ наводя на стада, порою невнятно раздастся;
Только съ вершины той пышно плющемъ украшенной
башни
Жалобнымъ крикомъ сова предъ тихой луной обвиняетъ
Тѣхъ, кто, случайно зашедши къ ея гробовому жилищу,
Миръ нарушаютъ ея безмолвнаго, древняго царства.
Здѣсь подъ навѣсомъ нагнувшихся вязовъ, подъ свѣжею
тѣнью

Ивъ, гдѣ зеленымъ дерномъ могильные холмы покрыты,
Каждый навѣкъ затворяся въ свою одинокую келью,
Спятъ непробудно-смиренные предки села. Ни веселый
Голосъ прохладно-душистаго утра, ни ласточки ранней
Съ кровли соломенной трель, ни труба пѣтуха, ни отзывный
Рогъ, ничто не подыметъ ихъ болѣ съ ихъ бѣдной постели.
Яркій огонь очага ужъ для нихъ не зажжется; не будетъ
Ихъ вечеровъ услаждать хлопотливость хозяйки; не будутъ
Дѣти тайкомъ къ дверямъ подбѣгать, чтобъ подслушать, нейдутъ ли
Съ поля отцы, и къ нимъ на колѣна тянуться, чтобъ первый
Прежде другихъ схватить поцѣлуй. Какъ часто серпамъ ихъ
Нива богатство свое отдавала; какъ часто ихъ острый
Плугъ побѣждалъ упорную глыбу; какъ весело въ полѣ
Къ трудной работѣ они выходили; какъ звучно топоръ ихъ
Въ лѣсѣ густомъ раздавался, рубя вѣковыя деревья!
Пусть издѣвается гордость надъ ихъ полезною жизнью,
Низкій удѣлъ и семейственный миръ поселянъ презирая;
Пусть величіе съ хладной насмѣшкой читаетъ простую
Лѣтопись бѣднаго; знатность породы, могущества пышность,
Все, чѣмъ блеститъ красота, чѣмъ богатство плѣняетъ, все будетъ
Жертвой послѣдняго часа ко гробу ведетъ насъ и слава.
Кто обвинитъ ихъ за то, что надъ прахомъ смиреннымъ ихъ память

Пышныхъ гробницъ не воздвигла; что въ храмахъ, по сводамъ высокимъ,
Въ блескѣ торжественномъ свѣчъ, въ благовонномъ дыму ѳиміама,
Имъ похвала не гремитъ, повторенная звучнымъ органомъ?
Надпись на урнѣ, иль дышущій въ мраморѣ ликъ не воротятъ
Въ прежнюю область ея отлетѣвшую жизнь, и хвалебный
Голосъ не тронетъ безмолвнаго праха, и въ хладно-нѣмое
Ухо смерти не вкрадется сладкій ласкательства лепетъ.
Можетъ быть, здѣсь въ могилѣ, ничѣмъ не замѣтной, истлѣло
Сердце, огнемъ небеснымъ нѣкогда полное; стала
Прахомъ рука, рожденная скипетръ носить, иль восторга
Пламень въ живыя струны вливать. Но наука предъ ними
Свитковъ своихъ, богатыхъ добычей вѣковъ, не раскрыла,
Холодъ нужды умертвилъ благородный ихъ пламень, и сила
Геніемъ полной души ихъ безплодно погибла навѣки.
О! какъ много чистыхъ, прекрасныхъ жемчужинъ сокрыто
Въ темныхъ, невѣдомыхъ намъ глубинахъ Океана! Какъ часто
Цвѣтъ родится на то, чтобъ цвѣсти незамѣтно и сладкій
Запахъ терять въ безпредѣльной пустынѣ! Быть можетъ,
Здѣсь погребенъ какой-нибудь Гампденъ незнаемый, грозный
Мелкимъ тиранамъ села, иль Мильтонъ нѣмой и неславный,
Или Кромвель неповинный въ крови согражданъ. Всемогущимъ

Словомъ сенатъ покорять, бороться съ судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цвѣтущую область, и въ громкихъ
Плескахъ отечества жизнь свою слышать — то рокъ запретилъ имъ;
Но, ограничивъ въ добрѣ ихъ, равно и во злѣ ограничилъ:
Не далъ имъ воли стремиться къ престолу стезею убійства,
Иль затворять милосердія двери предъ страждущимъ братомъ,
Или, коварствуя, правду таить, или стыда на ланитахъ
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласомъ поэзіи славя могучій развратъ и фортуну.
Чуждые смутъ и волненій безумной толпы, изъ-за тѣсной
Грани желаньямъ своимъ выходить запрещая, вдоль свѣжей,
Сладко-безшумной долины жизни, они тихомолкомъ
Шли по тропинкѣ своей, и здѣсь ихъ пріютъ безмятеженъ.
Кажется, слышишь, какъ дышетъ кругомъ ихъ спокойствіе неба,
Всѣ тревоги земныя смиряя, и мнится, какой-то
Сердце объемлющій голосъ, изъ тихихъ могилъ подымаясь,
Здѣсь разливаетъ предчувствіе вѣчнаго мира. Чтобъ праха
Мертвыхъ никто не обидѣлъ, надгробные камни съ простою
Надписью, съ грубой рѣзьбою прохожаго молятъ почтить ихъ
Вздохомъ минутнымъ; на камняхъ рука неграмотной музы
Ихъ имена и лѣта́ написала, кругомъ начертавши,

Вмѣсто надгробій, слова изъ Святаго Писанья, чтобъ скромный
Сельскій мудрецъ по нимъ умирать научался. И кто же,
Кто въ добычу нѣмому забвенію эту земную,
Милую, смутную жизнь предавалъ и съ цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не бросая
Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда? Душа, удаляясь,
Хочетъ на нѣжной груди отдохнуть, и очи, темнѣя,
Ищутъ прощальной слезы; изъ могилы намъ слышенъ знакомый
Голосъ, и въ нашемъ прахѣ живетъ бывалое пламя.
Ты же, заботливый другъ погребенныхъ безъ славы, простую
Повѣсть объ нихъ разсказавшій, быть можетъ, кто нибудь, сердцемъ
Близкій тебѣ, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелаетъ о томъ, что случилось съ тобой, и быть можетъ,
Вотъ что разскажетъ ему о тебѣ старожилъ посѣдѣлый:
„Часто видали его мы, какъ онъ на разсвѣтѣ поспѣшнымъ
„Шагомъ, росу отряхая съ травы, всходилъ на пригорокъ
„Встрѣтить солнце; тамъ, на мшистомъ, изгибистомъ корнѣ
„Стараго вяза, къ землѣ приклонившаго вѣтви, лежалъ онъ
„Въ полдень, и слушалъ, какъ ближній ручей журчитъ, извиваясь;
„Вечеромъ часто, окончивъ дневную работу, случалось,
„Намъ видать, какъ у входа въ долину стоялъ онъ, за солнцемъ

„Слѣдуя взоромъ и слушая зяблицы позднюю пѣсню;
„Такъ же не разъ мы видали, какъ шелъ онъ вдоль лѣса, съ какой-то
„Грустной улыбкой, и что-то шепталъ про себя, наклонивши
„Голову, блѣдный лицемъ, какъ будто оставленный цѣлымъ
„Свѣтомъ и мучимый тяжкою думой или безнадежнымъ
„Горемъ любви. Но однажды поутру его я не встрѣтилъ,
„Какъ бывало, на холмѣ, и въ полдень его не нашелъ я
„Подлѣ ручья, ни послѣ въ долинѣ; прошло и другое
„Утро и третье; но онъ не встрѣчался нигдѣ, ни на холмѣ
„Рано, ни въ полдень подлѣ ручья, ни въ долинѣ
„Вечеромъ. Вотъ мы однажды поутру печальное пѣнье
„Слышимъ: его на кладбище несли. Подойди; здѣсь на камнѣ,
„Если умѣешь, прочтешь, что о немъ тогда написали:

„Юноша здѣсь погребенъ, невѣдомый счастью и славѣ;
„Но при рожденьи онъ былъ небесною музой присвоенъ,
„И меланхолія знаки свои на него положила.
„Былъ онъ душой откровененъ и добръ, его наградило
„Небо: несчастнымъ давалъ, что имѣлъ онъ — слезу; и въ награду
„Онъ получилъ отъ неба самое лучшее — друга.
„Путникъ, не трогай покоя могилы: здѣсь все, что въ немъ было
„Нѣкогда добраго, вся его слабости робкой надеждой
„Преданы въ лоно благаго Отца, правосуднаго Бога.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій Царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина.
Тамъ земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Тамъ, прéстолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло,
И прéстолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
Какъ пылала, какъ гремѣла
Здѣсь народная война
Въ страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы въ громахъ загорались,
Бомбы падали дождёмъ
И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещетъ по холмамъ;
Гдѣ упорнѣй бились, тамъ
Мирныхъ инокинь обитель:*)
И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней крестъ.

И на пиръ поминовенья
Рать другаго поколѣнья,
Новымъ, славнымъ ужъ Царёмъ
Собрана на мѣстѣ томъ,
Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
Гдѣ столь многія свершились
Чудной храбрости дѣла,
Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
Такъ же мужество въ ней сильно;
Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
И полковъ тѣ жъ имена.....
А въ рядахъ другіе стали;
И серебряной медали,
Прежнимъ данной ей Царемъ,
Не видать ужъ ни на комъ.

*) Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова на той батареѣ, гдѣ онъ убитъ, сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ

И вождей ужъ прежнихъ мало:
Много въ день великій пало
На землѣ Бородина;
Позже тѣхъ взяла война;
Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну
По Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дивившій,
И подъ старость сохранившій
Все, что въ молодости есть,
Коновницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ?

кости, найденныя на семъ мѣстѣ, были зарыты въ одну могилу, надъ которою теперь возвышается церковь, и въ этой церкви гробница Тучкова.

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Доктуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сенъ-При; Ланской нашъ палъ;
Кончилъ Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ....
Мнилъ онъ гробъ Багратіоновъ
Проводить въ Бородино....
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ Царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, Царей Диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда,
И твоя пришла чреда!

О година Русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ Державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно Онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно Онъ десницу
Протянулъ врагамъ Своимъ!
Какъ гордился Русскій Имъ!

Вдругъ.... отъ всѣхъ честей далёко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ Владыка, нашь Герой,
Гаснетъ Царь благословенной;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся Имперія идетъ.

И *его* какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!...
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилась другая,
Бездна неба гобубая;
Къ той скалѣ путь загражденъ....
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы Царемъ;
До Стамбула Русскій громъ
Былъ доброшенъ по Балкану;
Миромъ мстили мы Султану;
И вскатилъ на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ сѣверный Аяксъ;
Русской гранью сталъ Аракcъ;
Арзерумъ сдался намъ дикій;
Закипѣлъ мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фрунтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданная ограда,
Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ Турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфоръ,
Отразясь въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
„Здѣсь былъ Русскій станъ разбитъ.“

Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью,
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробъ дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать усопшая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
Память вѣчная Царю!
Вдругъ обгрянулъ залпъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слилась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный Герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь *за общую намъ мать*.

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ

БОГЪ СМЯГЧИЛСЯ.

Молитвой нашей Богъ смягчился;
Царевнѣ жить еще велѣлъ:
Опять къ намъ Ангелъ возвратился,
Который ужъ къ Нему летѣлъ.

М. Маркусъ.

Съ полудороги прилетѣлъ ты
Обратно, чистый Ангелъ, къ намъ;
Вблизи на небо поглядѣлъ ты,
Но не забылъ о насъ и тамъ.

Отъ насъ тебя такъ нѣжно звали
Небесныхъ братьевъ голоса;
Тебя принять — ужъ отверзали
Свою святыню небеса.

И намъ смотрѣть такъ страшно было
На измѣнившійся твой видъ;
Намъ горе сердца говорило:
Онъ улетитъ! онъ улетитъ!

И ужъ готовъ къ отлету былъ ты,
Ужъ на землѣ былъ не земной;
Ужъ все житейское сложилъ ты,
И полонъ жизни былъ иной.

И неизбѣжное свершалось,
Былъ близокъ намъ грозившій часъ;
Невозвратимо удалялось
Святое, милое отъ насъ.

Ужъ ты летѣлъ, ужъ ты стремился
Преображенный, къ небесамъ...
Скажи же, какъ къ намъ возвратился?
Какъ небомъ былъ уступленъ намъ?

Къ предѣламъ горнимъ подлетая,
Ты вспомнилъ о друзьяхъ земли,
И до тебя въ блаженства рая
Ихъ воздыханія дошли.

Любовь тебя остановила;
Сильнѣй блаженствъ была она;
И рай душа твоя забыла,
Страданьемъ нашихъ душъ полна.

И ты опять, какъ прежде, съ нами;
Опять для насъ твоя краса;
Ты повидался съ небесами
И перенесъ къ намъ небеса.

И жизнь теперь межъ насъ иная
Начнется, Ангелъ, для тебя;
Ты заглянулъ въ святыни рая, —
Но землю избралъ самъ, любя;

И въ новомъ къ намъ переселеньѣ
Сталъ ближе къ вѣчному Отцу,
Его очами на мгновенье
Увидѣвъ тамъ лицемъ къ лицу;

И чище будетъ жизнь земная,
Съ тобой, нашъ другъ, намъ данный вновь:
Ты къ намъ принесъ съ собой изъ рая
Надежду, Вѣру и Любовь.

НАЛЬ и ДАМАЯНТИ.

ИНДѢЙСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ

ВЕЛИКОЙ КНЯЖНѢ

АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВНѢ.

Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
И видимъ въ ихъ несбыточности быль,
Я видѣлъ сонъ: казалось, будто я
Цвѣтущею долиной Кашемира
Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины,
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
Наполненномъ сосудѣ — небеса
Вечернія спокойно отражая —
Сіяло озеро; по склону горъ
Отъ запада сходила на долину
Дорога, шла къ востоку и вдали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ; все вкругъ меня молчало:
Лишь изрѣдка надъ головой моей
Сіяя голубь пролеталъ, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ клики;
И вижу я: отъ запада идетъ
Блестящій ходъ; змѣею безконечной

Въ долину вьется онъ; и вдругъ я слышу;
Играютъ маршъ торжественный; и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушалъ, мимо
Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
Тамъ въ высотѣ, надъ радостно шумящимъ
Народомъ, паланкинъ; какъ привидѣнье
Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ паланкинѣ
Увидѣлъ я царевну молодую,
Невѣсту сѣвера: и на меня
Она глаза склонила мимоходомъ;
И скрылось все..... когда же я очнулся,
Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день; я чувствовалъ, что въ ней
Свершилося какъ будто откровенье
Всего прекраснаго, въ одно живое
Лице сліяннаго. — И вдругъ мой сонъ
Перемѣнился: я себя увидѣлъ
Въ царевомъ домѣ, и лицемъ къ лицу

Предстало мнѣ души моей видѣнье;
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни. — И мой сонъ
Опять перемѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла...
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью.... и я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.

Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
ДА НЕ СМУЩАЕТСЯ ТВОЯ ДУША,
Онъ говоритъ мнѣ, ВѢРУЙ ВЪ БОГА, ВѢРУЙ
Въ МЕНЯ. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь на вечерѣ моемъ,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,

Въ воспоминаніе земнаго счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.

И въ тихой мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ
Разсказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно.... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ какъ будто область
Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;

И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По-прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не одинъ, ихъ два; и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ
Какъ разцвѣтающій съ разцвѣтшимъ цвѣтомъ;
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечерѣвшей жизни.

Дюссельдорфъ, $^{16}/_{28}$ *Февраля 1843.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Жилъ былъ въ Индіи царь, по имени Наль. Виразены
Сильнаго сынъ, обладатель царства Нишадскаго, этотъ
Наль былъ славенъ дѣлами, во младости мудръ, и пре-
красенъ
Такъ, что въ цѣломъ свѣтѣ царя, подобнаго Налю,
Не было, нѣтъ и не будетъ: между другими царями
Онъ сіялъ, какъ сіяетъ солнце между звѣздами.
Крѣпкій мышцею, свѣтлый разумомъ, чтитель смиренный
Мудрыхъ духовныхъ мужей, глубóко проникнувшій въ
тайный
Смыслъ писаній священныхъ, жертвъ сожигатель у-
сердный
Въ храмахъ боговъ, вожделѣній своихъ обуздатель,
нечистымъ
Помысламъ чуждый, любовь и тайная дума
Дѣвъ, гроза и ужасъ враговъ, друзей упованье,
Опытный въ трудной военной наукѣ, искусный и
смѣлый

Вождь, изъ лука дивный стрѣлокъ, наипаче же славный
Чуднымъ искусствомъ править конями — на нихъ же онъ въ сутки
Могъ сто миль проскакать — таковъ былъ Наль; но и слабость
Такъ же имѣлъ онъ великую: въ кости играть былъ безмѣрно
Страстенъ. — Въ это же время владѣлъ Видарбинскимъ обширнымъ
Царствомъ Бима, царь благодушный; онъ долго бездѣтенъ
Былъ и тяжко скорбѣлъ отъ того, и обѣтъ передъ богами
Онъ произнесъ великій, чтобъ боги его наградили
Сладкимъ родительскимъ счастьемъ; и боги ему даровали
Трехъ сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Дáмасъ, Дáнтасъ другой, и Дáманасъ третій; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смѣлы; звѣздой красоты разцвѣла Дамаянти:
Прелесть ея прошла по землѣ чудесной молвою.
Въ домѣ отца, окруженная роемъ подружекъ, какъ будто
Свѣжимъ вѣнкомъ, сіяла межъ нихъ Дамаянти, какъ роза
Въ пышной зелени листьевъ сіяетъ, и въ этомъ собраньи
Дѣвъ сверкала, какъ молнія въ тучѣ небесной. Ни въ здѣшнемъ
Свѣтѣ, ни въ мірѣ безплотныхъ духовъ, ни въ странѣ, гдѣ святые
Боги живутъ, никогда подобной красы не видали;
Очи ея могли бы привлечь и безсмертныхъ на землю

Съ неба. Но какъ ни была Дамаянти прекрасна, не менѣ
Былъ прекрасенъ и Наль, подобный пламенно-нѣжной
Думѣ любви, облекшейся въ образъ тѣлесный. И каждый
Часъ о великомъ царѣ Нишадской земли Дамаянти
Слышала, каждый часъ о звѣздѣ красоты благородный
Царь Нишадскій слышалъ; и цвѣтъ любви изъ живаго
Сѣмени словъ межъ ними, другъ друга не знавшими, скоро
Выросъ. Однажды Наль, безъимянной болѣзнію сердца
Мучимый, въ рощѣ задумчивъ гулялъ; и вдругъ онъ увидѣлъ
Въ воздухѣ бѣлыхъ гусей; распустивъ златоперыя крылья,
Стаей летѣли они, и громко кричали, и въ рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватилъ одного. Но ему сказалъ человѣчьимъ
Голосомъ Гусь: отпусти ты меня, Государь, я за это
Службу тебѣ сослужу: о тебѣ Дамаянти прекрасной
Слово такое при случаѣ молвлю, что только и будетъ
Думать она о Налѣ одномъ. То услыша, поспѣшно
Наль отпустилъ золотаго Гуся. Вся стая помчалась
Прямо въ Видарбу, и тамъ опустилася съ крикомъ на царской
Лугъ, на которомъ въ тотъ часъ Дамаянти гуляла. Увидѣвъ
Чудныхъ птицъ, начала Дамаянти съ подружками бѣгать
Вслѣдъ за ними; а гуси, съ мѣста на мѣсто порхая,
Всѣ разсыпались по́ лугу; съ ними разсыпались такъ же
Скоро и всѣ подружки царевнины: вотъ Дамаянти

Съ Гусемъ однимъ осталась одна; и Гусь, пріосанясь,
Вдругъ сказалъ человѣческимъ голосомъ ей: Дамаянти,
Въ царствѣ Нишадскомъ царствуетъ Наль; и нѣтъ и не будетъ
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполнѣ бъ совершилось; какой бы
Плодъ родился отъ союза съ его красотою могучей
Нѣжной твоей красоты. Васъ другъ для друга послали
Боги на землю. Повѣрь тому, что тебѣ говорю я,
О тихонравная, сладкопривѣтная, чистая дѣва!
Много мы въ странствіяхъ нашихъ луговъ человѣческихъ, много
Райскихъ обителей неба видали; въ странѣ великановъ
Такъ же намъ бытъ довелось; но донынѣ еще, Дамаянти,
Встрѣтить подобнаго Налю царя намъ нигдѣ не случилось:
Ты жемчужина дѣвъ, а Наль мужей драгоцѣнный
Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрѣли
Мы на землѣ неземное. Такъ Гусь говорилъ. Дамаянти,
Слушая, радостно рдѣла; потомъ въ отвѣтъ прошептала,
Вся побѣднѣвъ отъ любви: *скажи ты то же и Налю.*
Быстро, быстро поднялся онъ, дважды рожденный, сначала
Въ видѣ яйца, потомъ изъ яйца, и въ Нишадское царство
Прямо помчался, и тамъ разсказалъ о случившемся Налю.

II.

Послѣ того, что сказалъ ей Гусь золотой, Дамаянти,
Словно какъ будто съ собою разставшись, была безпрестанно

Съ Налемъ прекраснымъ. Объятая тайною думой,
влачася
Шаткой, невѣрной стопою, какъ будто въ какомъ раз-
слабленьи,
То подымая къ небу грустныя очи, то въ землю
Ихъ потупляя, то съ полною тяжкими вздохами грудью —
Временемъ щеки какъ жаръ, временемъ блѣдныя, очи
Полныя слезъ, засохшія губы и всѣ въ безпорядкѣ
Мысли, какъ волосы — день и ночь Дамаянти вздыхала,
Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на мѣстѣ иномъ; и, тая въ болѣзни,
Пищи она ни питья припимать не хотѣла. Подружкамъ
Скоро стало замѣтно, что съ ихъ царевной прекрасной
Что-то случилось недоброе: скоро достигнулъ печальный
Слухъ и до Бимы царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Какъ скоро объ этомъ провѣдалъ
Царь, то онъ весьма опечалился. Видно настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти, сказалъ онъ.
Вотъ и задумалъ Бима дать пиръ, чтобъ отвсюду на
выборъ
Съѣхались къ ней женихи. Гонцевъ разослалъ онъ по
разнымъ
Царствамъ Индѣйскимъ: царей приглашать на праздникъ
въ Видарбу.
Только къ царямъ и царевичамъ вѣсть объ этомъ достигла,
Всѣ снарядились въ путь; съ востока и запада быстрый,
Шумный потокъ пути наводнилъ, наполняя всю землю
Смутнымъ гуломъ слоновъ, коней, колесницъ, и до неба

Пыль густую подъемля. Сіяя богатствомъ уборовъ,
Множествомъ ратниковъ, блескомъ оружій, пышностью
броней,
Съѣхались гости въ Видарбу; торжественно встрѣ-
тилъ ихъ Бима. —
Въ это время странствовать вышелъ глава и свѣтило
Всѣхъ отшельниковъ праведный старецъ Нера́да; из-
бранный
Спутникъ его былъ Перва́та блаженный. Изъ пыль-
наго міра
Темныхъ гробовъ проникнулъ онъ въ царство небес-
наго свѣта,
Въ оный предѣлъ, гдѣ садъ веселій цвѣтетъ, гдѣ великій
Властвуетъ Индра. Въ свѣтло-воздушныя сѣни вступили
Оба странника; ихъ привѣтствовалъ радостно Индра;
Имъ поклонясь и воздавъ имъ обоимъ приличную почесть,
Царь небесныя тверди спросилъ гостей о здоровьи
Ихъ и цѣлаго свѣта. Владыка, съ поклономъ Нера́да
Индрѣ отвѣтствовалъ: божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свѣтъ нашъ здоровъ: благоденствуютъ
люди и звѣри;
Въ каждой пылинкѣ и въ каждой былинкѣ жизнь и веселье.
Слыша такой отвѣтъ Нера́ды, могучій правитель
Міра спросилъ: но гдѣ же мои́ любимцы, кровавыхъ
Споровъ рѣшители, крови своей проливатели въ битвахъ,
Смерти презрители, храбрые міра защитники? Ими
Свѣтлую область мою населять я люблю: но напрасно
Жду я на пиръ мой желанныхъ гостей, не приходятъ

Гости мои ужъ давно. Скажи мнѣ, Святой, что случилось
Съ племенемъ храбрыхъ? — На это отвѣтствовалъ Индрѣ Нерáда:
Я объясню, всемогущій, тебѣ, отъ чего такъ давно ты
Здѣсь никого не видишь изъ храбрыхъ вождей: Дамаянти,
Дочь царя Видарбинскаго Бимы, которой на свѣтѣ
Нѣтъ ничего подобнаго, хочетъ по сердцу супруга
Выбрать, и всѣ цари и царевичи ѣдутъ въ Видарбу;
Всякая ссора забыта, и вотъ почему такъ спокойна
Стала земля, почему и въ твою свѣтозарную область
Гости давно не приходятъ. — Покуда ихъ длилась бесѣда,
Прибыли къ Индрѣ его соучастники въ міродержавствѣ,
Агнисъ, властитель огня, Варуна, воды повелитель,
Яма, богъ-земледержецъ. Услышавъ сказанье Нерады,
Боги воскликнули съ свѣтлымъ лицемъ: на выборѣ этомъ
Будемъ и мы. И на быстрыхъ коняхъ, предводимые Индрой,
Боги пустились въ Видарбу, куда всѣ цари собирались.
Тою порою и Наль, любовью сгарая, лишь только
Свѣдалъ о съѣздѣ великомъ въ Видарбѣ, на быстрыхъ
Крыльяхъ желанья помчался; нужды въ коняхъ не имѣлъ онъ.
Боги спустясь съ высоты, на дорогѣ увидѣли Наля:
Былъ красотою онъ свѣтелъ, какъ день; и боги, плѣняся
Той красотой, на него съ изумленьемъ смотрѣли; четыре
Стихій властителя, въ воздухѣ свой полетъ удержавши,
Вотъ что сказали: здравствуй, Нишадецъ, войскъ истребитель,

Наль Пуньялока. Хочешь ли намъ оказать ты услугу?
Нашимъ посломъ полномочнымъ иди отсюда въ Видарбу.

III.

Все исполню, отвѣтствовалъ Наль; и руки сложивши
Въ страхѣ невольномъ, съ видомъ покорнымъ спросилъ
онъ ихъ: кто вы,
Солнечнымъ блескомъ одѣтые? Съ вѣстью какой повелите
Мнѣ въ Видарбу итти? — Ему отвѣтствовалъ Индра:
Знай, что мы боги безсмертные, сшедшіе въ міръ для
прекрасной
Дочери Бимы царя Дамаянти, къ которой отвсюду
Сходятся нынѣ земные цари; я Индра, властитель
Воздуха; это Агнисъ, огня повелитель могучій;
Это Варуна, двигатель водъ, а это великій
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что нынѣ
Нашъ ты посолъ, и вотъ что ты долженъ сказать Да-
маянти:
„Вѣдай, царевна, что боги стихій — богъ воздуха Индра,
„Агнисъ огня, Варуна воды и Яма земли — къ намъ
„Съ неба сошли, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты
въ супруги!“ —
Руки сжавъ съ умиленіемъ, Наль отвѣтствовалъ Индръ:
Самъ я за тѣмъ же въ Видарбу иду; отъ другихъ не-
возможно
Быть мнѣ посломъ къ Дамаянти; молю, отъ такого
посольства,
Боги, избавьте меня. — На то отвѣтствовалъ Индра:

Развѣ не ты, благородный Нишадецъ, сказалъ намъ: *исполню?*
Можешь ли слово нарушить? Иди жъ и не смѣй отрицаться. —
Наль отвѣчалъ съ замѣшательствомъ: какъ же дойду я къ царевнѣ?
Входы всѣ заперты крѣпкою стражей. — О томъ не заботься,
Боги сказали, дойдешь свободно, иди безъ боязни.
Наль пошелъ, покоряся безъ ропота волѣ безсмертныхъ.
Онъ во дворецъ свободно проникнулъ и тамъ Дамаянти
Скоро увидѣлъ въ кругу подружекъ; какъ съ неба слетѣвшій
Ангелъ, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нѣжные члены ея, вожделенье любви пробуждая
Въ каждомъ сердцѣ; и мѣсяцъ и солнце не столь утѣшали
Свѣтомъ своимъ, какъ ея плѣнительно-двѣственный образъ.
Муку любви почувствовалъ Наль при видѣ волшебномъ
Стройнаго стана ея; но онъ пересилилъ стремленье
Силы мучительной. Всѣ подружки царевны вскочили
Съ мѣстъ, изумленныя входомъ нечаяннымъ Наля; прекрасный
Образъ его поразилъ ихъ такъ, что имъ показалось
Небо отверзтымъ. Не смѣя его вопросить, межъ собою
Тихо шептались онѣ, повторяя: откуда пришелъ онъ?
Кто онъ? какой онъ породы? райской? земной? исполинской?

Такъ вопрошали другъ друга онѣ, ослѣпленныя блескомъ
Наля, очей на него поднять не смѣя (столь боги
Прелесть его, ужъ и такъ не земную, блескомъ небеснымъ
Вдругъ возвеличили). Въ это мгновенье предъ нимъ
Дамаянти
Съ сердцевластительнымъ взоромъ, съ улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядѣла, и таяла тайнымъ
Пламенемъ. Кто ты? она наослѣдокъ спросила.
Кто ты, все озаряющій, прелестью дышащій, душу
Радостной мукой объемлющій? Какъ ты проникнулъ
въ обитель
Царской дочери, всѣмъ затворенную, мимо царевой
Стражи, никѣмъ не замѣченный? Кто ты? Какое ты
носишь
Имя? — На этотъ вопросъ Видарбинской прекрасной
царевны
Наль отвѣтствовалъ: знай, Дамаянти, я Наль; я въ Видарбу
Присланъ, царевна, тебя извѣстить, что великіе боги
Индра, Агнисъ, Варуна и Яма спустились на землю
Съ неба за тѣмъ, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты
въ супруги.
Ихъ могуществомъ могъ и сюда непримѣтно пройти я;
Зная теперь, зачѣмъ я здѣсь, Видарбинская дѣва,
Сдѣлай сама, что найдешь для себя и благимъ и приличнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вѣсть такую услышавъ, сначала богамъ Дамаянти
Сердцемъ смиреннымъ свою принесла благодарность; съ улыбкой
Налю сказала потомъ: не боги, а ты мой избранный
Свѣтлый женихъ; я твоя, и все, чѣмъ я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, всѣ мысли, желанья, и жизнь и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое безъ остатка. Что бѣлый
Гусь мнѣ сказалъ, то сердце мое сокрушило; и были
Всѣ цари и царевичи созваны мною на выборъ
Только за тѣмъ, чтобъ привлечь и тебя: но ты ужъ заранѣ
Избранъ; отдаться тебѣ поклялась я, и былъ ты
Здѣсь ужъ давно ожидаемъ; но только совсѣмъ для инаго.
Сватайся жъ самъ за меня; тебѣ неприлично являться
Здѣсь посломъ отъ другихъ; и знай, что, если тобою
Буду отвергнута я, отъ которой пріемлешь ты нынѣ
Почесть такую, то все мнѣ смертію будетъ: вода ли,

Ядъ ли, огонь ли, веревка ли, все мнѣ равно; нестерпимо
Женскому сердцу въ любви безотвѣтно признаться. На это
Наль Видарбинской царевнѣ отвѣтствовалъ: Какъ же ты можешь
Вѣчнымъ богамъ предпочесть обреченнаго смерти? Какъ можешь
Съ тѣми, отъ коихъ жизнь истекаетъ, кѣмъ держится зданье
Міра, ставить меня на ряду, недостойнаго съ прахомъ
Ногъ ихъ сравниться? Идущій противъ воли безсмертныхъ
Смерти на встрѣчу идетъ. О плѣнительно-стройная дѣва!
Будь мнѣ спасеньемъ, избравши небесное вмѣсто земнаго.
Легкость чистыхъ, безпыльно-эѳирныхъ одеждъ, неземные
Перлы, вѣнки и повязки боговъ предпочти, и блаженствуй.
Что желаннѣй тебѣ? Благовонный ли воздухъ? Огня ли
Жертвенный пылъ? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вѣчной земли? Одинъ, лазурно-воздушнымъ пространствомъ
Міръ объемля, движеньемъ и свѣтомъ его наполняетъ;
Искрою въ каждой пылинкѣ таяся, другой проникаетъ
Все, разрушая тѣла, и духу даруя свободу;
Третій, кристальною цѣпію землю обвивъ и на зыбкомъ
Пухѣ воды отдыхая, жемчужныя нити вплетаетъ
Въ кудри свои; четвертый даетъ живущему мѣсто,
Мертвому пристань и все созданье на судъ собираетъ —
Вотъ твои женихи, Дамаянти; богамъ ли безсмертнымъ
Ты откажешь? Не дѣлай того, послушайся друга. —

Съ трепетомъ сердца и влагой печали затмивши сіянье
Свѣтлыхъ очей, отвѣчала ему Дамаянти: всесильны
Вѣчные боги; я чту ихъ всѣмъ сердцемъ и имъ по-
кланяюсь
Съ вѣрой; но ты мой женихъ; ты избранъ любовію; этой
Правды скрывать не хочу я. Такъ говоря, Дамаянти
Очи стыдливо склонила и руки прижала къ дрожащимъ
Дѣвственно чистымъ грудямъ съ умоляющимъ видомъ.
Вздохнувши,
Наль отвѣчалъ: не забудь, Дамаянти, что я предъ тобою
Въ санѣ посла, нарушу ль святую довѣренность? Буду ль
Нынѣ просить для себя того, что строго велитъ мнѣ
Должность просить для другихъ? Наступитъ мой часъ,
и безъ страха
Стану за право свое. Ты сама объ этомъ размысли,
Радость очей, Видарбинская роза. Вздохъ утаивши,
Тихо въ отвѣтъ Дамаянти шепнула: о другъ, мы согласны
Въ мыслякъ; ты путь прямой избери, чтобъ упрека и тѣни
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшенье
Смертныхъ людей, съ богами ко мнѣ на торжествен-
ный выборъ;
Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра, тебя я
Выберу, царь благородный, тогда и ты предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься. Этотъ отвѣтъ Ви-
дарбинской
Дѣвы принявши, Наль возвратился въ то мѣсто, гдѣ были
Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
Міродержавцы спросили его съ живымъ любопытствомъ:

Что ты скажешь? Какой отвѣтъ намъ принесъ отъ
царевны?
Наль сказалъ: посланникомъ вашимъ проникъ я въ жилище
Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражамъ,
Видимый только царевнѣ одной; конечно то было
Такъ устроено вашею властью: съ царевной нашелъ я
Много подругъ; онѣ вскочили, меня испугавшись;
Но Дамаянти, прекрасный свѣтло смѣющійся мѣсяцъ,
Въ то мгновенье, какъ вашу волю, безсмертные боги,
Я объявлялъ ей, меня самого въ затмѣньи разсудка
Выбрала. Вотъ что сказала въ отвѣтъ мнѣ царевна:
„пусть придутъ
„Боги вмѣстѣ съ тобою ко мнѣ на торжественный выборъ;
„Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра, тебя я
„Выберу, царь благородный; тогда и ты предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься.“ Ваша воля святая
Мною исполнена, вѣчные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите съ меня и свободу мнѣ дайте.

II.

Вотъ съ наступленіемъ дня пригласилъ царь Бима на
выборъ
Всѣхъ своихъ знаменитыхъ гостей. Собрался въ об-
ширной
Царской палатѣ цари и царевичи; взоры ихъ жаркой
Жаждой любви пламенѣли; они прошли сквозь златые
Своды высокихъ дверей, какъ львы сквозь разсѣлину;
въ блескѣ

Свѣжихъ душистыхъ вѣнковъ, въ серьгахъ драгоцѣнныхъ сидѣли
Тамъ величавые гости на пышныхъ, упругихъ подушкахъ;
Тѣсно ихъ сонмище было, какъ львиная грива густая;
Полная жъ ими палата казалась разинутымъ зѣвомъ
Тигра, полнымъ зубовъ. И было тутъ чѣмъ любоваться:
Крѣпкія бедра, какъ будто столбы, литые изъ мѣди,
Сильныя мышцы и плечи, какъ будто могучіе дубы,
Съ гибкими пальцами руки, какъ змѣи съ пятью головами,
Гордыя шеи, свѣтлымъ гранитнымъ зубцамъ на вершинахъ
Горныхъ подобныя, въ блескѣ прекрасныхъ, веселѣмъ горящихъ
Лицъ и пышныхъ волосъ и высокихъ бровей и огнистыхъ
Глазъ. И въ собранье гостей вошла Дамаянти, чтобъ умъ ихъ
Взглядомъ однимъ помутить, чтобъ глаза и сердца ихъ опутать
Свѣтью любви. И всѣ къ ней очами прильнули, какъ птицы
Къ клейкой охотничьей жерди. Долго кругомъ Дамаянти
Взоръ свой водила; но тотъ, кто одинъ былъ и въ сердцѣ и мысляхъ,
Ей не являлся. Вдругъ видитъ царевна пять одинакихъ
Образовъ; были они передъ нею; то къ ней приближались,
То отъ нея отходили; и каждый ей преставлялся
Налемъ, какъ скоро глаза на него она обращала;
Мысли ея помутились. Она подумала: что мнѣ

Дѣлать? Какъ четырехъ боговъ отличу я отъ Наля?
Взоры ея напрасно божественныхъ знаковъ искали.
Знаковъ, о коихъ дошли къ намъ издревле сказанья,
не носитъ
Здѣсь на себѣ ни одинъ изъ видимыхъ мною, царевна
Думала. Вотъ наконецъ, по долгомъ съ собой раз-
мышленьи,
Такъ рѣшилась она: къ богамъ подойду я съ молитвой;
Боги молитвы моей не отринутъ. И съ вѣрой смиренной,
Руки сложивъ и къ грудямъ богомольно прижавъ ихъ,
царевна
Такъ сказала: „боги безсмертные, боги святые,
„Мною избраннаго, сердцемъ желаннаго мнѣ покажите;
„Если предъ вами я дѣломъ и мыслію правду хранила,
„Если молюся вамъ съ теплою вѣрою, если вы сами
„Мнѣ, ужъ избраннаго мною самою, въ супруги избрали,
„Если его я любить поклялася и если должны быть
„Клятвы священны, то мнѣ вы его покажите, благіе
„Боги, и знаки свои мнѣ откройте, чтобъ васъ я почтила.“
Столь сердечную жалобу слыша изъ устъ Дамаянти,
Видя ея чистоту и любовь и покорность ихъ волѣ,
Видя правдивость ея и кроткое сердце и свѣтлый
Умъ, согласились немедля ея желанье исполнить
Боги, и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти
Ихъ во мгновенье узнала по зорко-спокойному оку,
Лицамъ безпотнымъ, свѣтло-нетлѣннымъ вѣнкамъ, не-
доступнымъ
Были бѣлымъ одеждамъ, безтѣнному тѣлу и дивной

Легкости быстрыхъ движеній, съ какою они передъ нею
Въяли съ мѣста на мѣсто, земли не касаясь ногами.
Рядомъ съ ними, полуотѣненный, въ вѣнкѣ ужъ завядшемъ,
Пылью и потомъ покрытый, стоялъ на землѣ съ помраченнымъ,
Грустно потупленнымъ взоромъ задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчасъ его изъ средины безсмертныхъ и выборъ
Свой изъявила обычнымъ обрядомъ, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри ему наложивши
Свѣжій душисто-блестящій вѣнокъ. Совершился великій
Выборъ: со всѣхъ сторонъ раздалися торжественно клики;
Всѣ цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выборъ одобривъ, воскликнули: *Слава!* счастливому Налю.
Онъ же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснѣющій, очи склонившей, дрожащей невѣстѣ
Такъ сказалъ съ трепетаніемъ сердца, но голосомъ твердымъ:
Если могла при безсмертныхъ богахъ ты смертнаго мужа
Такъ почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Самъ предъ людьми и богами своею женой именую,
Весь на цѣлую жизнь отдаюся тебѣ, и доколѣ
Будетъ духъ жизни въ тѣлѣ моемъ, дотолѣ, о дѣва,

Роза Видарбы, я буду твоимъ; мое обѣщанье
Съ вѣрой прими, на меня положись; отнынѣ тебя я
Буду питать, защищать, и чтить и хранить, и останусь
Вѣренъ тебѣ всегда, во всемъ, и словомъ, и дѣломъ,
Радость и горе, богатство и бѣдность, и все неизмѣнно
Въ жизни съ тобой раздѣляя. Обѣтъ такой произнесши,
Свѣтлый женихъ передъ всѣми своей лучезарной невѣстѣ
Далъ цѣломудренно первый любви поцѣлуй; и другъ другомъ
Долго въ блаженствѣ нѣмомъ любовались они; напослѣдокъ
Вспомнивъ, что боги близко, и царь и царевна предъ ними
Пали съ молитвой; и боги скрѣпили своей благодатью
Бракъ ихъ; податели всякаго блага, они даровали
Налю четыре великія силы: могучій властитель
Воздуха далъ ему зоркость очей съ способностью въ каждомъ
Мѣстѣ просторъ находить и вездѣ освѣжаться прохладой;
Богъ огня даровалъ обладанье огнемъ и возможность
Видѣть безъ ужаса блескъ мірозданья; правитель земныя
Тверди далъ твердую поступь, чтобъ былъ для него безопасенъ
Всякій путь по землѣ, и тонкій вкусъ для разбора
Пищи; владыка воды наградилъ могуществомъ воду
Всюду творить и цвѣты раждать единымъ желаньемъ.
Такъ одаривши царя, и царевнѣ всѣ четверо вмѣстѣ

Дали одно обѣщанье: что брака ихъ радостью будутъ
Сынъ, какъ отецъ, и дочь, какъ мать, прекрасныя.
Милость
Имъ изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
Вслѣдъ и цари и царевичи, выборъ невѣсты одобривъ,
Въ путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что
схлынулъ
Этотъ приливъ гостей, устроилъ свадебный праздникъ.
Наль, сочетавшись съ своею царевною, пробылъ въ
Видарбѣ
Первые дни въ весельи и въ радости сладкой; потомъ онъ
Въ царство свое, блаженный, прославленный, съ милой
женою,
Честію женъ, звѣздой красоты и любви, вотвратился.
Тамъ въ благовонныхъ рощахъ, въ роскошныхъ цар-
скихъ палатахъ
Онъ благоденствовалъ, тихо и сладостно каплю за
каплей
Жизни изъ чаши одной выпивая съ ней вмѣстѣ, вкушая
Миръ и свободу, въ молитвѣ, въ забавахъ, въ трудѣ
и покоѣ,
Правду творя и на счастьи народномъ свое утверждая.

III.

Боги, покинувъ Видарбу и въ небо свое возвращаясь,
Встрѣтили адскаго бога Кали. Провожаемъ Двепарой,
Странствовалъ онъ по землѣ. — Куда направляешь ты
путь свой?

Индра спросилъ. — Въ Видарбу, Кали отвѣчалъ; Дамаянти
Будетъ моею женою; мнѣ въ мысли пришло, что я долженъ
Ею быть выбранъ. — Съ улыбкой отвѣтствовалъ Индра: ужъ выборъ
Сдѣланъ; ты опоздалъ; при насъ она поклялася
Въ вѣрности Налю. — Кали, услышавъ отъ Индры такую
Вѣсть, воскликнулъ въ кипѣніи гнѣва: когда Дамаянти
Смертнаго мужа посмѣла богамъ предпочесть, то надъ нею
Страшно должна отмщена быть такая обида. На это
Боги свѣта мрачнымъ богамъ отвѣчали: по волѣ
Нашей выборъ свершился въ Видарбѣ; и младъ и прекрасенъ
Наль: лишь одною бъ, лишенною смысла, онъ могъ быть не избранъ,
Онъ, непорочный, уставовъ святыхъ постоянный блюститель,
Книгъ духовныхъ внимательный чтецъ, своимъ правосудно
Правящій царствомъ; онъ, у котораго въ домѣ усердно
Приняты съ почестью, съ сладко-душистыми жертвами боги;
Онъ, правдивый, твердый и кроткій, людьми и богами
Чтимый; онъ, строгій обѣтовъ хранитель, онъ, одаренный
Набожнымъ сердцемъ, великой душею, смиреньемъ. и силой;

Онъ, въ которомъ терпѣнье, умѣренность, благость въ единый
Образъ божественной прелести слиты.... Кали, кто враждуетъ
Съ праведнымъ Налемъ, тотъ скройся въ пропасти ада, на муку
Вѣчную. Такъ отвѣчавъ, удалилися боги на небо.
Видя боговъ удалившихся, съ злобной усмѣшкой Двепаръ
Молвилъ Кали: не прощу никогда я обиды; теперь же
Въ Наля вселюсь, чтобъ его ненавистнаго ввергнуть въ погибель;
Ты же, Двепара (вѣдь знаемъ давно мы, какой онъ горячій
Въ кости игрокъ), поселися въ костяхъ и будь мнѣ помощникъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Съ замысломъ злобнымъ своимъ притаился въ обители царской
Наля коварный Кали. Онъ все выжидалъ, чтобъ удобный
Случай открылся ему совершить предпріятое; шéсть лѣтъ
Ждалъ онъ напрасно; въ седьмой годъ предсталъ наконецъ благосклонный
Случай: ко сну отходя, позабылъ совершить очищенье
Царь, и въ тѣло нечистое духъ нечистый вселился.
Въ сердце Наля проникнулъ Кали, и святое жилище
Мирной невинности сдѣлалось мутно отъ злыхъ помышленій.
Былъ у Наля сводный братъ Пушкáра. Далеко
Жилъ онъ въ своемъ городкѣ, небогатымъ участкомъ довольный;
Хитрый Кали, овладѣвши сердцемъ смиреннаго Наля,
Вотъ что сказалъ въ сновидѣньи Пушкарѣ: возьми ты скорѣе
Кости, и къ Налю иди, и игру о царствѣ Нишадскомъ

Съ нимъ заведи, и будетъ твоимъ Нишадское царство;
Весь проиграется Наль. Пушкара, прельщенный нечистымъ
Духомъ, взялъ кости, въ которыхъ уже скрывался Двепара,
Къ Налю явился и вызвалъ его на игру; загорѣлся
Бѣшеной страстію Наль, запрыгали кости и смертный
Бой начался; и царь, какъ безумный, ставилъ на кости
Все: драгоцѣнные камни, золото, утварь, одежды,
Замки и земли, и все, одно за другимъ, ослѣпленный
Хитрымъ врагомъ, онъ проигрывалъ. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ее онъ не слушалъ. Смутились
Всѣ приближенные, всѣ вельможи, весь дворъ, всѣ граждане;
Вотъ Дамаянти слышитъ, что всѣ они собрались
Въ царскомъ дворцѣ, чтобъ царю объявить, какъ сильно тревожитъ
Ихъ злоключенье такое; и въ горькихъ слезахъ Дамаянти
Такъ сказала царю: въ твоей обители весь твой
Вѣрный Нишадскій народъ собрался, и ждетъ и желаетъ
Свѣтлыя очи увидѣть твои; покажися, отвѣтствуй
Имъ на любовь ихъ вниманіемъ царскимъ. И слезы бѣжали
Быстро изъ глазъ Дамаянти; но царь не внималъ ей, враждебной
Силою мрачнаго духа объятый. И дворъ и граждане,
Видя, что Наль ихъ моленья отвергъ, разошлись, помышляя
Съ горемъ глубокимъ и тяжкимъ стыдомъ: *онъ болѣ не царь намъ!*
Кости же тою порой, какъ живыя, летали; все жарче
Бой разгарался и царь проигрывалъ съ каждымъ ударомъ.

II.

Видя, что мужъ отъ игры былъ совсѣмъ безъ ума, Дамаянти
Стала думать о томъ, какимъ бы средствомъ отъ близкой,
Имъ обоимъ грозящей бѣды защититься; но труднымъ
Ей показалось спасенье; безумный Наль поминутно
Область за областью брату проигрывалъ. Вотъ Дамаянти
Съ горемъ сказала кормилицѣ старой своей Врихазенѣ,
Чтимой всѣми въ домѣ царевомъ, совѣтницѣ умной:
Другъ мой, кормилица, слушай; ко мнѣ собери поскорѣе
Всѣхъ совѣтниковъ царскихъ; мнѣ должно съ ними изчислить,
Сколько богатства проиграно, что еще намъ осталось.
Вотъ собрался совѣтники; ихъ повела Дамаянти
Къ Налю, который игралъ безпробудно. Къ нему приступила
Съ ними царица, и, плача, выслушать ихъ умоляла.
Но очарованный Наль былъ глухъ и слѣпъ и безчувственъ;
Онъ не взглянулъ на нее, не сказалъ ей ни слова,
Все продолжалъ по-прежнему съ братомъ играть, и стоявшихъ
Въ горѣ и страхѣ предъ нимъ вельможъ не примѣтилъ.
Утративъ
Всю надежду, они съ содроганьемъ оставили царскій
Домъ. Царица же долго въ лице безумному Налю
Съ страхомъ смертельнымъ смотрѣла; а между тѣмъ роковыя,
Налю враждебныя, брату его благосклонныя кости

Стукомъ своимъ безпрестаннымъ и пуще ее ужасали.
Слушай, кормилица (такъ наконецъ Дамаянти сказала
Вѣрной своей Врихазенъ), бѣда наступила; скорѣе
Кликни Варшнею, правителя коней царевыхъ. Когда же
Къ ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда,
Вотъ что ему Дамаянти сказала: Варшнея, сопутникъ
Вѣрный царя, послужи ему и теперь въ наступившемъ
Бѣдствіи: видишь, что каждый проигрышъ съ новой
Силой въ немъ страсть къ игрѣ разжигаетъ, что кости
как̀ъ будто
Противъ него заодно съ Пушка́рой; мой царь обезумленъ
Духомъ враждебнымъ, забылъ о народѣ, о ближнихъ,
не внемлетъ
Даже и мнѣ; всему причиною кости; въ нихъ скрыта
Адская сила, а самъ онъ невиненъ. Послушай, мой добрый,
Вѣрный Варшнея, исполни мое повелѣнье: всечасно
Жду со страхомъ и трепетомъ я, что царь мой погибнетъ,
Все проигравъ; но еще не проиграны царскіе кони
Быстролетучіе; сядь въ колесницу его и немедля,
Прежде, чѣмъ наша погибель вполнѣ совершилась, въ
Видарбу
Къ Бимъ отцу моему, дѣтей отвези; поклонися
Сродникамъ всѣмъ и знакомымъ моимъ; когда же отдашь ты
Все, и сиротокъ моихъ, и царскихъ коней съ колесницей
Бимъ, тогда ты будешь волѐнъ иль остаться въ Видарбѣ
Или итти въ иную какую землю, куда ты
Самъ пожелаешь. Варшнея, вѣрный правитель царевыхъ

Коней, выслушавъ то, что ему Дамаянти сказала,
Созвалъ совѣтниковъ царскихъ; когда же и тѣ согласились
Съ умнымъ желаньемъ царицы, то, взявъ дѣтей, онъ поѣхалъ
Съ ними въ Видарбу. Тамъ, снявши дѣтей съ колесницы
Отдалъ ихъ Бимѣ, потомъ родпымъ и знакомымъ царицы
Всѣмъ отъ нея поклонился, потомъ, печалимый тяжкой
Участью Наля, пошелъ въ свой путь, и, въ Айоду пришедши,
Въ службу вступилъ къ царю Ритуперну правителемъ коней.

III.

Былъ ужъ далеко Варшнея, когда у несчастнаго Наля
Выигралъ злой Пушка́ра все царство. Съ насмѣшкою колкой
Брату сказалъ онъ: ты весь проигрался; посмотримъ,
Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
Только и есть у тебя; твое же добро остальное
Все мое; отвѣдаемъ счастья. Чьею женою
Быть должна Дамаянти, твоею или моею? —
Это услышавъ, Наль содрогнулся, вздохнулъ и ни слова
Не былъ въ силахъ промолвить; но, мрачно взглянувши на брата,
Снялъ съ себя всѣ уборы и, только одно сохранивши
Бѣдное платье, нищій, ограбленный, царь благородный
Вышелъ смиренно изъ царскаго дома, несмѣтныхъ сокровищъ

Полнаго; слѣдомъ за нимъ, безъ роптанья судьбѣ покоряся,
Такъ же одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
Ночь они провели безъ ночлега; подъ смертною казнью
Ихъ принимать запретилъ Пушкара гражданамъ Нишады;
Новый царь былъ страшенъ, и такъ ни единый изъ прежнихъ
Подданныхъ не далъ пріюта царю безпріютному. Близко
Города, голодъ и жажду терпя, однимъ безотраднымъ
Горемъ богатый, три дня и три ночи сряду скитался
Наль; потомъ онъ далъ пошелъ, печальный, голодный;
Слѣдомъ за нимъ пошла Дамаянти; для скудныя пищи
Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло ужъ
Нѣсколько дней печальнаго странствія: голодъ жестоко
Мучилъ однажды обоихъ. Вдругъ двѣ златокрылыя птички
Сѣли на травкѣ близъ самого Наля. Намъ будетъ сегодня
Пища, сказалъ онъ, тихонько подкрался къ птичкамъ, и, снявши
Съ плечъ послѣднее платье свое, имъ поспѣшно накрылъ ихъ.
Что же? Съ нимъ вмѣстѣ птички взвилися на воздухъ, и видя,
Какъ изумленъ былъ Наль, совсѣмъ обнаженный, запѣли:
„Знаешь ли кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно
„Мы сюда прилетали, чтобъ взять у тебя остальное
„Платье; намъ было досадно, что ты, совсѣмъ проигравшись,

„Съ платьемъ еще оставался. Прости, безразсудный;
счастливый
„Путь!“ — И птички изчезли. Наль сказалъ: Дамаянти,
Тѣ, отъ которыхъ такую бѣду я терплю, кто лишили
Царства, покоя и счастья меня, отъ которыхъ не смѣетъ
Нынѣ меня принимать ни одинъ изъ Нишадцевъ — подъ
видомъ
Птицъ златокрылыхъ сюда прилетали, дабы остальное
Платье похитить мое. И теперь я, силъ и разсудка
Горемъ лишенный, тебѣ самой, Дамаянти, на выборъ
Все отдаю. Та дорога ведетъ по горамъ Ришаванскимъ
Прямо въ Авантскую землю; здѣсь по склоненью Вин-
дійскихъ
Горъ, вдоль излучистой свѣтло шумящей Пайошни
проникнешь.
Въ тѣ мѣста, гдѣ отшельники въ кельяхъ святыхъ о-
битаютъ;
Здѣсь же дорога въ Видарбу. Такъ Наль говорилъ; но
рыданье
Грудь Дамаянти спирало и слезы лились по прекраснымъ,
Блѣднымъ щекамъ. Она ему отвѣчала чуть слышнымъ
Голосомъ: сердце мое замираетъ, и я отъ печали
Вся цѣпенѣю при мысли одной о томъ, что такъ сильно
Въ этотъ мигъ тебя, о возлюбленный другъ мой, тре-
вожитъ.
Царства лишенный, счастье утратившій, голодомъ,
жаждой,
Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единый

Другъ, какъ могъ пожелать ты, какъ могъ ты подумать, чтобъ было
Мнѣ возможно покинуть тебя, отъ тебя отказаться?
Нѣтъ, мой прекрасный, тебя, изнуреннаго голодомъ, жаждой,
Горемъ о счастьи погибшемъ томимаго, буду и въ дикомъ
Лѣсѣ и въ знойной степи утѣшать я и словомъ и взглядомъ.
Знай, что нѣтъ для души и для тѣла вѣрнѣе лѣкарства
Вѣрной жены. — О! правда твоя, Дамаянти, съ улыбкой
Наль отвѣтствовалъ, нѣтъ для несчастнаго лучше лѣкарства
Вѣрной, любящей жены. Я съ тобой не разстанусь; могло ли
Въ умъ твой войти подозрѣнье такое? Скорѣе съ своею
Жизнью разстануся я, чѣмъ съ тобою, сокровище жизни. —
Другъ, для чего же ты мнѣ говоришь о дорогѣ въ Видарбу?
О, мнѣ страшно! о, свѣтъ мой прекрасный, останься со мною!
Будешь себя самого ненавидѣть, меня потерявши.
Нѣтъ, мой другъ, не указывай мнѣ на эти дороги;
Вся душа во мнѣ замираетъ отъ горя и страха.
Если же хочешь, чтобъ къ сродникамъ я возвратилась въ Видарбу,
Вмѣстѣ пойдемъ; Видарбинскій царь, родитель мой, Бима
Радостно приметъ тебя и твоимъ утѣшителемъ будетъ;
Въ почести будешь со мною ты жить подъ отеческой кровлей. —
Наль отвѣчалъ: Дамаянти, сомнѣнія нѣтъ, что отецъ твой

Радостно приметъ меня, и пристанище дастъ мнѣ въ Видарбѣ;
Но, безпріютный и нищій, туда не пойду я. Могучимъ,
Славнымъ, богатымъ, подателемъ счастья тебѣ я оттуда
Вышелъ; могу ли туда возвратиться безсильнымъ, безславнымъ,
Нищимъ, счастія жизни твоей разрушителемъ? Лучше
Вмѣстѣ съ тобою, о свѣтлый мой ангелъ, пойду въ одинокій
Путь по горамъ, по долинамъ, питаяся воздухомъ, жажду
Свѣжей росой утоляя, чтобъ только лишь солнце и мѣсяцъ,
Нынѣ насъ страждущихъ видѣли, прежде насъ видѣвъ блаженныхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Такъ утѣшалъ сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
Нѣжно къ нему прижимаясь, одѣла его половиной
Скудной одежды своей; и такъ подъ однимъ покры-
валомъ,
Голодъ и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба къ низенькой хижинѣ, лѣсомъ густымъ окруженной;
Тамъ, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Другъ подлѣ друга легли на голой землѣ безъ подушки.
Наль заснулъ, и скоро глубокимъ сномъ Дамаянти
Также заснула. Но сонъ царя злополучнаго длился
Мало; тяжесть лежала на сердцѣ его; пробудившись,
Сталъ онъ думать о царствѣ своемъ, о потерянномъ
счастьи;
Странствіе въ дикихъ лѣсахъ и степяхъ его ужасало;
Умъ его помутился. Что за судьба! про себя онъ
Такъ говорилъ: не лучше ль мнѣ смерть, чѣмъ из-
гнанье и бѣдность?
Эта жъ несчастная, мнѣ себя посвятившая.... должно ль

Ей безъ вины раздѣлять мое заслужённое горе?
Розно со мною она къ роднымъ возвратится; со мною жъ
Вмѣстѣ удѣломъ ей будетъ страданье одно: такъ не
лучше ль
Намъ разстаться? — Такъ онъ все думалъ, думалъ, и скоро
Въ немъ утвердилася мысль, что ему Дамаянти покинуть
Должно. Гдѣ бы она ни была, онъ сказалъ, ни какая
Вражья рука ей, небесно-прекрасной, божественно-
чистой,
Зла приключить не дерзнетъ; опасность можетъ гро-
зить ей
Только тамъ, гдѣ буду съ ней я, на бѣду обреченный.
Такъ онъ, врагомъ обуянный, знакомился съ мыслью
разлуки.
Какъ же мнѣ быть? наконецъ онъ сказалъ: я нагъ;
ужъ не взять ли
Мнѣ половину платья ея? Но могу ли то сдѣлать
Такъ, чтобъ она не проснулась? — И онъ бродилъ въ
перѣшимыхъ
Мысляхъ около хижины; вдругъ на землѣ онъ увидѣлъ
Ржавый кинжалъ безъ ноженъ; поспѣшно, съ радостью
дикой
Этотъ кинжалъ онъ схватилъ и имъ половину отрѣзалъ
Платья у спящей жены и той половиной покрылся.
Послѣ, какъ будто въ испугѣ, зажавши глаза, побѣжалъ онъ
Прочь, но скоро назадъ возвратился и горько заплакалъ,
Глядя на спящую. „Та, на которую вѣтеръ холодный
„Дунуть не смѣлъ, которую знойное солнце не смѣло

„Жаркимъ лучемъ потревожить, краса молодая, услада
„Жизни моей, подобно безумной, въ обрѣзанномъ платьѣ
„Здѣсь на жесткомъ камнѣ лежитъ. О ангелъ небесный,
„Свѣтъ души, Дамаянти, что будетъ съ тобою, когда ты
„Болѣ меня не найдешь? О дочь прекрасная Бимы,
„Какъ же ты будешь бродить, не имѣя защитника въ
дикомъ
„Лѣсѣ, гдѣ львы и тигры живутъ, гдѣ змѣи гнѣздятся.
„О! вы, боги земные, боги воздушные, духи
„Горъ и пещеръ, охраняйте ея прекрасную младость!
„Самый же вѣрной ей щитъ ея непорочность святая!“
Такъ сказавъ, опять удаляется Наль отъ безпечно
Спящей спутницы, снова приходитъ, снова уходитъ,
Плача, терзаясь, то сильнымъ врагомъ, то любовью
влекомый.
Но наконецъ Кали одолѣлъ: трепещущій, блѣдный,
Тяжко стеная, чуть движа ногами, пошелъ онъ и скоро
Скрылся, и въ дикомъ лѣсу одна Дамаянти осталась.

II.

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
Съ ясной улыбкой открыла; ищетъ его, озираясь
Робко по всѣмъ сторонамъ.... когда же нигдѣ не нашелся
Другъ желанный, то страхъ предвѣщательный душу
пронзилъ ей;
Вдругъ она закричала отчаянно-жалобнымъ крикомъ:
Наль! но отвѣта ей не было. Царь мой, она возопила,
Мой повелитель, защитникъ, мой спутникъ, уже ли

Могъ ты покинуть меня въ такой безпріютной пустынѣ?
Я умру отъ страха въ этомъ лѣсу; возвратися,
Наль, мой другъ, мой желанный! Уже ли меня обманулъ ты?
Могъ ли ты слово нарушить свое и меня, беззаботно
Спящую, кинуть? О гдѣ ты? куда ты, въ какую
Сторону, милый, пошелъ? Подожди, возвратися; какъ могъ ты
Бросить жену, полжизни твоей? Иль надъ нею, невинной
Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что ты
Ей обѣщалъ въ присутствіи вѣчныхъ боговъ? О! теперь я постигла
Въ горѣ моемъ, что намъ умереть въ неуказанный свыше
Часъ нельзя — иначе могла ли б прожить я единый
Мигъ, потерявши тебя? О нѣтъ, ты только пугаешь
Шуткой меня; перестань же, мой другъ; отъ шутокъ подобныхъ
Стынетъ кровь и мертвѣетъ душа; я робка; воротися;
О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
Свѣтлыя очи твои мнѣ увидѣть! О гдѣ ты? Въ какую
Чащу лѣсную ты скрылся, чтобъ душу мою растревожить?
Ахъ! но если ты вправду со мною разстался, и если
Болѣ ко мнѣ не придешь и мнѣ не подашь въ утѣшенье
Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
Милый, скорбѣть о тебѣ; ты одинъ; что будетъ съ тобою,
Всѣми на свѣтѣ оставленнымъ, грустнымъ, усталымъ, голоднымъ,

Жаждущимъ? о мой милый, что будетъ, что будетъ съ тобою
Въ тѣ минуты, когда ты, меня ужъ не видя очами,
Будешь видѣть душею, и будешь звать, и нельзя ужъ
Будетъ дозваться меня, и ужъ болѣ меня ты не встрѣтишь?....
Такъ говорила въ печали своей Дамаянти, то плача
Горько, то падая съ тяжкимъ рыданьемъ на землю, то съ громкимъ
Крикомъ съ земли подымаясь и лѣсъ наполняя стенаньемъ.
Вотъ послѣ долгаго плача, рыданья, крика и стона,
Съ чувствомъ живаго къ нему сожалѣнья, она возопила:
Кто бы ни былъ тотъ врагъ, чья зависть и злоба такое
Зло приключили царю моему, пускай испытаетъ
Онъ, ненавистный, сугубое зло; пускай искуситель,
Чистую душу царя моего увлекшій въ такое
Дѣло, всѣ муки мои въ свою нечистую душу
Приметъ. Такъ проклявши врага, по дикому лѣсу,
Полному злыхъ людей и чудовищъ, пошла Дамаянти
Медленнымъ шагомъ, куда глядѣли глаза, и твердила
Грустною горлицей: милый, возлюбленный, гдѣ ты? и слезы
Градомъ катились изъ глазъ, и грудь разрывалась отъ вздоховъ.
Вдругъ на нее съ высокаго дерева кинулась съ страшнымъ
Свистомъ змѣя, голодная, длинная, жадно добычу,
Въ вѣтвяхъ древесныхъ склубившись, стерегшая. Сжатая въ крѣпкихъ

Кольцахъ чудовища, только о миломъ своемъ Дамаянти
Въ часъ погибели думала. Гдѣ ты? она восклицала,
Другъ, поспѣши на помощь ко мнѣ погибающей; горько,
Горько будетъ подумать тебѣ, когда возвратишься
Снова на царство, избѣгнувъ отъ бѣдъ, что меня ты покинулъ
Такъ беззащитно въ лѣсу на погибель. Отнынѣ кто будетъ,
О мой царь, тебя, одинокаго странника, въ темномъ
Лѣсѣ, въ знойной степи, утомленнаго, горемъ, болѣзнью
Голодомъ, жаждой томимаго, въ зной полуденный, въ жестокій
Холодъ ночной утѣшать, ободрять и покоить? Меня ужъ
Въ свѣтѣ не будетъ.... Но жалобный стонъ Дамаянти услышалъ
Шедшій вблизи звѣроловецъ. Онъ кинулся къ ней и, нацѣливъ
Меткимъ копьемъ, змѣю умертвилъ. Спасена Дамаянти.
Выпутавъ нѣжные члены ея изъ губительныхъ колепъ,
Онъ съ удивленьемъ спросилъ: откуда, красавица, кто ты?
Дѣва съ глазами живой антилопы, какою судьбою,
Въ эту пустыню зашла ты и вверглась въ такую опасность?
Съ грустно-привѣтной улыбкою повѣсть свою Дамаянти
Всю простодушно ему разсказала. Ее предъ собою
Видя полуобнаженную, съ дѣвственно-полною грудью,
Съ стройно-воздушнымъ станомъ, съ устами цвѣтущими, въ пышномъ

Шелковыхъ, черныхъ волосъ покрывалъ, съ яркимъ блистаньемъ
Черныхъ глазъ подъ бровями, прекрасною, тонкой дугою
Ихъ осѣнившими, онъ во мгновеніе звѣрской любовью
Вспыхнулъ; и взоромъ безстыднымъ ее пожиралъ онъ, и руки
Около гибкаго стана обвить онъ хотѣлъ, и рвался онъ
Къ чистымъ устамъ, чтобъ ихъ осквернить поцѣлуемъ Но гнѣвомъ
Очи ея, какъ небесная молнія, вспыхнули; грозно
Душу пронзающій взоръ на него она устремила.
Если то воля безсмертныхъ, чтобъ мною владѣлъ безъ раздѣла
Данный мнѣ ими супругъ, то теперь же пади бездыханенъ,
Врагъ ненавистный, на землю! сказала она, и лишь только
Гнѣвное слово языкъ произнесъ, какъ уже святотатецъ
Мертвъ передъ нею лежалъ, убитый ея заклинаньемъ.

III.

Чудомъ спасенная, снова пошла Дамаянти пустыннымъ
Лѣсомъ впередъ, и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ мрачнѣй становился
Лѣсъ; деревья сплеталися вѣтвями; мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы и ужасный
Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйволовъ, рысей, медвѣдей

Слышался ей; нигдѣ дороги не было; всюду
Падшія гнили деревья; межъ трупами ихъ пробивались
Дикія травы, въ которыхъ шипя ворочались змѣи;
Вправѣ и влѣвѣ, въ кустахъ и въ вершинахъ деревъ раздавались
Крики орловъ плотоядныхъ и хлопали крыльями совы.
Лѣсъ наконецъ упёрся въ высокую гору, гдѣ жили
Съ давнихъ лѣтъ великаны и карлы, которой вершина
Въ небо вдвигалась, а темное чрево хранилищемъ рѣдкихъ
Камней было. Тамъ чудно скалы на скалы громоздились;
Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипѣли, ревѣли межъ скалъ; неподвижно
Черная тѣнь лежала въ долинахъ и ярко блистали
Голые камни вершинъ; въ бездонно-глубокихъ пещерахъ
Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, съ неизмѣнной
Вѣрностью къ другу, ей измѣнившему, съ сердцемъ смиреннымъ,
Съ чистымъ въ душѣ цѣломудріемъ, съ вѣрой, не знающей страха;
Шла она, шла и пришла въ пустынное мѣсто; и въ грустныхъ
Мысляхъ о другѣ далекомъ младыя уста растворила
Къ жалобѣ нѣжной, и такъ, поминая его, говорила:

„Гдѣ ты, царь благородный, Нишадецъ прекрасный, могучій?
„Гдѣ ты? Куда ты пошелъ, мой владыка, покинувъ въ безлюдномъ
„Мѣстѣ меня безъ защиты? Скажи мнѣ, какъ могъ ты, усердный
„Жертвъ приноситель богамъ, позабыть о нашемъ союзѣ?
„Ведды читатель, какъ могъ ты обѣтъ свой нарушить? Какъ можешь
„Добрымъ молиться богамъ, повелѣвшимъ тебѣ быть защитой
„Данной ими жены, какъ и мнѣ они повелѣли
„Слѣдовать въ самую смерть за владыкой моимъ? О! зачѣмъ ты
„Слово нарушилъ? Виной ли какою я то заслужила?
„Или тебѣ не жена я? Скажи же, отвѣтствуй; зачѣмъ ты
„Такъ жестоко отрекся меня, обѣщавъ мнѣ иное?
„Или открой мнѣ, гдѣ ты теперь веселишься, оставивъ
„Въ горѣ меня безутѣшномъ? Отвѣтствуй, куда ты, Нишадскій
„Царь, ушелъ? По тебѣ твоя Видарбинка тоскуетъ;
„Сынъ Виразены могучаго, дочь благодушнаго Бимы
„Кличетъ тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
„Голосъ подай ей въ этой пустынѣ; ей здѣсь угрожаетъ
„Лѣса властитель, кровавый, голодный тигръ; неужели
„Ты отвѣта не дашь мнѣ, грустящей, плачущей, ждущей,
„Брошенной, слабой, изсохшей отъ голода, пылью покрытой,

„Ночью и днемъ безпріютной, одежды лишенной, бродящей
„Въ страхѣ, какъ матки лишенная лань? Неужели ко мнѣ ты,
„Другъ, не придешь? Я зову, но дозваться тебѣ не могу я;
„Всюду съ тобой лишь однимъ говорю, а ты безответенъ;
„Ты, изъ людей благороднѣйшій, блескомъ очей, величавой
„Стройностью стана, лица красотою божественный, гдѣ ты?
„Гдѣ ты? И гдѣ тотъ, кому бъ мнѣ сказать: *не видалъ ли ты Наля?*
„Кто бъ мнѣ отрадное слово промолвилъ въ отвѣтъ: *твой прекрасный,*
„*Твой желанный, о комъ ты такъ плачешь, такъ стуешь, близко!* —
„Вотъ бѣжитъ владыка лѣсовъ, острозубый, могучій
„Тигръ; я безъ страха къ нему подойду и скажу: благородный
„Тигръ, владыка лѣсовъ, я царская дочь Дамаянти,
„Свѣтлаго Наля жена, одинокая, сирая, въ горѣ,
„Въ страхѣ, въ нуждѣ, за нимъ безотрадно бродящая; гдѣ онъ?
„Если ты знаешь объ этомъ, звѣрей повелитель, скажи мнѣ;
„Если же нѣтъ, то скорѣе меня растерзай, чтобъ отъ муки
„Душу мою изцѣлить. Но, мои молящіе вопли

„Слыша, звѣрей повелитель къ рѣкѣ, впадающей въ море
„Мимо, отвѣта не давъ мнѣ, изъ лѣса уходитъ. Я вижу,
„Тамъ подымается, въ небо упершись вершиной, обвитый
„Пышнымъ вѣнцемъ изъ деревъ и кустовъ благовонных, цвѣтами
„Ярко пестрѣющій, солнечно-блещущій, слитый изъ твердыхъ
„Скалъ, насквозь просіянный металлами, рѣкъ и потоковъ
„Древній отецъ, лѣсовъ неприступная башня, пустыни
„Сторожъ, владыка горъ — подойду и скажу: о владыка
„Горъ первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
„Тучеподобный, земли подпиратель, тебѣ поклоняюсь;
„Слезно тебя, о великій, молю, скажи: не видалъ ли
„Наля? Я дочь благодушнаго Бимы царя, Дамаянти;
„Сынъ Виразены, Наль Пуньялока, супругъ мой, Нишады
„Царь богомудрый, глубоко постигнувшій Ведду святую,
„Чистый и мыслью и словомъ и дѣломъ, гонимыхъ защитникъ.
„Зла истребитель, съятель благъ, мнѣ данный богами
„Спутникъ, покинулъ меня и разставшися съ нимъ, я разсталась
„Съ жизнію. Нынѣ къ тебѣ прихожу, многоглавный властитель
„Горъ, съ высоты все объемлющій окомъ, скажи: не видалъ ли
„Наля? Отвѣтствуй, могучій созданія первенецъ; словомъ
„Сладкой надежды утѣшь сироту, какъ отецъ утѣшаетъ

„Дочь сокрушенную: гдѣ мой возлюбленный? гдѣ мой желанный?
„Гдѣ мой прекрасный, мой болѣе жизни мнѣ милый сопутникъ?
„Гдѣ мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангелъ хранитель?
„Рвется сердце къ нему; но немъ душа унываетъ;
„Очи ищутъ его и голоса милаго жаждетъ
„Слухъ, и грудь сгараетъ желаньемъ прижаться ко груди
„Жаркой его.... О! когда же придется услышать мнѣ снова
„Милое слово изъ сладостныхъ Налевыхъ усть: *„Дамаянти!“*
Такъ говорила въ своемъ сокрушеньи съ горою пустынной
Бѣдная царская дочь, но гора не дала ей отвѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Къ сѣверу лѣсомъ пошла Дамаянти; три дня и три ночи
Шла она; вдругъ передъ нею явилась чудесно-густая
Роща изъ райскихъ дубовъ; кругомъ живая ограда
Вся въ цвѣту и исполнена тихимъ небеснымъ сіяньемъ
Внутренность. Тамъ обитали отшельники, міра отрекшись.
Строгіе постники, чувствъ обуздатели, помысловъ свѣтлыхъ
Полные, чистой душей на землѣ небожители, въ этой
Рощѣ жили они, съ собою розно, съ одними богами
Въ тѣсномъ союзѣ; имъ пищей роса и воздухъ, одеждой
Листья древесныя были. Дивяся, смотрѣла на этотъ
Въ дикой пустынѣ сокрытый Эдемъ Дамаянти; тамъ было
Все благовонно; цвѣты и плоды сіяли межъ темныхъ
Листьевъ; сверкали ручьи; на ихъ берегахъ антилопы
Съ легкими серпами прыгали; вѣтви обвивши хвостами,
Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны; по сучьямъ деревьевъ

Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, какъ будто
Вѣя по воздуху, къ старцамъ святымъ подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она имъ сказала:
Миръ вамъ, угодники; трудное дѣло спасенья успѣшно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылаетъ огонь покаянья?
Звѣри и птицы спокойны ль въ обители вашей? Самимъ вамъ
Все ли во благо? — Они отвѣчали: все намъ во благо;
Будь равномѣрно во благо все и тебѣ. Но скажи намъ,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Насъ свѣтлый
Образъ твой всѣхъ изумилъ; успокойся у насъ и открой намъ,
Кто ты? Богиня лѣсовъ, иль полей, иль потоковъ? — На то имъ,
Тихо вздохнувъ, Дамаянти сказала въ отвѣтъ: не богиня
Я лѣсовъ, полей и потоковъ, но слабая, тяжкимъ
Горемъ гнѣтомая, смертная женщина; вамъ благодушнымъ
Старцамъ я все разскажу. Владыка Видарбы, могучій,
Славнодержавный Бима отецъ мой; властитель Нишады,
Грозный могуществомъ, къ каждомъ бою побѣдитель, великій,
Свѣтлый душею, неба достойный земли уроженецъ,
Правды защитникъ, правды вѣщатель, божественно-царскимъ

Блескомъ сіяющій, градохранитель, градорушитель,
Въ свѣтлыхъ очахъ и солнца и мѣсяца блескъ совмѣстившій,
Наль, мой супругъ, игрокомъ коварно-искуснымъ былъ вызванъ
Въ кости играть; и ему все царство свое проигралъ онъ.
Имя мое Дамаянти; одна по лѣсамъ и пустынямъ
Вслѣдъ за Налемъ скитаюсь, крушимая горемъ, и нынѣ,
Старцы смиренные, къ вамъ прихожу, чтобъ узнать, не встрѣчался ль
Гдѣ нибудь вамъ мой утраченный царь? Не видали ль въ Эдемской
Рощѣ своей вы его, за которымъ я слѣдуя, этотъ
Полный тиграми лѣсъ перешла? Скажите мнѣ, старцы,
Встрѣчу ль его? А ежели нѣтъ, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мнѣ она! одно нестерпимое бремя
Жизнь безъ него, усладителя жизни. — На жалобы царской
Дочери, съ нѣжнымъ объ ней сожалѣніемъ, такъ отвѣчали
Старцы, читая пророчески въ будущемъ: „праведны боги!
„Вѣруя имъ, не смущайся душею, прекрасная; свѣтлы,
„Тихи и чисты, какъ очи твои, невинности ясной
„Полные, будутъ грядущіе дни для тебя; то являетъ
„Намъ откровеніе свыше: ты снова увидишь супруга;
„Снова онъ будетъ царемъ, отъ вины неволныя чистый,
„Царски вѣнчанный, грозный врагамъ, утѣшеніе ближнимъ,
„Скорби твоей изцѣлитель, жизни твоей украшенье,

„Прежній твой другъ, твой сопутникъ, совѣтникъ, защитникъ — и все то
„Сбудется, если въ тебѣ не ослабнетъ терпѣнье и вѣрность....“
То сказавши, тихо исчезли пустынники; съ ними
Вмѣстѣ и утвари ихъ, и жертвенный огнь, и молитвы
Мѣсто, и свѣжесть эдемски-сіяющей рощи исчезли....
Въ темномъ лѣсѣ одна Дамаянти осталась, и было
Все пустынно кругомъ. Дамаянти сказала: не сонъ ли
Мнѣ привидѣлся? Гдѣ святые отшельники? Гдѣ ихъ
Роща? Гдѣ ихъ живые ключи, ихъ птицы, ихъ звѣри?
Гдѣ ихъ цвѣты благовонные? — Такъ въ изумленьи подумавъ,
Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
Призракъ ее ободрилъ и пошла съ упованіемъ далѣ.

II.

По лѣсу долго скиталася въ горѣ своемъ Дамаянти;
Вдругъ попадается ей деревцо, одаренное чудной
Силою душу цѣлить; у людей его называютъ
Дерево *Го́реуслад*ъ, у боговъ *Азо́ка*. Царевна
Къ этому дереву, лѣсъ оживлявшему запахомъ сладкимъ,
Цвѣтомъ покрытому, съ сѣнью густою, проникнутой звонкимъ
Пѣніемъ птицъ голосистыхъ, тотча́съ подошла и заводитъ
Рѣчь съ нимъ такую: блаженное дерево, чудный, прекрасный

Го́реусладъ, благовонный *Гореусладъ,* услади ты
Горе мое; цвѣтущій *Азо́ка*, скажи, не видалъ ли
Ты моего супруга, царя Нишадскаго, Наля?
Гдѣ онъ скитается? Помнитъ ли онъ обо мнѣ? О! порадуй
Сердце мое доброю вѣстью о немъ, цвѣтоносный *Азо́ка;*
Дай мнѣ уйти отъ тебя съ утѣшеніемъ; самъ же въ пріютѣ
Лѣса цвѣти, никѣмъ не обиженный, чистый, душистый,
Сладостный *Гореусладъ,* усладитель всякаго горя.
Такъ говоря, сорвала Дамаянти съ чуднаго древа
Вѣтку; потомъ, съ нимъ прощаясь, примолвила: съ этой вѣткой
Скорбь и печаль, и нужду, и заботу беру я съ собою;
Ты же, свободный отъ скорби, печали, нужды и заботы,
Здѣсь оставайся и если царя моего ты увидишь,
Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
Дай ему тѣнь и покой, чтобъ подъ кровлей твоей безпечальной,
Гореусладъ, онъ могъ, отдохнувъ, усладиться отъ горя.
Съ сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
Снова пустыннымъ лѣсомъ пошла, и снова предъ нею
Стали являться деревья съ широкою сѣнью, крутыя
Горы, скалы разновидныя, темныя дебри, потоки;
Въ вѣтвяхъ деревьевъ гнѣздились, шумѣли, порхали и пѣли
Птицы лѣсныя, и всюду ей въ дикой глуши попадались
То кабанъ, то шакалъ, то буйволъ, то рысь, то пантера.
Такъ Дамаянти скиталася долго. Вдругъ на широкой,
Чистой полянѣ представился ей караванъ многолюдный;

Лѣсъ оглашался крикомъ людей, скрыпѣньемъ повозокъ,
Ржаніемъ конскимъ, топотомъ тяжкимъ слоновъ и верблюдовъ,
Вдоль широкой рѣки, густымъ тростникомъ опушенной
(Гдѣ укрывалися цапли и бѣлые лебеди звучно
Голосъ свой подавали, гдѣ свѣтлая влага кипѣла
Множествомъ рыбъ, черепахъ и змѣй), караванъ тотъ тянулся.
Кинулась къ людямъ на встрѣчу царевна; ея появленье
Всѣхъ поразило; полу-нагая, однимъ покрываломъ
Шелковыхъ, длинныхъ волосъ, по плечамъ и грудямъ въ безпорядкѣ
Вьющихся, чудно-одѣтая, блѣдной подобная тѣни,
Съ горя изсохшая, вся въ пыли, но все какъ небесный
Ангелъ прекрасная — такъ имъ явилась въ лѣсу Дамаянти.
Въ страхѣ одни отъ нея убѣжали, другіе безмолвно
Ей смотрѣли въ лице, иные смѣялись, иные,
Болѣ имѣя разсудка, приблизились къ ней съ состраданьемъ.
Кто ты, образъ небесный? спросили они. Для чего ты
Въ этомъ лѣсу? Земной ли ты человѣкъ, иль созданье
Высшее, горный, могучій духъ, иль дѣва потока,
Или иная безсмертная? Будь намъ встрѣча съ тобою
Знаменьемъ добрымъ. Тебѣ мы себя предаемъ, чтобъ дорогу
Нашъ караванъ совершилъ безопасно. На это, вздохнувши,
Царская дочь отвѣчала: не съ неба сошла я; земная,

Бѣдная, жалкая странница я; мой отецъ Видарбинскій
Царь; мой супругъ обладатель Нишады Наль знаменитый;
Съ нимъ въ разлукѣ, его я ищу, и не вѣдаю, гдѣ онъ.
Если что слышали вы о владыкѣ моемъ, то скажите,
Гдѣ мнѣ съ нимъ встрѣтиться, гдѣ я найду прекраснаго Наля,
Наля, царя львино-серднаго, грозно-отважнаго въ битвахъ?
Вождь каравана, богатый купецъ, по имени Зуччи,
Ей отвѣчалъ: нигдѣ на путяхъ, по которымъ давно ужъ
Странствуемъ мы, намъ донынѣ никто не встрѣчался, кто бъ имя
Наля имѣлъ; оленей, медвѣдей, буйволовъ, тигровъ
Много въ этомъ лѣсу; но до сихъ поръ еще человѣка,
Кромѣ тебѣ, мы здѣсь не видали. — Куда жъ вы идете?
Снова спросила его Дамаянти. — Идемъ въ знаменитый
Городъ Шедди, отвѣтствовалъ Зуччи; имъ нынѣ владѣетъ
Царь Сувегу́ и въ царскомъ дворцѣ его обитаетъ
Вмѣстѣ съ нимъ его благодушная мать, драгоцѣнный
Перлъ добродѣтели женской. Услышавъ о томъ, Дамаянти
Въ городъ Шедди рѣшилась итти; пристать къ каравану
Зуччи ее пригласилъ. Съ караваномъ пошла Дамаянти.

III.

Долго съ печалью одна бродивъ по лѣсамъ, Дамаянти
Спутниковъ много имѣла теперь, но была и межъ ними
Все, какъ и прежде, съ печалью одна. По горамъ, по долинамъ
Шумнымъ потокомъ валилъ караванъ. Вотъ однажды съ закатомъ
Солнца, они очутились у тихаго озера; въ темномъ
Лѣсѣ скрывалось оно; берега облекались зеленымъ
Бархатомъ свѣжей травы; какъ стекло неподвижно-прозрачны
Были воды; и въ чистомъ зеркалѣ ихъ водяныя
Розы и лиліи ярко сіяли и бисеромъ пѣны
Легкія струйки, ласкаяся къ нимъ, осыпали ихъ листья.
Берегъ кругомъ былъ излучистъ и воды въ него то глубокой
Бухтой входили, то онъ въ ихъ широкое лоно зеленымъ
Мысомъ вдавался. Усталые путники, въ этомъ пріютномъ
Мѣстѣ ночлегъ учредивъ и снявши съ слоновъ и верблюдовъ
Лишнее бремя, спокойно легли на травѣ подъ открытымъ
Небомъ и скоро заснули. Вдругъ въ полночь (когда въ караванѣ
Всѣ какъ мертвые были отъ сна) съ горы прибѣжала
Съ страшнымъ храпѣньемъ стая дикихъ слоновъ, чтобъ въ потокѣ
Жажду свою утолить, пылая томительнымъ жаромъ.

Но, почуявши близость слоновъ каравана, съ свирѣпымъ
Бѣшенствомъ, пѣнясь и фыркая, кинулись всѣ на за-
снувшихъ
Смирныхъ враговъ; ни какою силою грозныхъ чудовищъ
Было нельзя удержать; какъ въ долину, сорвавшись съ
высокой
Горной вершины, катятся скалы, такъ, ломая деревья,
Вдругъ слоны ворвались въ караванъ и топтали лежащихъ
Сонныхъ людей. Со стономъ и крикомъ всѣ поднялися,
Всѣ смѣшались, слуга, господинъ, старикъ и младенецъ;
Ночью, страхомъ и сномъ обуянные, сами не зная,
Что за бѣда и откуда, кто въ лѣсъ, кто къ водѣ по-
бѣжали.
Слыша храпѣнье и топотъ, видя во мракѣ мельканье
Черныхъ огромныхъ тѣней, давимые тяжкой ногою,
Острымъ клыкомъ пронзенные, сжатые хоботомъ силь-
нымъ,
Въ дикомъ безпамятствѣ, люди, верблюды и кони бро-
сались
Другъ на друга, и сами въ смятеньи другъ друга губили,
Силясь спастися: тѣ кучей на дерево лѣзли, цѣпляясь
Низшіе за́ ноги высшихъ и падали вмѣстѣ, другіе
Въ яму свергались, или набѣгали на камень, иль въ
воду
Слѣпо кидалися: разомъ исчезъ караванъ многолюдный.
Многихъ въ минуту всеобщей бѣды корысть обуяла;
Голосъ лукавый шепнулъ имъ: куда вы бѣжите? погибель
Общая — общимъ и всякое стало богатство; берите

Все, что достанется въ руки; вотъ куча разсыпанных перловъ,
Вотъ драгоцѣнные камни, вотъ золото, смѣло хватайте;
Нищій нынѣче завтра будетъ богачъ.... и погибли
Всѣ, кто, предавшись корысти, замедлили бѣгствомъ спастися.
Въ это мгновенье, когда какъ потокъ разливалась повсюду
Гибель, проснулась хранимая силой боговъ Дамаянти.
Видя очами такой дотолѣ невиданный ужасъ,
Видя и слыша, какъ мчалася смерть надъ ея головою,
Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила
Только о миломъ, далекомъ, навѣкъ покидаемомъ другѣ.
Но когда миновалася буря и снова все стало
Тихо въ лѣсу, собрались по немногу спасенные. Чѣмъ мы
Гнѣвъ несказанный такой на себя отъ боговъ обратили?
Такъ разсуждали они. Позабыли ль почтить мы дарами
Бога, сокровищъ хранителя? Иль караваномъ былъ встрѣченъ
Кто никудь, дерзкій хулитель бога торговли? Иль птицы,
Намъ враждебныя, въ эту ночь пролетѣли надъ нами?
Или то было вліянье зловредныхъ планетъ?.... Напослѣдокъ
Вотъ что сказали они: вся бѣда намъ отъ встрѣчи
Съ этой безумной, нагой, изчахлой и блѣдной бродягой.
Кто она? Чародѣйка, жена иль дочь великана,
Небомъ проклятая? Если опять на глаза попадется
Эта волшебница намъ, то ее мы не добрымъ привѣтомъ,
Камнями встрѣтимъ. Она своимъ колдовствомъ погубила
Нашъ караванъ. — Такія слова въ темнотѣ Дамаянти

Слыша, съ печалью, стыдомъ и страхомъ въ чащу лѣсную
Скрылась. „О, горькая участь моя! она говорила,
Тяжко рыдая. О, счастье, меня обманувшее! снова
Цѣлымъ свѣтомъ покинута я. Какою виною
Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я
Дѣломъ иль словомъ иль мыслію зло приключила? Знать въ прежней
Жизни была я преступна: за то и въ теперешней должно
Мнѣ до гроба страдать, за то и гоненье такое
Мнѣ отъ людей, за то и разлука съ супругомъ, утрата
Царства, отъ милыхъ дѣтей и отъ милыхъ родныхъ отлученье,
Странствіе по лѣсу, полному тигровъ и змѣй, безпріютность
Въ холодъ и зной, нищета, сиротство, и ужасъ, и горе.“ —
Утро межъ тѣмъ занялось; въ небольшую толпу собрались
Всѣ непогибшіе въ страшную прошлую ночь, и въ дорогу
Снова отправились, плача о горькой утратѣ богатства,
Плача о мертвыхъ друзьяхъ. Вотъ снова покинута ими
Въ дикомъ лѣсу Дамаянти и горе ея превышало
Всѣ ихъ страданія вмѣстѣ. О! чѣмъ же, чѣмъ (говорила
Плача она) такую бѣду на себя навлекла я?
Злая участь моя и слоновъ приманила на гибель
Этихъ несчастныхъ, мнѣ давшихъ защиту; за то и должна я
Долгимъ страданьемъ свой выплатить долгъ; я чувствую въ тяжкомъ
Горѣ моемъ всю истину древняго слова: *безъ воли*

Неба никто не умретъ, и моей истерзанной груди
Хоботъ слона не коснулся. Такъ! безъ судьбы совершиться
Съ нами ничто не можетъ на свѣтѣ; я за собою
Съ самыхъ младенческихъ лѣтъ ни какого не вѣдаю злаго
Дѣла, не помню ни мысли худой, ни виновнаго свова —
Въ томъ ли мое преступленье, что я для прекраснаго Наля
Свѣтлыхъ отвергла боговъ и не мстятъ ли ужъ гнѣвные боги
Мнѣ за земную любовь безотрадной земною печалью?
Такъ говоря, Дамаянти пошла по слѣдамъ каравана
Издали, въ чащѣ таяся лѣсной, какъ въ облакѣ мѣсяцъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Вотъ наконецъ Дамаянти дошла до города Шедди.
Грустно стояла она у воротъ, не входя въ нихъ, стыдяся
Бѣдной одежды своей, обрѣзанной Налемъ, и смятыхъ
Долгихъ волосъ, въ безпорядкѣ ей грудь покрывавшихъ.
Жители города Шедди, встрѣчаяся съ ней, удивлялись
Странному виду ея, а дѣти за нею бѣжали
Съ крикомъ; ихъ шумной толпою слѣдимая, скоро къ палатамъ
Царскимъ пришла Дамаянти. Тамъ, на площадкѣ высокой
Кровли мать царева стояла. Увидя идущую, старой
Мамкѣ своей сказала она: поди, пригласи къ намъ
Эту жалкую странницу, чистый, дымомъ затменный
Огнь красоты, народомъ тѣснимую. Вѣрно пріюта
Ищетъ она. Я вижу въ ней нѣчто высокое; домъ нашъ

Свѣтомъ наполнитъ она благодатнымъ. Представилась старой
Матери царской младая царская дочь. И царица,
Ласковымъ взоромъ встрѣтя ее, сказала привѣтно:
Въ самомъ затмѣньи печали твой образъ сіяетъ, какъ въ темной
Тучѣ яркая молнія. Кто ты? Куда и откуда
Путь твой? Лице твое неземное, хотя и покрыто
Нищенскимъ рубищемъ тѣло твое; одна безъ защиты
Странствуешь ты по землѣ и людей не страшишься, какъ чистый
Ангелъ. Скажи жъ мнѣ, какое званье твое? — Дружелюбной
Рѣчью такой ободренная, такъ Дамаянти сказала:
Я не Ангелъ, царица, я смертный простой человѣкъ; но породы
Я не простой. Огорченная тяжкой разлукой съ супругомъ,
Вслѣдъ за нимъ, чтобъ его отыскать, по землѣ я скитаюсь,
Женскимъ себя рукодѣльемъ питая; плоды и коренья
Пища моя, а пристанище тамъ, гдѣ укажутъ мнѣ боги.
Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцемъ избранный,
Милый супругъ мой разстался со мною; царица, несчастливъ
Былъ онъ: въ игрѣ роковой свои всѣ богатства утративъ,

Нищимъ онъ домъ свой покинулъ, и въ лѣсъ съ одною одеждой
Скрылся; за нимъ я пошла, чтобъ имѣлъ онъ въ печали отраду.
Тамъ, изнуряемый голодомъ, онъ, на несчастье рожденный,
Платье послѣднее съ плечъ потерялъ: кто богами назначенъ
Въ жертву бѣдѣ, у того похищаетъ и вѣтеръ и птица
Платье; и днемъ и ночью я шла за нимъ, безпокровнымъ.
Разъ случилось, что я, утомленная, въ лѣсѣ заснула....
Ахъ! онъ скрылся, онъ бросилъ меня, онъ унесъ половину
Бѣдной одежды моей. Съ той поры и денно и ночно
Вслѣдъ за нимъ, весельемъ и свѣтомъ души, я по темнымъ
Дикимъ лѣсамъ, по широкимъ степямъ, по долинамъ
Странствую; мнѣ половину одежды моей возвратить онъ
Долженъ, иль взять у меня мою половинную, сердцу
Тяжкую жизнь; какъ одной половинѣ одежды другая
Надобна, такъ и мнѣ другую себя половину
Должно найти, иль жить перестать. — Съ состраданьемъ царица,
Выслушавъ жалкую повѣсть ея, отвѣчала: останься
Съ нами, блаженно-скорбящая; радовать будетъ мнѣ сердце
Свѣтлая близость твоя. Не медля ни мало, повсюду

Мы разошлемъ гонцевъ за супругомъ твоимъ; но случиться
Можетъ, что онъ ненарокомъ зайдетъ и сюда, гдѣ его ты
Будешь ждать въ безопасно-спокойномъ пріютѣ. — На то ей,
Горе свое обуздавъ, сказала въ отвѣтъ Дамаянти:
Здѣсь я охотно останусь, если ты мнѣ обѣщанье
Дашь, царица, условье исполнить такое: чтобъ низкой
Должности я не имѣла, служа лишь тебѣ, чтобъ объѣдковъ
Въ пищу мнѣ не давали, чтобъ доступъ ко мнѣ запрещенъ былъ
Всѣмъ мужчинамъ, чтобъ каждый, кто мной овладѣть пожелаетъ,
Смертью наказанъ немедленно былъ — такую дала я
Клятву богамъ, чтобъ найти помогли мнѣ супруга; видаться жъ
Только съ одними Браминами буду. Когда ты, царица,
Примешь такое условье мое, то здѣсь съ благодарнымъ
Сердцемъ останусь. — На то отвѣчала царица: исполню
Все, и святъ для меня твой обѣтъ. Потомъ приказала
Вызвать изъ внутреннихъ царскихъ покоевъ царевну Сунанду,
Дочь свою. Скоро царевна явилась, вѣнкомъ многоцвѣтнымъ
Рѣзво-прелестныхъ подругъ окруженная. Видишь, Сунанда,

(Мать ей сказала) эту пришелицу въ бѣдной одеждѣ?
Ей ты лѣтами ровесница; но испытанія жизни
Дали ей раннюю зрѣлость. Люби ты ее какъ подругу;
Ласково съ ней обходись и ее уважай, чтобъ съ тобою
Сердце ея отдохнуло, чтобъ ты въ сообществѣ съ нею
Пользу нашла для души. Сунанда, съ веселостью дѣтской
За руку взявъ Дамаянти, ее увела. И осталась
Съ той поры Дамаянти подругой царевны Сунанды.

II.

Наль, столь жестоко покинувъ свою Дамаянти, прискорбенъ,
Сумраченъ, шелъ по пустынѣ и, самъ пустыня, съ собою
Въ горѣ разстаться желалъ. Когда раскаленное солнце
Зноемъ пронзало его, онъ ему говорилъ: не за то ли,
Солнце, ты жжешь такъ жестоко меня, что я Дамаянти
Бросилъ? Онъ горько плакалъ, когда на похищенный лоскутъ
Платья ея глаза обращалъ. Изнуряемый жаждой,
Разъ подошелъ онъ къ ручью; но, въ водахъ увидя свой образъ,
Съ ужасомъ кинулся прочь. О! если бъ я могъ разлучиться
Съ этимъ лицемъ, чтобъ быть и себѣ и другимъ незнакомымъ!
Онъ воскликнулъ и въ лѣсъ побѣжалъ; и вдругъ тамъ увидѣлъ
Пламя — не пламя въ лѣсу, а въ пламени лѣсъ — и оттуда

Жалобный голосъ къ нему вопіялъ: „придешь ли, придешь ли
„Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль благодатный?
„Будь мой спаситель и будешь мною спасенъ.“ — Изумленный
Наль вопросилъ: откуда твой голосъ? Чего ты желаешь?
Гдѣ ты и кто ты? — „Я здѣсь, въ огнѣ, благородный, могучій
„Наль. Ты будешь ли столько безстрашенъ, чтобъ твердой ногою
„Въ пламя вступить и дойти до меня?“ — Ничего не страшусь я,
Кромѣ себя самого съ той минуты, когда я невѣренъ
Сталъ моей Дамаянти. Съ сими словами онъ прямо
Въ пламя пошелъ: оно подымалось, лилось изъ глубокихъ
Трещинъ земли, выростая въ видѣ вѣтвистыхъ деревьевъ,
Густо сплетенныхъ огнистыми сучьями, черно-багровый
Дымъ вѣнчалъ ихъ вершины. Въ семъ огненномъ лѣсѣ
Наль очутился одинъ — со всѣхъ сторонъ устремлялись
Жаркія вѣтви на встрѣчу ему, и всюду, гдѣ шелъ онъ,
Частой травой изъ земли пробивалося острое пламя.
Вдругъ онъ увидѣлъ въ самомъ пылу, на огромномъ, горячемъ
Камнѣ змѣю: склубяся, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она подъ своей чешуей раскаленной.
Голову, свѣтлой короной вѣнчанную, тяжко поднявши,

Такъ простонало чудовище: „я Керкóта, змѣиный
„Царь; мнѣ подвластны всѣ змѣи земныя; смиренный пустынникъ
„Старецъ Нерада проклялъ меня и обрекъ на такую
„Муку за то, что его я хотѣлъ обмануть. Ты, разсказъ мой
„Слушая, стой здѣсь покойно: стой покойно подъ страшнымъ
„Пламенемъ, жарко объявшимъ тебя, чтобъ оно затушило
„Бурю души, чтобъ душей овладѣвшій Калѝ былъ наказанъ,
„Чтобъ наконецъ ты, очищенный, снова нашелъ, что утратилъ.“

III.

„Слушай же повѣсть мою, продолжалъ, задыхаясь отъ жару,
Царь змѣиный; и Наль, терпѣливо снося нестерпимый
Пламень, внимательно слушалъ. — Нерáда, смиренный пустынникъ,
Чудный садъ насадилъ вкругъ кельи своей; и въ саду томъ
Были всѣ земныя деревья и травы, и было
Много тамъ свѣтлыхъ ручьевъ и сѣней, прохладно-тѣнистыхъ.
Въ этотъ садъ пригласилъ онъ всѣхъ незловредныхъ животныхъ;
Всѣхъ ходящихъ, летающихъ, скачущихъ, плавать иль ползать

Созданныхъ; всѣхъ же зловредныхъ, терзающихъ зубомъ, когтями
Рвущихъ, иль жаломъ пронзающихъ проклялъ и входъ запретилъ имъ
Въ садъ свой. Изъ змѣй, мнѣ подвластныхъ, въ него проникать онъ дозволилъ
Только однимъ, не имѣющимъ жала, безвредно по травкѣ
Вьющимся, рóсу сбирая съ цвѣтовъ, иль изъ ягодъ сосущимъ
Сокъ благовонный. Изъ этихъ красивыхъ, незлобно-веселыхъ
Змѣекъ одна любопытно-отважная, рѣзвая змѣйка
Разъ безъ всякаго умысла злаго, въ саду по деревьямъ
Ползала, ярко блестя чешуею на солнцѣ; вдругъ видитъ
Домикъ воздушный, сплетенный изъ тонкихъ былинокъ и моха:
Онъ на вѣткѣ висѣлъ и качался, какъ люлька; то было
Гнѣздышко маленькой птички; самой же крылатой хозяйки
Не было въ немъ; она улетѣла за пищей; яички,
Легкимъ прикрытыя пухомъ, лежали въ гнѣздѣ. Перегнувши
Тонкую шейку свою черезъ вѣтку, въ гнѣздо опустила
Голову змѣйка — и видитъ яйце тамъ лазурнаго цвѣта;
Каплей росы оно показалось, и змѣйкѣ напиться
Вдругъ захотѣлось; лизнула яйце; яйце раскололось.
Въ эту минуту птичка въ гнѣздо прилетѣла; увидя,
Что тамъ надѣлала змѣйка, бросилась съ жалобнымъ крикомъ

Прямо къ Нерадѣ она. Нерада во гнѣвѣ ужасенъ.
Тутъ же погибла бы змѣйка, когда бъ не успѣла проворно
Изъ саду скрыться. Она спаслася ко мнѣ. Но блаженный
Старецъ потребовалъ строго, чтобъ я преступницу выдалъ.
Я не посмѣлъ отказать; я спросилъ: чего ты желаешь?
Какъ повелишь ее мнѣ казнить? Я царь; самому мнѣ
Должно виновныхъ наказывать подданныхъ. — Видѣть хочу я
Завтра жъ ее на заборѣ сада висящую, строго
Мнѣ отвѣчалъ Нерада; потомъ, по прошествіи трехъ дней,
Самъ я ее передъ всѣми сожгу, чтобъ впередъ опасался
Кто бы то ни было садъ мой тревожить зломышленнымъ дѣломъ.
Былъ мнѣ прискорбенъ такой приговоръ; какъ родную, любилъ я
Эту милую змѣйку; поспѣшнѣй другихъ и вѣрнѣе
Вѣсти она приносила ко мнѣ. Предо мной извиваясь
Въ страхѣ, съ молитвой она ко мнѣ подымала головку.
Я ей сказалъ: проворнѣй, вылѣзь изъ кожи. Не нужно
Было того повторять; въ минуту въ новой одеждѣ
Змѣйка явилась моя, на землѣ предо мною оставивъ
Старую. Тотчасъ, двухъ сильныхъ удавовъ призвавъ, я велѣлъ имъ
Кожу пустую съ приличнымъ обрядомъ повѣсить на тынѣ
Сада. Когда черезъ три дня онъ сниметъ ее, то конечно
Станетъ думать, что солнце ее изсушило, такъ мыслилъ

Я, уповая, что мой мнѣ удастся обманъ. И доволенъ
Былъ Нерада моимъ послушаньемъ, увидя на тынѣ
Кожу висящую; вѣтеръ ее колыхалъ. Какъ живая,
Молвилъ Нерада, она гибка и вертлява; но краски
Кожи потускли: блѣдная смерть ее обхватила. —
Тѣмъ бы и кончилось все, когдя бъ на бѣду не пропѣла
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственнымъ мщеньемъ себя ей хотѣлось потѣшить;
къ висящей
Кожѣ она подлетѣла, чтобъ оба глáза у мертвой
Выклевать — что же? Ихъ нѣтъ; сквозь пустыя сква-
жины такъ же
Видитъ она, что и внутренность кожи пуста. И къ
Нерадѣ
Тотчасъ она полетѣла. Тебя обманули; змѣйный
Царь не змѣйку, а змѣйкину кожу повѣсилъ, пропѣла
Птичка. Страшно Нерада разгнѣвался; вдругъ онъ явился
Здѣсь, гдѣ тогда я на этомъ камнѣ лежалъ и на солнцѣ
Грѣлся одинъ — при мнѣ ни ужá, ни змѣи, ни дракона,
Стражей моихъ, тогда не случилось; я спалъ. На гро-
мовый
Голосъ Нерады проснувшись, хотѣлъ я вскочить, но,
могучимъ
Взоромъ его обезсиленъ, не могъ шевельнуться. Пре-
датель,
Старецъ сказалъ мнѣ, меня обмануть тебѣ удалося:
Призракъ за сущность я принялъ; змѣиную кожу пустую
Вмѣсто змѣи я предалъ огню, и виновную спасъ ты.

Самъ за нее наказанье прими. Не сойдешь ты отнынѣ
Съ этого камня; но будешь здѣсь не на солнечномъ свѣтѣ
Грѣться — я пламя иное зажгу вкругъ тебя; несгарая,
Будешь горѣть въ немъ, шипя и свистя отъ тоски и мѣняя
Кожу за кожей въ напрасной надеждѣ, что жаръ утолится.
Кончатся жъ муки твои лишь тогда, какъ къ тебѣ издалёка
Нѣкто придетъ, самому себѣ ненавистный и образъ
Свой утратить желающій. Если его изъ средины
Пламени ты позовешь и онъ безстрашной стопою
Въ пламень войдетъ, чтобъ избавить себя отъ мученій, сильнѣе
Муки твоей его раздирающихъ; если достанетъ
Твердости въ немъ, чтобъ среди нестерпимаго жара спокойно
Выслушать повѣсть твою — тогда ты спасенъ, прекратится
Въ ту же минуту твое наказанье, и самъ, по исходѣ
Года со днемъ, онъ все возвратитъ, о чемъ сокрушается сердцемъ.
Но чтобъ въ страданьи своемъ ты могъ къ себѣ издалёка
Звать своего искупителя, имя его я открою:
Онъ называется Налемъ. Съ сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень

Голая степь; вдругъ услышалъ я шорохъ и трескъ;
озираюсь —
Всюду изъ трещинъ земли, какъ острыя иглы, выходитъ
Пламя, все гуще и гуще растетъ, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; прикованный къ камню,
Чувствую я, какъ все подо мною, какъ все надо мною,
Камень, на коемъ лежалъ я, и воздухъ, коимъ дышалъ я,
Мало по малу въ пронзительный жаръ обращалось; сначала
Было то пламя какъ тонкая, гибкая травка: слилося
Скоро оно въ кустарникъ густой; напослѣдокъ воздвиглось
Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое дерево было
Все изъ огня; языками горящими листья шумѣли;
Вѣтви со всѣхъ сторонъ вилися какъ молніи; въ вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дымъ громовою
Тучей надъ ними клубился. Теперь на себѣ испыталъ ты,
Наль безстрашный, муку мою. Напрасно я жался,
Пламень вытягивалъ тѣло мое до тѣхъ поръ, покуда
Кожа на немъ не лопалась: снова потомъ на минуту
Я сжимался, чтобъ снова вытерпѣть то же мученье.
Цѣлыхъ семь лѣтъ протекло съ той поры, какъ лежу я на этомъ
Камнѣ въ огнѣ; а времени медленный ходъ замѣчалъ я,
Каждый часъ повторяя однажды: *придешь ли, придешь ли*
Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Наль благодатный?
Вотъ наконецъ и пришелъ ты. Но знай, что здѣсь о тебѣ я
Частые слухи имѣлъ; мнѣ подвластныя змѣи, которымъ

Всѣ на земли дороги извѣстны, ко мнѣ ежедневно
Змѣекъ-гонцевъ присылали, и каждая, вѣрно исполнивъ
Долгъ свой и вѣсть передавъ мнѣ, въ огнѣ предо мной
умирала;
Видишь, какъ много здѣсь собрано кожъ ихъ истлѣвшихъ. Отъ нихъ-то
Могъ я провѣдать о томъ, какъ ты полюбилъ Дамаянти;
Какъ цари и царевичи созваны были въ Видарбу;
Какъ мой гонитель Нерада, пресытясь земными плодами,
Садъ небесный боговъ посѣтилъ; какъ тамъ онъ посѣялъ
Сладостныхъ словъ сѣмена, отъ которыхъ мгновенно
желанье
Выросло въ сердцѣ боговъ на землю сойти; какъ богами
Былъ ты посланъ въ Видарбу. Я знаю, о Наль благо-
родный,
Также и то, что тебѣ самому досель неизвѣстно:
Какъ закрался Калѝ въ твое непорочное сердце.
Свѣдавъ, что царство свое ты утратилъ, что вмѣстѣ
съ супругой
Бродишь нагой по горамъ и степямъ, что ее нако-
нецъ ты
Самъ покинулъ, я былъ утѣшенъ надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылося. Благословляю,
Наль, и тебя и приходъ твой; уже мучительный пламень,
Жегшій донынѣ меня, уступаетъ сходящей отъ неба
Сладостной свѣжести. Наль, не страшись, приступи и,
на палецъ
Взявши меня, изъ пламени выдь.“ — Керкота умолкнулъ,

Свился проворно легкимъ кольцемъ и повиснулъ на пальцѣ
Наля; и съ нимъ побѣжалъ изъ пламени царь, и при каждомъ
Шагѣ его оно слабѣло и гасло, и скоро
Все исчезло, какъ будто его никогда не бывало.
Свѣжій почувствовавъ воздухъ, трепетомъ сладкимъ спасенья
Весь проникнутый, быстро отвившись отъ Налева пальца,
Змѣй безконечной, чешуйчатой лентою вдругъ растянулся:
Съ радостнымъ свистомъ поползъ къ тому онъ ручью, гдѣ, увидѣвъ
Образъ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
Всунулъ голову въ воду и съ жадностью долгую жажду
Послѣ толь долгаго жара сталъ утолять — истощились
Воды ручья, а змѣй по-прежнему сдѣлался полонъ.
Силы свои возвративъ, онъ, блестя чешуею на солнцѣ,
Налю сказалъ: подойди; передъ нашей разлукой ты долженъ
Зубы мои перечесть; въ такомъ долголѣтнемъ отъ муки
Скрежетѣ, много зубовъ я могъ потерять иль испортить.
Наль подошелъ; передъ нимъ оскалились зубы; считать онъ
Началъ: первóй, другóй, четвертый. Ошибся, ошибся,
Съ гнѣвомъ царь-змѣй зашипѣлъ, ты не назвалъ третьяго зуба.
Съ этимъ словомъ кольнулъ онъ третьимъ неназваннымъ зубомъ

Наля въ палецъ — и тутъ же почувствовалъ Наль, что съ собою
Онъ какъ будто разстался: сперва свой собственный образъ
Въ зеркально-свѣтломъ щитѣ, на царевой шеѣ висѣвшемъ
Онъ увидѣлъ; потомъ тотъ образъ мало по малу
Началъ блѣднѣть и скоро пропалъ; и мало по малу
Мѣсто его заступилъ другой некрасивый; и Налю
Стало ясно, что это былъ образъ его же, и болѣ
Не былъ онъ страшенъ себѣ самому въ такомъ превращеньи.
Видишь, Керкота сказалъ, что желанье твое совершилось:
Ты превращенъ, ты разстался съ собой, и отнынѣ никѣмъ ты,
Даже своею женою не можешь быть узнанъ. Простимся;
Въ путь свой съ богами иди, и не мысли, чтобъ могъ быть опасенъ
Ядъ мой тебѣ; не въ твое онъ чистое сердце проникнулъ,
Нѣтъ! а въ того, кто сердцемъ твоимъ обладаетъ: отнынѣ
Будетъ онъ жить тамъ и мучиться. Ты жъ, превращенный, съ надеждой
Путь продолжай; ищи въ чужихъ странахъ пропитанья;
Но не забудь о стихійныхъ дарахъ, отъ боговъ полученныхъ

Въ брачный день; они для тебя не потеряны; помни,
Наль, объ этомъ; и также твое искусство конями
Править тебѣ сохранилось. Въ царство Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; тамъ увидишь царя Ритуперна;
Нѣтъ на землѣ никого, кто съ нимъ бы сравнился въ искусствѣ
Счета и такъ бы въ кости игралъ. Я Вагука, правитель
Коней, скажи ты ему про себя; и если онъ спроситъ;
Много ли можешь въ день проскакать? Сто миль, отвѣчай ты.
Онъ твоему научиться искусству захочетъ; за это
Самъ научитъ тебя искусству считать: безъ него ты
Въ кости все царство свое проигралъ. И какъ скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, слѣда не оставивъ;
Въ ту же минуту, когда, и жену и дѣтей отыскавши,
Прежній свой видъ возвратить ты захочешь, лишь только объ этомъ
Часъ вспомни и въ этотъ щитокъ поглядись; кто владѣетъ
Этимъ щиткомъ, того на землѣ всѣ змѣи боятся.
Такъ говоря, Керкота одну изъ зе́ркально-свѣтлыхъ,
Шею его украшавшихъ чешуекъ снялъ и, подавши
Налю, примолвилъ: носи ее на груди; въ роковое
Время эта чешуйка тебѣ пригодится. Потомъ онъ
Скрылся; а Наль остался въ лѣсу одинъ, превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Наль, разлучившися съ змѣемъ пошелъ въ Айодское царство
Службы искать у царя Ритуперна, который давно ужъ
Принялъ къ себѣ и Варшнею, прежде служившаго Налю.
Мудрый царь Ритупернъ, великій конскій охотникъ,
Лучшихъ искусниковъ править конями сбиралъ отовсюду.
Наль, черезъ десять дней пришедши въ Айоду, къ царю Ритуперну
Тотчасъ явился. Я конюхъ Вагука, сказалъ онъ: въ искусствѣ
Править конями мнѣ равнаго нѣтъ; сто миль проскакать ихъ
Въ день я заставить могу. И во многомъ другомъ я искусенъ.
Пищу никто такъ вкусно, какъ я, не умѣетъ готовить.
Всякое дѣло, для коего нужны и трудъ и умѣнье,
Взять на себя я готовъ, и къ тебѣ царю Ритуперну
Въ службу желаю вступить. Ритупернъ отвѣчалъ благосклонно:

Въ службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отнынѣ
Главнымъ конюшимъ моимъ; надзирай за моими конями
Къ скачкѣ проворной ихъ пріучая; за службу же будешь
Сто золотыхъ получать. Товарищъ твой будетъ Варшнея,
Конюхъ искуснѣйшій въ дѣлѣ своемъ, съ нимъ старый Джевала
Мой заслуженый конюшій и много другихъ; ты безъ скуки
Будешь съ ними досугъ свой дѣлить; и свободенъ ты дѣлать,
Что пожелаешь. Будь главнымъ моимъ конюшимъ, Вагука.
Вотъ и служитъ конюшимъ Наль у царя Рituперна,
Царь безъ царства, мужъ безъ жены, изгнанникъ, лишенный
Даже лица своего, и Варшнея, ему такъ усердно
Прежде служившій, теперь ужъ товарищъ ему: подъ одною
Кровлей они; но чужды другъ другу, и вмѣстѣ и розно,
Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой
Гибели Наля царя сокрушаясь, а Наль, по супругѣ,
Брошенной имъ, ежечасно тоскуя. И было то каждый
Вечеръ, что Наль, убравши коней, одинъ затворялся
Въ стойлѣ и пѣлъ тамъ все ту же и ту же печальную пѣсню:
„Гдѣ, свѣтлоокая, ты одинокая странствуешь нынѣ?
„Зноемъ и холодомъ, жаждой и голодомъ въ дикой пустынѣ
„Ты изнуренная, ты, обнаженная, вдовствуя бродишь.
„Гдѣ утѣшеніе, въ чемъ утоленіе скорби находишь?“

Такъ онъ пѣлъ. И однажды Джевала, подслушавши эту
Пѣсню, спросилъ у него: по комъ ты, Вагука, тоскуешь?
Кто же та, о которой такую грустную пѣсню
Такъ заунывно поешь ты? — Пою про жену сумасброда,
Ею избраннаго, ею любимаго, умъ и богатство
Вдругъ потерявшаго, ей измѣнившаго, клятву святую,
Данную ей предъ богами, забывшаго. Съ ней разлученный,
Онъ ужъ давно въ тоскѣ, въ раскаяньи, въ страхѣ, не
зная
Скорби своей утоленья ни днемъ, ни ночью, бездом-
нымъ
Странникомъ бродитъ. Но каждую ночь, объ ней по-
мышляя,
Эту пѣсню поетъ онъ. Скитаясь, какъ нищій, съ тер-
пѣньемъ
Пьетъ онъ свою, преступленьемъ налитую, горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое съ однимъ лишь собою
Дѣлитъ. Она же, которая съ нимъ и въ бѣдѣ не разсталась,
Имъ въ пустынѣ забытая.... Гдѣ она? Что съ ней?
Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всѣхъ сторонъ окру-
женной
Смертью въ лѣсахъ, гдѣ гнѣздится и дикій звѣрь и
разбойникъ.
Эту повѣсть онъ самъ разсказалъ мнѣ. Съ тѣхъ поръ
и пою я
Пѣсню его, какъ самъ онъ поетъ, и объ немъ сокру-
шаюсь.

II.

Бима, царь Видарбы, узнавъ о бѣдствіи Наля,
Царство свое проигравшаго въ кости, немедленно созвалъ
Всѣхъ Видарбинскихъ Брахмановъ и такъ имъ сказалъ: отыщите
Дочь мою Дамаянти и Наля царя: кто узнаетъ,
Гдѣ мои дѣти и ихъ ко мнѣ приведетъ, тотъ получитъ
Тысячу самыхъ отборныхъ быковъ и деревню, какъ людный
Городъ богатую; тотъ же, кто, ихъ не приведши, хоть съ вѣрной
Вѣстью объ нихъ ко мнѣ возвратится, также получитъ
Десять сотень быковъ. Брахманы поспѣшно на сѣверъ,
Полдень, востокъ и западъ пошли отыскивать Наля;
Всюду, по всѣмъ областямъ, городамъ, деревнямъ, по безлюдымъ
Дикимъ лѣсамъ, по горамъ, по равнинамъ, по разнымъ дорогамъ
Долго ходили они; но напрасно; ни слуха, ни вѣсти
Нѣтъ ни о Налѣ царѣ, ни о вѣрной его Дамаянти.
Вотъ наконецъ, одинъ изъ Брахмановъ, Судѣва достигнулъ
Города Шедди и тамъ во дворцѣ, на праздникѣ царскомъ
Онъ Дамаянти увидѣлъ. Подлѣ царевны Сунанды,

Въ платьѣ печальной вдовы, на лицѣ покрывало, близъ
свѣтлой,
Радостной дѣвы она тамъ стояла — жена, по супругѣ
Мрачно скорбящая, тѣнь близъ свѣта, алмазъ безъ
сіянья,
День безъ солнца, краса, двойнымъ покровомъ отъ
взоровъ
Скрытая, чернымъ платьемъ и чернымъ горемъ. Увидя
Этотъ прекрасный, невидимо блещущій свѣтъ, догадался
Тотчасъ Судѣва, кто передъ нимъ. Про себя онъ по-
думалъ:
Тотъ же образъ я вижу, которой столь сладостно свѣтелъ
Былъ въ то утро, когда всѣ земные цари и владыки,
Съ ними и вѣчные боги въ тревогѣ надежды, смиренно
Ждали, кому изъ нихъ благодатную руку подастъ Да-
маянти.
Это она, полногрудая, темно-кудрявая, райскимъ
Блескомъ очей веселящая душу, любовь и утѣха
Міра; она, молодая лилея, лишенная корня,
Ло́тосъ, слоновой стопой сокрушенный, высокое въ
низкомъ;
Это она, по супругѣ скорбящая, вмѣстѣ съ супругомъ
Всю потерявшая жизнь, какъ источникъ, нынѣ без-
водный,
Нѣкогда быстро бѣжавшій, какъ лунная ночь по за-
тмѣньи
Полномъ луны, поглощенной внезапно небеснымъ дра-
кономъ;

Это она, достойная жить въ перломутровомъ, царскомъ
Домъ, живущая нынѣ въ чужомъ сиротою бездомной;
Славная царской породою въ горькомъ безславномъ изгнаньи;
Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастью,
Чуждая сладкой любви. Ея измучено сердце
Страстнымъ стремленьемъ къ супругу, избранному сердцемъ; на свѣтѣ
Мужъ украшенье жены; потерявъ сей небесно-прекрасный
Перлъ, и блестящая тратитъ свой блескъ. Но гдѣ жъ онъ, могучій
Наль? Перенесъ ли разлуку съ такою женою, иль мертвый
Палъ, утративъ ее? И мнѣ всю душу пронзаетъ
Горе при видѣ ея красоты сокрушенной, при встрѣчѣ
Огненно-темныхъ ея, въ слезахъ угасающихъ взоровъ.
Скоро ль, скоро ль, весь міръ исходивъ путемъ испытанья,
Къ цѣли желанной достигнетъ она и съ желаннымъ супругомъ,
Съ милымъ души, съ властителемъ жизни встрѣтится въ мірѣ,
Такъ какъ звѣзда встрѣчается съ мѣсяцемъ? Скоро ль
Съ трона низверженный Наль возвратитъ Дамаянти и тронъ свой?
О! какое блаженство тогда для обоихъ, другъ другу
Равныхъ прелестью, доблестью, знатностью рода и славой

Предковъ! Мнѣ должно теперь подойти съ утѣшитель-
нымъ словомъ
Къ ней, сокрушенной. Такъ говорилъ многомудрый Судева
Самъ съ собою; потомъ онъ къ тому приблизился мѣсту,
Гдѣ одиноко стояла среди многолюдства съ печальной
Думой своей Дамаянти. „Здравствуй, роза Видарбы,
Ей онъ сказалъ; я Судева, Брахманъ Видарбинскій;
царь Бима,
Твой родитель, живъ и здоровъ и царствуетъ мирно;
Здравствуетъ съ нимъ и твоя благодушная мать, управляя
Домомъ; здравствуютъ братья твои, здравствуютъ дѣти,
Мирно цвѣтя подъ защитою дѣда и бабки. Но горе
Всѣхъ по тебѣ сокрушило. И нынѣ по цѣлому свѣту
Ищутъ Брамины тебя; отыскать же позволили боги
Мнѣ. — Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;
Стала потомъ о родныхъ, о друзьяхъ, знакомыхъ и
ближнихъ
Спрашивать. Выросли ль дѣти? она напослѣдокъ спросила.
Съ этимъ словомъ рыданье стѣснило ей грудь, и съ
прекрасныхъ
Длинныхъ рѣсницъ покатилися крупными каплями слезы.
Видя, что плачетъ она въ разговорѣ съ Браминомъ,
Сунанда,
Сильно встревожась, сказала немедленно матери: наша
Гостья плачетъ; какой-то Браминъ говоритъ съ ней
и вѣрно
Съ нимъ знакома она, и его слова пробудили
Эту печаль. Тогда изъ покоевъ внутреннихъ вышла

Мать царица; увидя Брамина, она повелѣла
Къ ней его привести; и его распрашивать стала
Такъ: разскажи мнѣ объ ней, что вѣдаешь. Кто, и какого
Рода она? Чья дочь? Чья жена? И съ родными какою
Странной судьбою разсталась? И здѣсь ты ее по какому
Тайному признаку могъ распознать? Обо всемъ откровенно
Мнѣ разскажи. — И, сѣвъ на ему указанномъ мѣстѣ,
Такъ разсказывать началъ Судева, Браминъ многомудрый.

III.

Царствуетъ нынѣ въ Видарбѣ царь Бима, до старости поздней
Въ славѣ дожившій; а странница эта есть Дамаянти,
Дочь Видарбинскаго Бимы, жена Нишадскаго Наля.
Наль же, сынъ Виразены, бывшій владыка Нишады, безумно
Въ кости все царство свое проигралъ недостойному брату
Съ той поры, покинувъ Нишаду съ женою, пропалъ онъ
Бе́зъ вѣсти. Бима послалъ насъ отыскивать дочь. И случайно
Въ вашемъ царскомъ дворцѣ въ печальной, таинственной гостьѣ
Вашей узналъ я ее.... И кто не узналъ бы? На свѣтѣ
Нѣтъ Дамаянти другой, столь прекрасной душею и тѣломъ.
Есть при томъ и примѣта: на лбу подъ густыми

Кудрями свѣтлая скрыта звѣзда, какъ за облакомъ мѣсяцъ;
Съ нею она родилася; ее самъ Брама замѣтилъ
Знакомъ святымъ благодати; но знакъ сей однимъ лишь Браминамъ,
Видящимъ здѣсь красоту неземную, служителямъ Брамы,
Можетъ быть видимъ; и я очами Брамина, какъ злато
Въ темной рудѣ, какъ въ пеплѣ горячемъ огонь сокровенный,
Тотчасъ узналъ Дамаянти, красы несказанной свѣтило.
Кончивъ разсказъ свой, Судева умолкъ. Тутъ царевна Сунанда,
Тихо подкравшись къ подругѣ, съ ея головы покрывало
Вдругъ сорвала и кудри волосъ, осѣнявшихъ прекрасный
Лобъ Видарбинской царевны, откинула: ярко, какъ мѣсяцъ,
Тучу пронзившій, блеснула оттуда звѣзда благодати.
То увидя, Сунанда въ слезахъ умиленья припала
Къ сердцу ея, царица заплакала также; и всѣ три,
Крѣпко обнявшись, сліянныя сердцемъ, стояли безмолвно,
Слезы сливая съ слезами. Вотъ напослѣдокъ сказала
Мать царица: ты дочь моей сестры, Дамаянти.
Нашъ знаменитый отецъ былъ владыка Дафернскій Судеманъ;
Бима выбралъ сестру, меня избралъ Вирава́гу.
Я и тебя младенцемъ видала въ то время, когда мы
Вмѣстѣ съ сестрой навѣстили въ Дафернѣ отца. И тогда ужъ

Эта звѣзда сіяла на лбу у тебя. Догадалась
Тотчасъ я, кто ты, какъ скоро ты странницей грустной явилась
Здѣсь, и дочерью сердце тебя нарекло. Оставайся жъ
Съ нами, мой домъ есть твой; и все подвластное сыну
Царство также твое. Живи въ любви и согласьи
Съ нами: будь дочерью мнѣ, будь нѣжной сестрою Сунандѣ. —
„Долго я здѣсь незнакомкой въ довольствѣ жила, отвѣчала
Теткѣ своей Дамаянти; не знала нужды, подъ защитой
Вѣрной была, и въ горѣ встрѣчала веселье; но будетъ
Мнѣ веселѣе въ Видарбѣ съ роднымъ отцемъ и съ родною
Матерью. Съ миромъ меня отпусти; я давно ужъ съ своими
Ближними розно; отсюда слышится мнѣ, какъ сиротки
Дѣти мои, по матери плача, ее издалека
Кличутъ и ей говорятъ: *безъ отца мы; на что же намъ*
Быть и безъ матери? Если свое благотворное дѣло
Ты довершить надо мною желаешь, то дай мнѣ скорѣе
Средство въ Видарбу къ своимъ возвратиться.“ — Исполнена будетъ
Воля твоя, красота звѣздоносная, такъ отвѣчала
Мать царица; потомъ съ позволенія сына, владыки
Царства Шеддійскаго, въ путь снарядила милую гостью;
Пищу съ питьемъ на дорогу сама царевна Сунанда
Ей приготовила: дали коней съ колесницею; дали
Также и стражей, дабы ее на пути охраняли;
Съ плачемъ разстались потомъ. И вотъ наконецъ возвратилась

Къ ближнимъ своимъ Дамаянти. И много въ Видарбѣ веселья
Было при встрѣчѣ ея. Когда жъ Дамаянти со всѣми
Свидѣлась, съ милою матерью, съ добрымъ отцемъ и съ родными
Братьями, сродниковъ всѣхъ и знакомыхъ увидѣла, къ сердцу
Въ сладкихъ слезахъ прижала дѣтей — то первой заботой
Было ея принести благодарность богамъ и Брамину а
Всѣхъ одарить. И Бима исполнилъ свое обѣщанье:
Тысячу жирныхъ быковъ съ селомъ, богатымъ какъ городъ,
Далъ онъ Брамину Судевѣ. Награду такую сначала
Онъ обѣщалъ лишь тому, кто найдетъ Дамаянти и Наля;
Но, блаженный свиданіемъ съ дочерью, онъ ужъ не думалъ
Болѣ о Налѣ. За то не забыла о немъ Дамаянти.
Ночь одну проведя въ жилищѣ отца, на другой день
Матери такъ Дамаянти сказала: если ты хочешь
Жизнь мнѣ мою сохранить, возврати мнѣ прекраснаго Наля.
То услыша, царица заплакала горько и слова
Ей отвѣчать не могла отъ слезъ и рыданья. И вмѣстѣ
Съ нею домашніе всѣ сокрушались и громкимъ стенаньемъ
Все жилище ея наполнялось. И вотъ что царица
Бимѣ, властителю многихъ народовъ, сказала: открыла
Сердце свое мнѣ наша дочь Дамаянти; по миломъ
Налѣ тоскуетъ она несказанно. А гдѣ онъ? Удастся ль
Такъ же найти и его, какъ найти удалось Дамаянти?

Бима при этихъ словахъ опять вызываетъ Браминовъ
Новую службу ему сослужить. Святые Брамины,
Имъ говоритъ онъ, идите по всѣмъ путямъ и дорогамъ
Наля отыскивать; съ нимъ разлученная, гаснетъ отъ горя
Дочь Дамаянти. Брамины, немедленно въ путь изготовясь,
Всѣ собрались къ Дамаянти услышать ея повелѣнье:
Ихъ приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и сказала
Такъ: куда бъ ни пришли вы и гдѣ бы его ни искали —
Въ городѣ ль, въ царскомъ дворцѣ ли, въ деревнѣ ли, въ хижинѣ ль бѣдной —
Всюду одно повторяйте, вытвердивъ то, что скажу вамъ:
„Гдѣ ты, игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ украденномъ платьѣ,
„Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши отъ зноя,
„Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ, чтобъ обратно
„Къ ней ты пришелъ. По тебѣ лишь тоскуетъ она, и ни разу
„Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ себѣ на погибель заснула
„Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно брошена. То ли
„Ты обѣщалъ ей супружеской клятвой? Покровъ и защита
„Мужъ для жены; а ты, что сдѣлалъ съ своею женою,
„Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ, благородным?“
Помните эти слова и ихъ вездѣ повторяйте.
Если же кто вамъ на нихъ отзовется, то знайте, что это

Наль; и тогда немедля развѣдайте, кто онъ? Когда же
Словомъ какимъ онъ вамъ возразитъ, то скорѣе, скорѣе
Это слово мнѣ передайте, Брамины. Но будьте
Съ нимъ осторожны, чтобъ онъ догадаться не могъ, что за нимъ вы
Посланы мной и чтобъ снова не скрылся. Идите съ богами
Въ путь свой, Брамины, ищите Наля, вездѣ повторяя
Грустную пѣсню мою, воздыханья любви сокрушенной. —
Данныя имъ наставленья принявши, по разнымъ дорогамъ
Всѣ разошлися Брамины отыскивать Наля; и всюду
Въ людныхъ, большихъ городахъ, въ богатыхъ палатахъ, въ убогихъ
Хижинахъ, въ темныхъ лѣсахъ, по горамъ, по полямъ, по долинамъ,
Гдѣ только былъ человѣческій слѣдъ, неусыпно искали
Наля они, вездѣ повторяя слова Дамаянти,
Грустную пѣсню ея, воздыханья любви сокрушенной.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

I.

Вотъ по странствіи долгомъ одинъ изъ Браминовъ, Парнада
Именемъ, съ вѣстью такою пришелъ къ Дамаянти: повсюду
Наля искавъ безуспѣшно, пришелъ наконецъ я въ Айоду.
Тамъ предъ царемъ Ритуперномъ твои слова произнесъ я;
Царь ничего не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ и никто изъ придворныхъ
Также мнѣ не далъ отвѣта. Когда жъ я, простясь съ Ритуперномъ,
Вышелъ изъ царскихъ покоевъ, со мной повстрѣчался служитель
Царскій съ руками короткими, малаго роста, Вагука
Именемъ; дѣло его смотрѣть за царевой конюшней;
Видомъ онъ некрасивъ; за то великій искусникъ готовить
Пищу; также чудесно править конями: онъ можетъ

Въ сутки сто миль проскакать ихъ заставить. И вотъ что съ глубокимъ
Вздохомъ, отъ слезъ задыхаясь, сказалъ мнѣ этотъ Вагука:
„Въ бѣдности, въ горести терпятъ безропотно съ вѣрой смиренной
„Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя жены;
„Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ мстить за обиду.
„Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и усладу
„Жизни, разставшися съ вѣрной подругою, жалкій преступникъ
„Самъ уничтожить могъ, если отчаянный, платья лишенный
„Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ удалился
„Тайно отъ спутницы, если онъ съ той поры денно и ночно
„Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ — доброй женою
„Будетъ оплаканъ онъ; чтобъ ей ни встрѣтилось доброе, злое,
„Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не горемъ,
„Радость не радостью; будетъ лишь памятно бѣдствіе мужа,
„Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго всякой отрады.“
Эти услышавъ слова, я рѣшился немедля пуститься
Въ путь обратный. Царевна, сама теперь ты разсудишь,
Съ доброю ль вѣстью къ тебѣ я пришелъ. — Дамаянти, Парнаду
Выслушавъ, тотчасъ къ царицѣ пошла и такъ ей сказала:

Слушай, родная; о томъ, что я сдѣлать хочу, мой родитель
Бима вѣдать не долженъ; хочу я Брамина Судеву
Въ царство Айоду послать; награды своей половину
Онъ заслужилъ, вотъ случай ему заслужить и другую:
Вамъ возвратилъ онъ меня, пускай возвратитъ вамъ и Наля.
Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
Все учредили онѣ и царь не узналъ ни о чемъ. Одаривши
Шедро Парнаду, царевна сказала: когда возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
Слѣдъ намъ къ нему указалъ. И доволенъ остался Парнада
Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,
Такъ сказала: Судева, иди къ царю Ритуперну
Въ царство Айоду; явися ему, но такъ, чтобъ подумалъ
Царь Ритупернъ, что зашелъ ты въ Айоду случайно, и вотъ что
Скажешь ему ты, какъ будто безъ всякаго умысла: „Бима
„Снова сзываетъ въ Видарбу царей и царевичей; снова
„Хочетъ супруга избрать Дамаянти: ужъ съѣхалось много
„Къ ней жениховъ.“ И ежели знать пожелаетъ онъ, скоро ль
Долженъ быть выборъ, назначенъ ли день? Отвѣчай ты: „я вижу,
„Царь, что тебѣ одному невѣдомо то, что извѣстно
„Цѣлому свѣту; день назначенный — завтра; и если

„Самъ ты отвѣдать счастья намѣренъ, то можешь въ Видарбу
„Нынѣче же къ ночи поспѣть; у тебя есть конюхъ, искусный
„Править конями; онъ въ сутки сто миль проскакать ихъ заставитъ;
„Только не медли: завтра, чѣмъ свѣтъ, Дамаянти объявитъ
„Выборъ; о Налѣ жъ ни слуха, ни вѣсти; и вѣрно погибъ онъ.
„Если же хочешь ты знать, отъ кого я о сказанномъ слышалъ,
„Знай, Государь, что я слышалъ о томъ отъ самой Дамаянти."

II.

Вотъ и приходитъ Судева къ царю Ритуперну. То было
Рано по утру. И только что ложную повѣсть Брамина
Выслушалъ царь, какъ, съ мѣста вскочивши, воскликнулъ: скорѣе
Кликнуть Вагуку сюда! Когда же Вагука явился —
Вѣрный конюшій, сказалъ Ритуперн, мнѣ должно въ Видарбу
Нынѣче жъ поспѣть; Дамаянти опять выбираетъ супруга;
Завтра утромъ она объявитъ свой выборъ. Искусство
Нынѣ свое покажи мнѣ, Вагука, на дѣлѣ; посмотримъ,
Можешь ли въ сутки сто миль проскакать на коняхъ, не кормивши?
Царская рѣчь наполнила ужасомъ Налеву душу.

Что замышляетъ — подумалъ онъ самъ про себя — Дамаянти?
Или она отъ скорби лишилась ума? Иль какую
Хитрость задумала? Можетъ ли быть, чтобъ она на такое
Дѣло рѣшилась, она, непорочная, вѣрная, свѣтлый
Ангелъ любви? Неужель, оскорбленная мной такъ жестоко,
Хочетъ отмстить мнѣ она, смиренно-незлобный Эдемскій
Голубь? Но женское сердце измѣнчиво; я же предъ нею
Слишкомъ виновенъ; прекрасную младость ея погубилъ я;
Въ долгой разлукѣ со мной, разлучилась она и съ любовью.
Но, позабывши меня, какъ могла позабыть Дамаянти
Нашихъ дѣтей? Мнѣ должно развѣдать, что ложь и что правда
Въ этомъ слухѣ, и волю царя для себя я исполню.
Такъ онъ въ мысляхъ рѣшилъ и, покорно ко груди прижавши
Руки, царю отвѣчалъ: несомнѣнно исполнена будетъ
Царская воля твоя; мы нынѣче жъ поспѣемъ въ Видарбу
Къ вечеру. — Вотъ на конюшню Вагука пошелъ, чтобъ надежныхъ
Выбрать коней и выбралъ тощихъ, тяжелыхъ, ноздристыхъ,
Тонконогихъ, толстоголовыхъ, съ щетинистой шерстью,
Съ длинными шеями, съ гривой встопорщенной, огненно-дикихъ.
Выборъ такой царя изумилъ. Ты шутишь, Вагука,

Съ гнѣвомъ сказалъ онъ; какъ будто въ насмѣшку изъ цѣлой конюшни
Выбралъ ты самыхъ негодныхъ коней. Въ такую дорогу
Можно ль на клячахъ подобныхъ пускаться? — То добрые кони,
Царь Государь, Вагука отвѣтствовалъ; вотъ и приметы:
Двѣ на лбу, одна на груди и три на копытахъ;
Духомъ домчимся на этихъ коняхъ до Видарбы; но если
Выбрать другихъ ты желаешь, то самъ укажи ихъ; готовъ я
Волю исполнить твою. — Пускай по-твоему будетъ,
Царь отвѣчалъ; тебя не учить мнѣ; закладывай; ѣдемъ.
Выбранныхъ имъ четырехъ коней заложилъ въ колесницу
Наль, и сѣлъ въ нее съ Ритуперномъ; и съ ними, по просьбѣ
Наля, сѣлъ Варшнея. Собравши въ могучую руку
Возжи, и ими тряхнувъ, какъ браздами излучистыхъ молній,
Наль закричалъ: изготовьтесь вы, добрые кони; чтобъ нынѣче жъ
Быть намъ въ Видарбѣ! И дрогнувъ, предъ нимъ на колѣни упали
Кони; легкимъ движеньемъ руки опять онъ ихъ поднялъ
На ноги, голосъ смягчилъ и, ласковымъ словомъ придавъ имъ
Жару, крикнулъ: впередъ! Они понеслися какъ вихри.
Царь Ритупернъ на бѣгъ ихъ смотрѣлъ съ нѣмымъ изумленьемъ.

Въ то же время, разслушавъ, сколь былъ таинственно-
звученъ
Громъ колесницы и видя, что возжи со свистомъ и
трескомъ
Били коней по бокамъ и, какъ молніи, быстро сверкали,
Думу глубокую думалъ Варшнея: откуда Вагука
Могъ получить такое искусство и кто онъ? Не самъ ли
Кóней державнаго бога боговъ повелитель Метáлисъ?
Или онъ Наль, сокрывшій себя подъ личиной урода?
Налева образа нѣтъ здѣсь, но есть здѣсь Налева сила.
Кто же мнѣ правду откроетъ? Давно изъ древнихъ
преданій
Вѣдаемъ мы, что земные цари, по волѣ судьбины,
Здѣсь на землѣ иногда превращенные, странствуютъ
тайно.
Этотъ уродливый конюхъ не можетъ быть Налемъ
великимъ;
Тотъ же, подъ кѣмъ, какъ гроза въ небесахъ, гремитъ
колесница,
Кто онъ иной, какъ не Наль, мой великій владыка?
Такъ думалъ,
Молча, Варшнея и въ бѣдномъ Вагукѣ угадывалъ Наля.

III.

Кони, безъ крыльевъ крылатые, властію Наля, какъ буря,
Мчались впередъ по горамъ, по доламъ, черезъ рѣки,
потоки.
Вдругъ сорвалась съ головы Ритуперна повязка. Вагука,

Стой! онъ сказалъ, пускай Варшнея подастъ мнѣ повязку.
Поздно! отвѣтствовалъ Наль-Вагука, ужъ мы отскакали
Болѣе мили; оставимъ повязку. Царь изумился;
Вдругъ онъ увидѣлъ вдали Вибитаку, вѣтвисто-густою
Свѣжею покрытое дерево. Слушай, Вагука, сказалъ онъ,
Здѣсь на землѣ никто не имѣетъ всезнанья; въ искусствѣ
Править конями ты первый; за то мнѣ далося искусство
Счета и знаю я тайну играть *навѣрное* въ кости.
Видишь ли тамъ вдалекѣ то вѣтвистое дерево? Много
Листьевъ на немъ и много плодовъ; но много ихъ также,
Съ вѣтвей упавшихъ, лежитъ на землѣ. Такъ знай же: упало
Листьевъ четыреста три и съ ними свалилось сто десять
Спѣлыхъ плодовъ; всѣхъ сучьевъ семь сотъ сорокъ
девять; на сучьяхъ
Листьевъ осталося пять милліоновъ и восемь; плодовъ же
Тысяча триста пятнадцать созрѣвшихъ, восемьсотъ
сорокъ
Три созрѣвающихъ, семьдесятъ восемь гнилыхъ. Хоть
повѣрку
Сдѣлай, мой счетъ безъ малѣйшей ошибки. Въ эту минуту
Были они ужъ близъ дерева. Стойте, воскликнулъ Вагука,
Добрые кони; такому чудному счету нельзя мнѣ
Прежде повѣрить, пока плодовъ и сучьевъ и листьевъ
Самъ не сочту я на деревѣ этомъ. Варшнея подержитъ
Возжи, покуда я буду считать. Ритупернъ ужаснулся.
Что ты задумалъ, Вагука? сказалъ онъ, не время намъ
медлить.
Но Вагука (былъ умыселъ свой у него) непремѣнно

Счетъ повѣрить хотѣлъ. Подожди, царю отвѣчалъ онъ;
Или — если ужъ такъ ты поспѣшенъ — прямо, все прямо
Этой дорогой ступай; Варшнея будетъ конями
Править. На то Ритупернъ возразилъ, стараясь Вагуку
Лаской смягчить: не упрямься, добрый Вагука; въ искусствѣ
Править конями тебѣ подобнаго нѣтъ, и въ Видарбу
Только съ тобою однимъ поспѣть намъ къ вечеру можно.
Я (самъ видишь ты это) во власти твоей; не держи же
Долѣ меня; я сдѣлаю все въ твое угожденье,
Если только въ Видарбу доѣдемъ прежде, чѣмъ сядетъ
Солнце. Вагука, вмѣсто отвѣта, коней удержавши,
Съ козелъ сошелъ, и началъ спокойно считать по порядку
Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
Счетъ плодовъ безъ ошибки, сказалъ онъ царю Ритуперну.
Вотъ поглядимъ, не ошибся ль ты въ счетѣ сучьевъ и листьевъ?
Царь кипѣлъ нетерпѣньемъ. Будь же доволенъ, Вагука.
Развѣ мало тебѣ одного доказательства? — Мало,
Царь Государь, Вагука сказалъ, но если ты хочешь
Разомъ все кончить, то самъ объясни мнѣ, какъ могъ ты такъ много
Счесть въ такое короткое время? — Знай же, воскликнулъ
Царь (не отъ доброй души, а взбѣшенный упорствомъ Вагуки),
Я одаренъ могуществомъ счета и тайнымъ искусствомъ
Въ кости играть навѣрное. — Ежели такъ, то теперь же
То и другое мнѣ передай; въ замѣну искусство

Править конями получишь, сказалъ Вагука. — Согласенъ,
Съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ царь; и могущество счета
и тайну
Въ кости играть я тебѣ отдаю; отъ тебя же, Вагука,
Даръ твой приму, какъ скоро пріѣдемъ въ Видарбу.
Лишь только
Вымолвилъ слово свое Ритупернъ, какъ у Наля открылись
Очи и онъ всѣ вѣтви, плоды и листы Вибитаки
Разомъ могъ перечесть; и въ то же мгновенье, когда онъ
Данную силу въ себѣ ощутилъ, сокрытый дотолѣ
Въ сердцѣ его искуситель Кали оттуда исторгся
Дымомъ, и мглою своей обхватилъ Вибитаку. При первомъ
Чувствѣ свободы Наль обезпамятѣлъ; скоро однако
Онъ очнулся, и, видя лицемъ къ лицу предъ собою
Злаго врага своего, хотѣлъ проклясть нечестивца;
Но Кали возопилъ, поднявши руки смиренно:
Наль, воздержися отъ клятвы; уже довольно наказанъ
Былъ я проклятьемъ, въ минуту страданья твоею женою
Противъ меня изреченнымъ (хотя и былъ ей невѣдомъ
Общій вашъ врагъ). Съ тѣхъ поръ я, замкнутый въ
тебѣ, какъ въ темницѣ,
Столь же былъ горемъ богатъ, сколь ты былъ ра-
достью бѣденъ.
Мучимый ядомъ царя Змѣинаго, денно и ночно
Самъ я себя проклиналъ. Пощади же меня, благодушный
Наль; я отнынѣ безсиленъ; отнынѣ каждый, кто повѣсть
Бѣдственной жизни твоей прочитаетъ, тебя прославляя,
Будетъ отъ козней моихъ огражденъ и власти подобныхъ

Мнѣ зловредныхъ духовъ недоступенъ. Смягченный молящимъ
Словомъ врага побѣжденнаго, Наль воздержался отъ клятвы.
Самъ же Кали въ Вибитаку вселился и полное жизни
Дерево мигомъ засохло. При чудѣ такомъ изумился
Царь Ритупернъ (того же, что съ Налемъ въ эту минуту
Дѣлалось, видѣть и слышать не могъ онъ). Едва искуситель
Скрылся — отъ муки избавленный, радостно блещущій, новой
Жизнію пламенный, вдвое могучій, сѣлъ въ колесницу
Наль, и кони помчались; а онъ, упредивъ ихъ, душею
Былъ ужъ въ Видарбѣ, тамъ, гдѣ была Дамаянти, куда онъ
Съ сердцемъ, свободнымъ отъ зла, но все еще бѣдный, бездомный
Царь, возвращался подъ видомъ чужимъ, никому незнакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Солнце еще не угасло, когда до Видарбы достигнулъ
Царь Ритупернъ. Немедля о гостѣ нежданомъ царь Бима
Былъ извѣщенъ, и, имъ приглашенный, въ сіяньи ве-
чернемъ
Въѣхалъ въ Видарбу владыка Айоды. Какъ громъ от-
зывался
Стукъ колесницы его съ осьми сторонъ небосклона.
Налевъ стукъ и Налевъ скокъ почуяли тотчасъ
Налевы кони (которыхъ, еще до изгнанья царева,
Къ Бимѣ съ дѣтьми сама Дамаянти прислала);
Радостнымъ ржаньемъ, какъ будто при Налѣ, они от-
вѣчали
Дружно на звукъ, имъ знакомый; и, вслушавшись въ
звукъ сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти смутилась;
Что-то родное, бывалое, Налево въ вѣщее сердце
Вдругъ проникло — такъ и жена и кони узнали
Разомъ Наля по стуку его колесницы. И въ стойлахъ

Царскихъ слоны и на кровлѣ дворцовой павлины, раз-
ширивъ
Радугой пышной хвосты, при этомъ неслыханномъ стукѣ
Вдругъ встрепенулись; подняли хоботъ слоны; закричали,
Вытянувъ шею, въ радостномъ страхѣ павлины, какъ
будто
Чуя грозы, обѣщающей дождь, приближенье. И съ райскимъ
Трепетомъ, вся обращенная въ слухъ, про себя Дамаянти
Такъ говорила: мнѣ этотъ стукъ колесницы и этотъ
Топотъ, тревожащій небо и землю, насквозь проникаютъ
Душу. Это Наль, мой владыка, Наль мой желанный!
Если его я нынѣче жъ лицемъ къ лицу не увижу,
Если нынѣче же въ сладкихъ объятіяхъ Наля не буду,
Если это не онъ, столь чудно гремящій, не свѣтлый
Наль, мой царь, мой спаситель; если меня обмануло
Сердце, то болѣе жить мнѣ не должно; и въ жаркое лоно
Пламени брошусь, чтобъ кончить тоску одинокія жизни.
О! теперь позабыто все прошлое: жизнь обновилась;
Страхъ одиночества, стыдъ нищеты, безпріютность,
раздуки
Тяжкая боль — изъ сердца изглажено все; я не помню
Слова обиднаго, взгляда суроваго; помню одно лишь
Счастье святое любви, лишь его, избраннаго сердцемъ,
Радость души, благороднаго, кроткаго, сильнаго волей,
Тихаго нравомъ, разумомъ мудраго, сердцемъ младенца,
Наля, мою надежду, спасеніе, жизнь. Непрестанно
Думать о немъ и о прошлыхъ дняхъ неразлучности
сладкой,

Думать о прелести взора его и улыбки, о сладкомъ
Голосѣ, нѣжныхъ рѣчахъ, и, всею душей погружаясь
Въ думу любви, быть ровно съ нимъ, несказанно лю-
бимымъ —
Вотъ страданье, которому имени нѣтъ. Въ сокрушенныхъ
Мысляхъ такихъ Дамаянти сидѣла тогда на дворцовой
Верхней площадкѣ съ служанкой своей молодою Кезиной.
Вотъ и видятъ онѣ, что на дворъ широкій влетѣли
Кони, гремя и дымясь, съ колесницей; и въ той колесницѣ
Были трое: царь Ритупернъ, Вагука, Варшнея;
Гдѣ же Наль?.... Съ томительнымъ страхомъ глядитъ
Дамаянти;
Видитъ царя; Варшнею потомъ узнаетъ; напослѣдокъ
Смотритъ на ихъ безобразнаго спутника — ей незна-
комъ онъ.
Тою порой Ритупернъ сошелъ съ колесницы; Варшнея
Также; Вагука началъ разнуздывать коней; и въ это жъ
Время вышелъ и Бима гостю на встрѣчу. Другъ другу
Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали,
Что другъ другу сказать. Ритупернъ, осмотрясь, не
примѣтилъ
Въ царскомъ дворцѣ ничего, что бъ канунъ означало
большаго
Праздника; онъ подумалъ: я былъ легковѣрно обманутъ
Ложною вѣстью; и Бимѣ сказалъ онъ: здравья и долгихъ
Лѣтъ тебѣ я желаю. Бима такимъ же привѣтнымъ
Словомъ отвѣтствовалъ. Что, потомъ онъ спросилъ,
привело къ намъ

Въ нашу столицу Видарбу такого великаго гостя?
Слыша этотъ вопросъ и не видя нигдѣ никакого
Знака, чтобъ были другіе цари и царевичи въ царскомъ
Домѣ, владыка Айоды отвѣтствовалъ: видѣтъ хотѣлъ я,
Царь благодушный, тебя и, съ тобой познакомясь, про-
вѣдать,
Все ли въ твоемъ благоденствуетъ царствѣ? Мудрому
Бимѣ
Страннымъ отвѣтъ такой показался, и было ему не-
понятно,
Какъ могло прійти на умъ царю Рituперну·
Путь такой предпринять лишь за тѣмъ, чтобъ провѣ-
дать, здоровъ ли
Царь Видарбы, ему незнакомый. Тутъ есть, онъ подумалъ,
Вѣрно другая причина. Узнаемъ мы послѣ. И, руку
Ласково гостю подавши, сказалъ онъ: милости просимъ,
Царь Рituперинъ; мы рады весьма твоему посѣщенью.
Но ты усталъ; войди къ намъ въ палаты и тамъ у-
спокойся;
Что ни прикажешь, все будетъ исполнено. Вмѣстѣ съ
Варшнеей
Царь Рituпернъ вошелъ во дворецъ; а Вагука, отпрягши
Добрыхъ коней, отвелъ ихъ въ конюшню; потомъ,
возвратяся,
Сѣлъ на прежнее мѣсто свое въ колесницѣ и скоро
Въ грустную думу весь погрузился. Его Дамаянти
Сверху увидя, вздохнула глубоко. Уже ль обманулось
Сердце мое? сказала она; но стукъ колесницы

Былъ мнѣ знакомый, былъ подлинно Налевъ;.... а Наля не вижу.
Или Варшнея искусство его перенялъ? Или открыли
Боги его царю Ритуперну? Такъ Дамаянти
Мучилась тяжкимъ сомнѣньемъ; вотъ наконецъ, обратяся
Къ вѣрной Кезинѣ, служанкѣ своей, она ей сказала:

II.

Слушай, Кезина, поди и провѣдай, кто въ колесницѣ
Такъ угрюмо сидитъ одинъ, лицемъ некрасивый,
Руки короткія? Съ нимъ заведя разговоръ, постарайся
Выспросить, кто онъ? Меня подозрѣнье тревожитъ: не самъ ли
Наль таится подъ этимъ уродливымъ видомъ? Ты вотъ что
Сдѣлай: съ нимъ говоря, повтори, какъ будто случайно
Тѣ слова, которыя всюду Браминамъ велѣла
Я повторять; увидишь, не дастъ ли какого отвѣта
Онъ на нихъ, и ежели дастъ, то все, что ни скажетъ,
Ты замѣть и мнѣ передай. Кезина къ Вагукѣ
Тотчасъ пошла; Дамаянти жъ, на прежнемъ мѣстѣ оставшись,
Сверху смотрѣла на нихъ. Кезина, приближась къ Вагукѣ,
Такъ сказала ему: благородные гости, будь въ добрый
Часъ вамъ пріѣздъ вашъ въ Видарбу; царская дочь Дамаянти
Мнѣ приказала узнать, зачѣмъ вы здѣсь и откуда? —
Мы изъ Айоды, царю Ритуперну подвластнаго царства,

Такъ Вагука сказалъ. Узнавъ отъ Брамина, что будетъ
Снова супруга себѣ выбирать Дамаянти, Айодскій
Царь на своихъ быстроногихъ конях, которыми правлю
Я, сюда прискакалъ, чтобъ явиться съ другими на выборъ. —
Ты не одинъ при царѣ; васъ двое; кто твой товарищъ?
Кто ты самъ, и откуда, и какъ къ царю Риtуперну
Въ службу вступилъ? — Мой товарищъ Варшнея, бывшій конюшій
Наля; меня называютъ Вагука; что я не красавецъ,
Это ты видишь; служу у царя на конюшнѣ, но могъ бы
Также служить и на кухнѣ, ибо я столь же искусенъ
Вкусную пищу готовить, какъ править конями. — Скажи жъ мнѣ,
Снова спросила Кезина его, не дошла ль до Варшнеи
Вѣсть какая о Налѣ? И самъ ты объ немъ не слыхалъ ли? —
Налевыхъ бѣдныхъ дѣтей, Вагука сказалъ, проводивши
Къ дѣду и царскихъ коней оставивъ въ Видарбѣ, Варшнея
Въ службу вступилъ къ царю Риtуперну. О участи Наля
Онъ не знаетъ, и нѣтъ на землѣ никого, кто о ней бы
Что нибудь зналъ; подъ видомъ чужимъ, въ невѣдомомъ мѣстѣ
Царь укрывается. Наль одинъ на свѣтѣ о Налѣ
Знаетъ, да та лишь одна, кто съ Налемъ *одно;* никому онъ,
Кромѣ ея, не открылъ своихъ таинственныхъ знаковъ. —
Но (сказала Кезина) Браминъ, посѣтившій Айоду,

Встрѣтясь съ тобою, тебѣ повторилъ слова Дамаянти:
„Гдѣ ты, игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ украденномъ платьѣ,
„Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши отъ зноя,
„Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ, чтобъ обратно
„Къ ней ты пришелъ; о тебѣ лишь тоскуетъ она, и ни разу
„Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ, себѣ на погибель, заснула
„Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно брошена. То ли
„Ты обѣщалъ ей супружеской клятвой? Покровъ и защита
„Мужъ для жены; а ты что сдѣлалъ съ своею женою,
„Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ, благородным?“
Помнишь ли, что на эти слова отвѣчалъ ты Брамину? —
Весь поблѣднѣвъ, неподвижно смотрѣлъ на Кезину Вагука;
Долго, пронзенный незапною болью любви, не имѣлъ онъ
Силы вымолвить слова; рыдающимъ голосомъ, очи,
Полныя слезъ, опустивъ, напослѣдокъ тихо сказалъ онъ:
„Въ бѣдности, въ горести терпятъ безропотно съ вѣрой смиренной
„Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя жены,
„Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ мститъ за обиду;

„Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и усладу
„Жизни, разставшися съ вѣрной подругою, жалкій преступникъ
„Самъ уничтожить могъ; если, отчаянный, платья лишенный
„Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ удалился
„Тайно отъ спутницы, если онъ съ той поры денно и ночно
„Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ — доброй женою
„Будетъ оплаканъ онъ; чтобъ ей ни встрѣтилось доброе, злое,
„Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не горемъ,
„Радость не радостью — будетъ лишь памятно бѣдствіе мужа,
„Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго всякой отрады.“
Съ этимъ словомъ вся Налева скорбь пробудилась въ Вагукѣ;
Онъ застоналъ и слезы изъ глазъ полилися. Кезина
Тотчасъ ушла, спѣша обо всемъ извѣстить Дамаянти.

III.

Это Наль (Дамаянти сказала въ слезахъ, съ замираньемъ
Сердца Кезину выслушавъ), это мой царь, мой владыка,
Въ видѣ чужомъ. Ты должна къ нему возвратиться, Кезина,
Снова. Вблизи притаись и внимательно слѣдуй за каждымъ

Шагомъ и взглядомъ его, не откроется ль въ томъ, что замѣтишь,
Признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро
Ужинъ начнетъ онъ готовить царю Ритуперну — смотри же,
Такъ устрой, чтобъ онъ ни воды, ни огня для варенья
Пищи не могъ получить и замѣть потомъ, что начнетъ онъ
Дѣлать; и все другое, что въ немъ покажется чуднымъ,
Также мнѣ опиши. — Кезина пошла и, исполнивъ
Волю царицы, явилася къ ней съ своимъ донесеньемъ:
Нѣтъ! ни прежде видать не случалось, ни послѣ увидѣть
Мнѣ не случится того, что теперь предо мною сбылося;
Этотъ Вагука не просто земной человѣкъ; онъ съ богами
Въ явномъ союзѣ; ничто для него ни низко, ни тѣсно;
Къ низкимъ дверямъ подойдетъ — головы не наклонитъ, а сами
Двери надъ нимъ приподымутся; тѣсное мѣсто просторнымъ
Вдругъ при его приближеньи становится. Всякихъ припасовъ
Вмѣстѣ съ посудой царь Бима велѣлъ приготовить, чтобъ ужинъ
Онъ для царя Ритуперна сварилъ; но воды, какъ тобою
Было приказано, не дали; онъ того не замѣтилъ,
Только взглянулъ и водой всѣ сосуды наполнились; такъ же

Онъ и огня подъ дрова попросить не подумалъ, а только
Взялъ соломы и мигомъ сама собою солома,
Вспыхнула. Много другаго замѣтила я: безъ обжоги
Голой рукой разгребалъ онъ огонь; вода закипала,
Только что къ ней онъ касался. Но чудо послѣднее болѣ
Всѣхъ другихъ изумило меня: засохшую розу
Онъ увидѣлъ; въ пыли она безъ листьевъ лежала;
Онъ ее поднялъ, взглянулъ на нее и явилась живая
Роза въ рукѣ у него на мѣстѣ прежней, поблекшей.
Послѣ такого неслыханно-чуднаго дѣла, царица,
Я побѣжала немедля къ тебѣ. — Но уже Дамаянти
Болѣ сомнѣнья имѣть не могла, то явные были
Знаки Наля, то были дары, полученные въ самый день брака
Имъ отъ боговъ, и она ужъ, блаженствуя, видѣла сердцемъ
Наля желаннаго тамъ, гдѣ еще для очей былъ Вагука.
Сбѣгай опять ты къ нему, сказала Кезинѣ царица;
Запахъ отъ пищи, имъ приготовленной, чудно пріятенъ;
Хочется знать мнѣ, вкусна ли она? Попроси у Вагуки
Мяса жаркаго кусокъ. Побѣжала Кезина къ Вагукѣ
Снова и скоро назадъ возвратилась съ дымящимся мясомъ.
Налевъ знакомый ей вкусъ Дамаянти узнала, отвѣдавъ
Мяса. Онъ здѣсь! онъ здѣсь! въ восхищеньи она повторяла
Мысленно; болѣ сомнѣнія нѣтъ. Но долго ль онъ будетъ
Свѣтлый свой образъ таить отъ жаждущихъ взоровъ и мучить
Бѣдное сердце мое нестерпимымъ желаньемъ свиданья?

Такъ сокрушаясь, она наконецъ приказала Кезинѣ
Взять дѣтей и вывести ихъ изъ дворца, чтобъ Вагукѣ
Ихъ показать мимоходомъ. Лишь только Вагука увидѣлъ
Двухъ малютокъ, цвѣтущихъ дѣтей Дамаянти и Наля,
Столь давно потерявшихъ отца — въ немъ душа загорѣлась;
Кинулся къ нимъ онъ на встрѣчу, по имени назвалъ обоихъ,
Къ сердцу прижалъ и заплакалъ и долго, долго, слезами
Ихъ обливая, отъ нихъ оторваться не могъ, но опомнясь,
Вдругъ отскочилъ и Кезинѣ сказалъ: я также имѣю
Двухъ дѣтей малолѣтныхъ, сына и дочь; совершенно
Съ этими сходны они, и давно я съ ними въ разлукѣ.
Вотъ отъ чего я и былъ такъ сильно встревоженъ ихъ встрѣчей;
Но, послушай, люди замѣтятъ, что часто ко мнѣ ты
Ходишь, и будетъ тебѣ отъ того безъ вины нареканье;
Съ миромъ отсюда поди и болѣ ко мнѣ не являйся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Все, что было ей нужно, узнавъ, Дамаянти рѣшилась
Сдѣлать опытъ послѣдній, и матери вотъ что сказала:
Кликни Вагуку къ себѣ; я тайну эту открою;
Наль отысканъ; онъ здѣсь, я знаю, я вѣрю. Царица, согласно
Съ просьбою дочери, кликнуть велѣла Вагуку, и сколько
Волей, столько неволей, царь съ трепетаніемъ тайнымъ
Сталъ наконецъ предъ лицемъ своей Дамаянти. Безгласенъ
Сдѣлался онъ, увидя ее, прелестную въ скорби,
Чистаго Ангела радости въ платьѣ печальномъ вдовицы.
Сердцу его несказанный упрекъ, передъ нимъ Дамаянти
Молча стояла, пронзительный взоръ на него устремивши.
Дай отвѣтъ мнѣ, Вагука — она напослѣдокъ сказала —
Зналъ ли ты вѣрнаго мужа, который былъ бы способенъ
Тайно покинуть жену и ее, заснувшую съ твердой
Вѣрой въ защиту его, въ лѣсу беззащитную бросить,

Бросить одну, безъ одежды, безъ крова, безъ пищи, дотолѣ
Нѣжно любимую имъ и ничѣмъ, ни дѣломъ, ни словомъ
Ниже какимъ помышленьемъ предъ нимъ невиновную?
Вотъ что
Сдѣлалъ со мною, Вагука, супругъ мой Наль Пуньялока.
Чѣмъ я его оскорбила? Чѣмъ могла побудить я
Сердце его на такое предательство? Онъ предъ богами
Выбранъ былъ мной, предъ богами я съ нимъ сочеталась, и боги
Слышали клятву, имъ данную мнѣ, въ любви неизмѣнной.
Какъ же, Вагука, онъ могъ измѣнить своей Дамаянти,
Радостнымъ сердцемъ и горе и бѣдность и стыдъ и изгнанье
Съ нимъ раздѣлившей, той измѣнить, которой сказалъ онъ,
Руку ей давъ предъ святымъ алтаремъ: „тебя я отнынѣ
„Буду чтить и любить, защищать и питать, и съ тобою
„Горе и радость, богатство и бѣдность и все неизмѣнно
„Въ жизни дѣлить обѣщаюсь?“ Вагука, скажи мнѣ, какъ могъ онъ
Такъ измѣниться, такъ все позабыть? — Сокрушенный и блѣдный
Слушалъ въ безмолвіи Наль укоризны своей Дамаянти.
Очи ея, свѣтозарныя звѣзды, были покрыты
Облакомъ скорби и быстрымъ ручьемъ сквозь густыя рѣсницы
Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихимъ,
Трепетнымъ голосомъ Наль отвѣчалъ: что Нишадское царство

Было проиграно Налемъ, не онъ въ томъ несчастный виновенъ:
Злобный Кали обезумилъ его и имъ же, коварно
Вкравшимся въ сердце къ нему, очарованный Наль въ изступленьи
Спящую бросилъ тебя; когда же въ лѣсу ты — не зная,
Кто онъ — врага своего прокляла, твои поразили
Клятвы Кали, спокойно владѣвшаго Налевымъ сердцемъ; и съ тѣхъ поръ
Адски страдалъ онъ, какъ въ пламени пламень горя, заключенный
Въ стаждущемъ Налѣ, какъ въ мрачной тюрьмѣ. Отъ нечистаго духа
Наль избавленъ, и будетъ отъ всякой онъ клятвы свободенъ,
Если, увидясь съ женою, найдетъ, что ему сохранила
Вѣрность она и любовь. Теперь отвѣчай, Дамаянти,
Что онъ найдетъ? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты вѣрность?
По́ свѣту ходятъ гонцы отъ тебя и отвсюду сзываютъ
Новыхъ къ тебѣ жениховъ въ замѣну погибшаго Наля.
Вотъ что сюда привело и царя Риту́перна, и самъ я,
Бѣдный конюшій Вагука, его конями былъ долженъ
Править, чтобъ могъ онъ поспѣть на сча́стливый выборъ. Услышавъ
Жалобы Наля, смиренно руки сложила и съ чистымъ
Взглядомъ небеснаго Ангела, Ангелъ земной, Дамаянти

Такъ отвѣчала: тебѣ ль, мой избранный, тебѣ ль, предпочтенный
Мною богамъ, меня оскорблять такимъ подозрѣньемъ?
Вѣдай: сама я послала Брамина къ царю Ритуперну
Съ ложною вѣстью о выборѣ новомъ въ Видарбѣ. Узнало
Сердце мое, что Вагука былъ ты, и невинный обманъ мой
Былъ удаченъ — ты мнѣ возвращенъ. И съ клятвою правды
Здѣсь, Государь, прикасаясь къ колѣнамъ твоимъ, предъ тобою
Сердцемъ спокойнымъ, какъ будто предъ небомъ самимъ, говорю я:
Вѣрность къ тебѣ и любовь я во всей чистотѣ сохранила.
Вѣтеръ свободно играетъ, носясь по всему поднебесью;
Вѣдаетъ все онъ; пускай онъ моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила;
Солнце въ высокомъ блаженствѣ сіяетъ, горитъ надъ водами,
Окомъ всевидящимъ ходитъ оно по всему поднебесью,
Пусть же, все видя, оно моимъ обвинителемъ будетъ
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила;
Мѣсяцъ, свѣтило покоя, во мракѣ ночномъ замѣчаетъ
Тайное все въ небесахъ и тайное все въ поднебесьи,
Пусть же онъ, тайны всѣ зная, моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила.
Пусть и небесныя силы, хранящія небо и землю,

Правду мою подтвердятъ иль смерть мнѣ пошлютъ за неправду.
Такъ вызывала и небо и землю въ свидѣтели чистой
Жизни своей Дамаянти; и вотъ ей откликнулся съ неба
Вѣтеръ и такъ свой отвѣтъ изъ пространства лазурнаго свѣжимъ
Словомъ провѣялъ: „какъ небо мое, чиста Дамаянти,
„Долгу вѣрна, въ любви неизмѣнна, слова ея правда;
„Вѣрь ей, и руку подай, какъ женѣ безпорочной; и будутъ
„Снова межъ вами союзъ и покой и любовь и согласье.“
Вѣтеръ умолкнулъ и райской прохладой отвсюду повѣялъ
Воздухъ весны, и упали цвѣты дождемъ благовоннымъ
Съ неба при звукѣ воздушныхъ тимпановъ. Такимъ, несказанно
Чуднымъ свидѣтельствомъ Наль изцѣленный отъ всѣхъ подозрѣній
Вспомнилъ о томъ, что ему сказалъ царь-змѣй на прощаньи,
Въ данный имъ зеркальвый щитъ поглядѣлъ и въ минуту явился
Прежнимъ Налемъ, и руки простеръ къ своей Дамаянти.
Съ крикомъ пронзительнымъ кинулась въ нихъ Дамаянти, и этотъ
Мигъ единый стократъ заплатилъ имъ за долгія муки.
Голову Наля прижавши къ своей цѣломудренной груди,
Въ сладкомъ забвеньи всего, въ упоеньи любви Дамаянти
Долго безгласна была; она, то сквозь слезъ улыбалась;

То трепетала, пронзенная радостью; то отъ избытка
Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
Тайную брака завѣсу на нихъ, сочетавшихся снова
Дорого-купленнымъ бракомъ. Такъ наконецъ отдохнули
Вмѣстѣ они, до блаженства достигнувъ дорогой печали.
Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повѣсть о томъ, что розно другъ съ другомъ они претерпѣли,
Мыслей и чувствъ повѣренье, раздѣлъ и сліянье,
Все въ одномъ заключилося чувствѣ: *мы вмѣстѣ;* и память
Прошлыхъ бѣдъ настоящею радостію, свѣтомъ, отъ тѣни
Болѣе яркимъ, печальныя были веселымъ разсказомъ
Сдѣлалась. Такъ по долгой въ изгнаньи тоскѣ, возвратился
Наль къ Дамаянти, какъ солнце изъ зимняго, хладнаго знака
Въ знакъ весны возвращается; такъ Дамаянти, приникнувъ
Къ сердцу Наля, опять разцвѣла, какъ сіяющій вешнимъ
Цвѣтомъ садъ живѣй разцвѣтаетъ, дождемъ орошенный.
Тутъ пропѣли два соловья имъ пѣсню такую:

„Снова Дамаянти съ Налемъ неразлучна;
„Сердце вновь покойно, горе позабыто,
„Смолкнули желанья, такъ ликуетъ въ небѣ
„Ночь, когда ей свѣтитъ другъ желанный мѣсяцъ.“

II.

Рано, лишь только что день занялся на востокъ, царица
Мать разбудила царя неожиданно-радостной вѣстью.
Наль возвратился, Бимѣ сказала она, Дамаянти
Съ мужемъ опять и снова съ ними согласіе. Бима
Поднялъ брови, незапною вѣстью такой изумленный.
Тутъ царица открыла ему, какой Дамаянти
Хитростью Наля царя заманила въ Видарбу, какою
Выдумкой царь Ритупернъ былъ обманутъ. И ей, у-
лыбаясь,
Бима отвѣтствовалъ кротко: я вашу женскую хитрость
Вамъ прощаю за то, что она удалась. Тутъ явился
Наль съ Дамаянти и съ ними ихъ дѣти. Приблизился
къ тестю
Наль, Дамаянти приблизилась къ матери. Зятя, какъ сына,
Ласково принялъ царь благодушный Бима и нѣжнымъ
Взглядомъ поздравилъ дочь съ возвратившимся сча-
стьемъ.
Скоро потомъ пришли и братья и подали руку
Налю и братски съ сестрой обнялися; потомъ отовсюду
Стали сходиться сродники, ближніе: вотъ напослѣдокъ
Вся Видарба наполнилась шумомъ торжественнымъ;
домы
Въ пышныя ткани одѣлись; на кровляхъ явились зна-
мена;
Площади, улицы всѣ закипѣли народомъ, и въ храмахъ
Жертвы зажглися. И вотъ наконецъ до царя Ритуперна

Слухъ дошелъ, что Вагука, конюхъ его, обратился
Въ Наля, что мужа нашла Дамаянти, что новаго дѣлать
Выбора ей не нужно. И царь Ритупернъ дружелюбно,
Къ Налю прищедши, сказалъ: поздравляю тебя, благо-
родный
Царь Нишадскій, съ благой перемѣной судьбы, съ воз-
вращеньемъ
Прежняго вида и болѣ всего съ обрѣтеніемъ милой,
Вѣрной жены. И если я что неугодное сдѣлалъ,
Наль знаменитый, тебѣ тогда, какъ не въ образѣ цар-
скомъ
Жилъ ты слугой у меня, то въ томъ виноватъ безъ
вины я;
Тайны твоей я не зналъ и прошу у тебя извиненья.
Царь Ритупернъ, отвѣтствовалъ Наль, оскорбленья и
тѣни
Я не видалъ отъ тебя; но когда бъ и обиженъ тобою
Былъ я, то Налю царю обидъ, нанесенныхъ Вагукѣ
Конюху, брать на себя неприлично. Тебя же давно я,
Царь Ритупернъ, и чту и люблю, какъ царскаго брата.
Мнѣ благосклоннымъ ты былъ господиномъ, когда подъ
твоею
Кровлею жилъ я слугою Вагукой, теперь благосклон-
нымъ
Другомъ будь мнѣ, царю Нишадскому Налю. Ты видишь
Самъ, что Вагукѣ конюшимъ твоимъ ужъ не быть:
безъ сомнѣнья
Также захочетъ въ прежнюю службу вступить и Варшнея.

Но въ убыткѣ ты, царь Ритупернъ, не останешься; даръ мой
Править конями тебѣ отдаю я рукою и словомъ,
Такъ же, какъ самъ отъ тебя могущество счета съ искусствомъ
Въ кости играть получилъ и нынѣ въ Айоду ты столь же
Быстро пріѣдешь одинъ, столь быстро пріѣхалъ оттуда
Вмѣстѣ съ Вагукой въ Видарбу. А я посмотрю, что удастся
Выиграть мнѣ съ искусствомъ, тобою мнѣ даннымъ. — Другъ другу
Подали руку цари на любовь и союзъ; и въ Айоду
Царь Ритупернъ возвратился. Наль, горя нетерпѣньемъ
Выиграть тронъ свой, также недолго остался въ Видарбѣ.

III.

Мѣсяцъ проживши у тестя, съ избранной дружиною храбрыхъ
Наль пошелъ наконецъ на свое Нишадское царство;
Самъ онъ сидѣлъ въ колесницѣ блестящей; могучіе кони
Бѣшено прыгали, твердой рукѣ его покоряясь;
Слѣдомъ за нимъ шестнадцать слоновъ боевыхъ съ крѣпостными
Башнями, полными ратниковъ, шли; за слонами скакали
Конные, легкій отрядъ, пятьдесятъ копьеносцевъ; за ними
Пѣшихъ дружина, пятьсотъ отборныхъ стрѣлковъ. Не сражаться

Велъ ихъ Наль, а украсить свое вступленье въ Нишаду.
Такъ снарядившись, царь на прощаньи сказалъ Дамаянти:
Ты оставайся подъ кровлей отцовской, покуда не ввелъ я
Новаго счастья въ нашъ домъ, и его отъ врага не очистилъ,
Счастіе прежнее въ немъ истребившаго; съ миромъ тогда ты
Въ нашу столицу съ дѣтьми возвратишься, какъ на небо свѣтлый
День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же
Въ радости здѣсь, ожидая блаженной минуты возврата
Въ домъ семейный, на новое счастье, на новую славу.
Взоромъ однимъ Дамаянти царю отвѣчала, но въ этомъ
Взорѣ, полномъ небесной души, была ужъ побѣда.
Быстрою бурею Наль полетѣлъ, и скоро достигъ онъ
Въ грозномъ величіи царства, изъ коего нѣкогда вышелъ
Бѣднымъ изгнанникомъ. Брату Пушкаръ, владѣвшему нынѣ
Бывшимъ престоломъ его, онъ сказалъ: я тебя вызываю
Къ новой игрѣ; я поставлю на кости жену, ты поставишь
Все Нишадское царство — довольно ль съ тебя? Но сначала
Сдѣлать мнѣ должно съ тобой уговоръ: когда проиграешь
Ты — то все, чѣмъ владѣешь, будетъ моимъ и надъ самой
Жизнью твоею буду я властенъ; когда жъ проиграю
Я — то все, чѣмъ владѣю, возьмешь ты, ежели можешь:
Знай наперед, что тогда мы съ тобою мечемъ разочтемся.

Полно же медлить; тебѣ по законамъ игры мнѣ на вызовъ
Къ новой игрѣ отказать невозможно; и властенъ теперь ты
Выбрать изъ двухъ любую игру: въ желѣзо иль въ кости.
Хочешь отвѣдать меча — выходи; я радъ поединку;
Царство, наслѣдье отцовъ, должны сохранять мы, покуда
Наше оно, когда же его мы утратили, силой
Должно умѣть намъ его возвратить; такъ учили насъ предки.
Часъ наступилъ; принимайся, Пушкара, за мечъ иль за кости.
Или тебѣ живому не быть, иль я Дамаянти
Съ жизнью тебѣ уступлю. — На этотъ вызовъ Пушкара
Такъ отвѣчалъ, усмѣхнувшись: готовъ я еще разъ съ тобою
Въ кости счастья отвѣдать; то будетъ игра роковая;
Горя съ тобой въ нищетѣ Дамаянти довольно терпѣла;
Власть и богатство со мною раздѣлитъ она и забудетъ
Прошлое скоро; а я и на тронѣ Нишадскомъ всечасно
Думалъ объ ней, и ждалъ, что придешь ты; и вотъ напослѣдокъ
Ты пришелъ, и будетъ моей Дамаянти, и болѣ
Мнѣ ничего на землѣ желать не останется. — Этимъ
Дерзкимъ отвѣтомъ разгнѣванный, мечъ свой хулителю въ сердце
Чуть не вонзилъ въ запальчивости Наль, но, собой овладѣвши,

Онъ сказалъ, трепеща и кипя и сверкая: безумецъ,
Полно хвастать, играй: проиграешь, заплатишь. И кости
Брошены — все рѣшено: обратно Нишадское царство
Съ первымъ ударомъ выигралъ Наль у Пушкары. Со смѣхомъ
Онъ, побѣдитель, взглянулъ на него, побѣжденнаго. Что ты
Скажешь теперь? Мое законное царство, которымъ
Думалъ владѣть ты, по-прежнему стало моимъ и отнынѣ
Будетъ въ крѣпкихъ рукахъ: теперь межъ царемъ и межъ царствомъ
Третій никто не дерзнетъ протѣсниться. Мою жъ Дамаянти
Ты и во снѣ недостоинъ увидѣть; ты рабъ мой отнынѣ;
Такъ рѣшила судьба. Но слушай: не властью твоею
Нѣкогда былъ я низверженъ съ престола; Кали искуситель,
Врагъ мой, тебѣ помогалъ; ты объ этомъ не зналъ, безразсудный;
Знай же теперь, что отмщать на тебѣ преступленья чужаго
Я не хочу. Живи, и будь милосердіе неба
Вѣчно съ тобой и вражды да не будетъ межъ нами, Пушкара,
Братъ мой; живи, благоденствуя многіе, многіе годы.
Весь уничтоженный благостью брата, предъ нимъ на колѣна

Бросился, плача, Пушкара. О Наль Пуньялока, да будетъ
Милость боговъ и всякое благо земное съ тобою!
Въ скромномъ удѣлѣ моемъ я, твой подданный, буду спокойнѣй
Жить, чѣмъ на тронѣ твоемъ, гдѣ покой мой основанъ
Былъ на ударѣ невѣрныхъ костей; и своими отнынѣ
Буду я столь же любимъ, сколь былъ ненавидимъ твоими.
Прежде однако очищу себя отъ вины омовеньемъ
Въ Гангесѣ грѣшнаго тѣла; въ его благодатныя волны
Брошу, проклявъ ихъ, враждебныя кости, которыми злые
Властвуютъ духи. А ты, сюда возвративъ Дамаянти
Въ блескѣ прекраснаго солнца, скажи ей, чтобъ гнѣва
Въ сердцѣ ко мнѣ не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищеннымъ въ опытѣ счастьемъ.

1-ое ИЮЛЯ 1842.

Встаетъ Христовъ знаменоносецъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ;
Сѣдлаетъ бѣлаго коня,
И въ панцырѣ свѣтлѣе дня,
Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ,
По свѣтозарнымъ небесамъ,
По громоноснымъ облакамъ
Летитъ въ знакомый край полночи;
Горятъ звѣздами чудны очи;
Прекрасенъ блескъ его лица;
Въ рукѣ могучей два вѣнца:
Одинъ вѣнецъ изъ лавровъ чистыхъ,
Другой изъ бѣлыхъ розъ душистыхъ.

Зачѣмъ же онъ на Русь летитъ?....
Онъ съ тѣхъ временъ, какъ Русь стоитъ,
Всегда пророчески являлся,

Какъ скоро Божій судъ свершался,
Во славу иль въ спасенье намъ.
Онъ въ первый разъ явился тамъ —
Какъ вождь, сподвижникъ и хранитель —
Гдѣ вѣнценосный нашъ крестнтель
Во Іордань Днѣпровскихъ водъ
Свой вѣрный погрузилъ народъ,
И стала Русь земля Христова.
Тамъ у Крещатика святаго
Союзъ свой съ нами заключилъ
Великій ратникъ Божьихъ силъ,
Георгій нашь побѣдоносецъ.
Когда свирѣпый бѣдоносецъ
На Русь Половчанинъ напалъ,
Передъ врагомъ невѣрнымъ сталъ
Онъ вмѣстѣ съ бодрымъ Мономахомъ,
И надолго, объятый страхомъ,
Врагъ заперся въ своихъ степяхъ.
Но нашъ великій Мономахъ,
Тѣхъ дней послѣднее свѣтило,
Угасъ, и время наступило
Неизглаголанное золъ:
Пожаръ усобницъ и крамолъ
Повсюду вспыхнулъ; братъ на брата
Пошелъ войной и сопостата
Губить отчизну подкупилъ,
И, обезумясь, потащилъ
Самъ Русскій матерь-Русь ко гробу....

Тогда Господь на нашу злобу
Свой гнѣвъ карающій послалъ:
На насъ Ордынецъ набѣжалъ,
И опозорилъ Русь святую,
Тяжелую, двухвѣковую
На шею цѣпь набросивъ ей;
Тогда погибла честь Князей:
Топоръ Ордынца своенравно
Ругался ихъ главой державной;
И прежней славы самый слѣдъ
Исчезъ.... одинъ во мглѣ сихъ бѣдъ,
Въ шуму сихъ страшныхъ вражьихъ оргій,
Нашъ Божій ратникъ, нашъ Георгій
Намъ неизмѣнно вѣренъ былъ;
Звѣздой надежды онъ свѣтилъ
Намъ изъ-за тучи испытанья;
О бодрыхъ праотцахъ преданья
Унывшимъ внукамъ онъ берёгъ;
Его къ намъ милующій Богъ
Ниспосылалъ, чтобъ подкрѣплялъ насъ,
Когда въ огнѣ скорбей ковалъ насъ
Въ несокрушаемый булатъ
Тяжелый испытанья млатъ.
И, мученикъ побѣдоносный,
Онъ плѣнъ мучительно-поносный
Терпѣть насъ мужески училъ;
Въ бояхъ же нашъ сподвижникъ былъ;
Онъ съ Невскимъ опрокинулъ Шведа —

И стала Невская побѣда
Въ началѣ долгихъ рабства бѣдъ
Святымъ пророчествомъ побѣдъ,
Создавшихъ снова нашу силу;
Онъ былъ Тверскому Михаилу
Утѣшнымъ спутникомъ въ Орду,
Предсталъ съ нимъ ханскому суду,
И братскую страдальцу руку
Простеръ, чтобъ онъ во славу муку
За Русь и вѣру воспріялъ;
Когда Донской народъ созвалъ,
Чтобъ дать Ордынцу пиръ кровавый,
Въ день воскресенья нашей славы,
Надъ нашей ратью въ вышинѣ
Побѣдоносецъ на конѣ
Явился грозный, и, блистая,
Какъ въ небѣ туча громовая,
Воздвиглось знамя со крестомъ
Передъ испуганнымъ врагомъ,
И первый Русскій бой свободы
Однимъ великимъ днемъ за годы
Стыда и рабства отомстилъ.
Срокъ искупленья наступилъ;
Въ насъ запылала жизнь иная;
Преображенная, младая,
Свершивъ дорогу темныхъ бѣдъ,
Дорогой свѣтлою побѣдъ
Пошла къ своей чредѣ Россія;

И все, что времена лихія
Насильно взяли, то она,
Въ благія славы времена,
Сама взяла обратно съ бою;
И вмѣстѣ съ ней рука съ рукою
Ея побѣдоносецъ шелъ.
Орды разрушился престолъ;
Казань враждебная исчезла;
За грань Урала перелѣзла
Лихая шайка Ермака,
И передъ саблей казака
Съ своими дикими ордами
И златоносными горами
Смирилась мрачная Сибирь...
Тогда святой нашъ богатырь,
Съ нашествіемъ и плѣномъ сладивъ,
И съ Руси слѣдъ послѣдній сгладивъ
Стыда и бѣдъ, взмахнулъ мечемъ,
И быстро обскакалъ кругомъ
Ея врагамъ *доступной* грани:
И начались иныя брани
На всѣхъ концахъ ея тогда;
Чудотворящая звѣзда
Петрова знаменіемъ славы
Намъ возсіяла въ день Полтавы,
И свѣтлый ратникъ Божьихъ силъ
Свою торжественно развилъ
Хоругвь съ крестомъ надъ Русью славной;

Изъ Бельта флотъ ея державный
Намъ путь открылъ во всѣ моря;
Смирился Каспій, отворя
Ей древнія свои пучины;
Горами смерзшіяся льдины
И неподвижный свой туманъ
Ей Ледовитый Океанъ
Воздвигъ на полночь твердой гранью;
Могучею покрыла дланью
Весь сѣверъ Азіи она;
Ея съ побѣдой знамена
Черезъ Кавказъ переступили,
И грозно пушки огласили
Предъ ней Балканъ и Араратъ,
И дрогнулъ въ ужасѣ Царьградъ.
Отмстились древнія обиды:
Законно взяли мы съ Тавриды,
Что было взято съ насъ Ордой;
И за отнятое Литвой
Намъ Польша съ лихвой заплатила
Въ кровавый день, когда рѣшила
Судьба межъ двухъ родныхъ племенъ
Споръ, съ незапамятныхъ временъ
Сосѣдствомъ гибельнымъ зажженный,
И роковымъ лишь погашенный
Паденьемъ одного изъ двухъ.
И все свершилося: потухъ
Для насъ въ побѣдахъ пламень брани;

Несокрушаемыя грани
Намъ всюду создала война;
Жизнеобильна и сильна,
Въ могуществѣ миролюбива,
Въ избыткѣ славы нестроптива,
Друзьямъ сподвижникъ, врагъ врагамъ,
Надежный царствамъ и царямъ
Союзникъ въ дѣлѣ правды, славы,
Россія всѣ зоветъ державы
Въ могучій съ ней союзъ вступить,
Чтобъ миротворной правдой слить
Въ одно семейство всѣ народы.

Небесные покинувъ своды,
Зачѣмъ же нынѣ посѣтилъ
Насъ свѣтлый ратникъ Божьихъ силъ,
Сподвижникъ нашъ побѣдоносный?
Давно Ордынскій плѣнъ поносный
Забытъ; иноплеменный врагъ
На нашихъ нивахъ и поляхъ
Не разливаетъ разоренья;
Мы сами для побѣдъ иль мщенья,
Какъ то бывало въ старину,
Не мыслимъ начинать войну —
Зачѣмъ же нынѣ вдругъ предсталъ онъ?
Зачѣмъ поспѣшно осѣдлалъ онъ
Лихаго бѣлаго коня,
И въ панцырѣ свѣтлѣе дня,

Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ,
По небесамъ, по облакамъ,
Нежданый вдругъ примчался къ намъ? —
Не бранный гость, а мироносецъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ,
Теперь пришелъ, не звать насъ въ бой,
А вмѣстѣ съ нами нашъ святой
Семейный пиръ Царевъ отправить,
И Русскій весь родъ поздравить
Съ прекраснымъ Царской жизни днемъ,
Съ такимъ поздравить торжествомъ,
Какого царство не видало,
Какого прежде не бывало
Подъ кровлей Царскаго дворца.
И два въ рукахъ его вѣнца:
Одинъ вѣнецъ Царю въ подарокъ;
Изъ свѣжихъ лавровъ онъ, и ярокъ
Нетлѣнный блескъ его листовъ;
Онъ не увянетъ, какъ любовь
Къ Царью, какъ Царская держава,
Какъ честь Царя, какъ Руси слава.
Царицѣ въ даръ вѣнецъ другой
Изъ бѣлыхъ розъ — ихъ блескъ живой
Съ ея душею сходенъ ясной;
Какъ роза бѣлая, прекрасно
На тронѣ жизнь Ея цвѣтетъ
И благодатное лѣтъ

На все любви благоуханье;
Родной семьи очарованье,
Народа Русскаго краса,
Свѣтла, чиста, какъ небеса,
Да долго намъ Она сіяетъ,
Насъ радуетъ, насъ умиляетъ,
Незаходимою звѣздой
Горя надъ Русскою землей!..

Серебряную свадьбу правя
Царя великаго, и славя
Его домашній Царскій бытъ,
Которымъ Онъ животворитъ
На всѣхъ концахъ своей державы
Семейные благіе нравы —
Любви супружней образецъ,
Дѣтей заботливый Отецъ —
Народъ о томъ лишь Бога молитъ:
„Да нѣкогда Царю дозволитъ,
„Чтобъ Онъ съ Царицею Своей,
„Всѣхъ сыновей и дочерей
„И чадъ и внуковъ ихъ собравши,
„И тратъ въ семьѣ не испытавши,
„Позвалъ народъ, какъ нынѣ, свой
„На праздникъ *свадьбы золотой*.“

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПЯТОМУ ТОМУ.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Греева Элегія переведена мною въ 1802 году и напечатана въ Вѣстникѣ Европы, который въ 1802 и 1803 г. былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ. Это мое *первое напечатанное* стихотвореніе. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу *). Находясь, въ Маіѣ мѣсяцѣ 1839 года, въ Виндзорѣ, я посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его Элегію (оно находится въ деревнѣ Stock Poges, неподалеку отъ Виндзора); тамъ я перечиталъ прекрасную Грееву поэму и вздумалъ снова перевести ее, какъ можно ближе къ подлиннику. Этотъ второй переводъ, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу въ знакъ нашей съ тѣхъ поръ продолжающейся дружбы и въ воспоминаніе о его братѣ **).

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ.

Наль и Дамаянти есть эпизодъ огромной Индѣйской поэмы Магабараты. Этотъ отрывокъ, самъ по себѣ составляющій полное цѣлое, два раза переведенъ на Нѣмецкій языкъ; одинъ переводъ, Бопповъ, ближе къ оригиналу; другой, Рюккертовъ, имѣетъ болѣе

*) Онъ умеръ въ 1803 году.

**) И его уже нѣтъ.

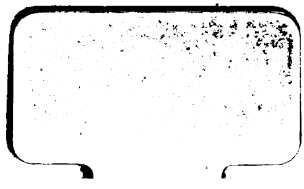
поэтическаго достоинства. Я держался послѣдняго. Не зная подлинника, я не могъ имѣть намѣренія познакомить съ нимъ Русскихъ читателей; я просто хотѣлъ разсказать имъ по-Русски ту повѣсть, которая плѣнила меня въ разсказѣ Рюккерта, хотѣлъ самъ насладиться трудомъ поэтическимъ, стараясь найти въ языкѣ моемъ выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которою полна Индѣйская повѣсть о Налѣ и Дамаянти.

Вотъ что говоритъ А. В. Шлегель объ этомъ отрывкѣ: „По „моему мнѣнію эта Поэма не уступаетъ ни какой изъ древнихъ и „новыхъ въ красотѣ поэтической, въ увлекательности страстей, въ „возвышенной нѣжности чувствъ и мыслей. Прелесть ея доступна „всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и не„образованному, руководствующемуся однимъ естественнымъ чув„ствомъ. Повѣсть о Налѣ и Дамаянти есть самая любимая изъ „народныхъ повѣстей въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое само„отверженіе Дамаянти такъ же извѣстны всѣмъ и каждому, какъ „у насъ постоянство Пенелопы.“

1-ое ІЮЛЯ 1842.

Сіи стихи, написанные на праздникъ *серебряной свадьбы* Русскаго Царя, служатъ въ то же время изъясненіемъ картины, на которой изображенъ Георгій побѣдоносецъ, съ двумя вѣнками въ рукахъ, одинъ изъ бѣлыхъ розъ, другой лавровый.

V A Russ 2125

309.c.12.

790070